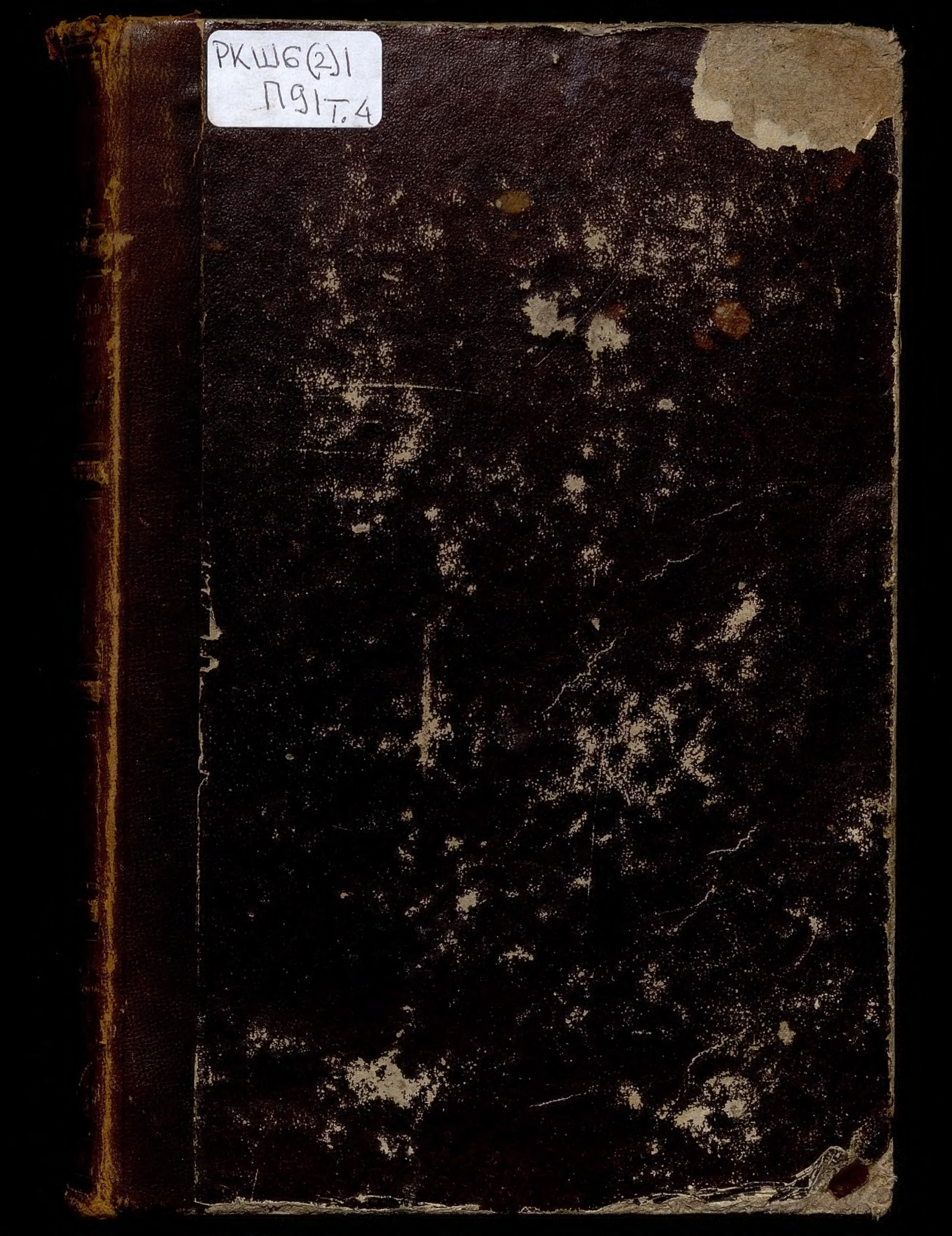
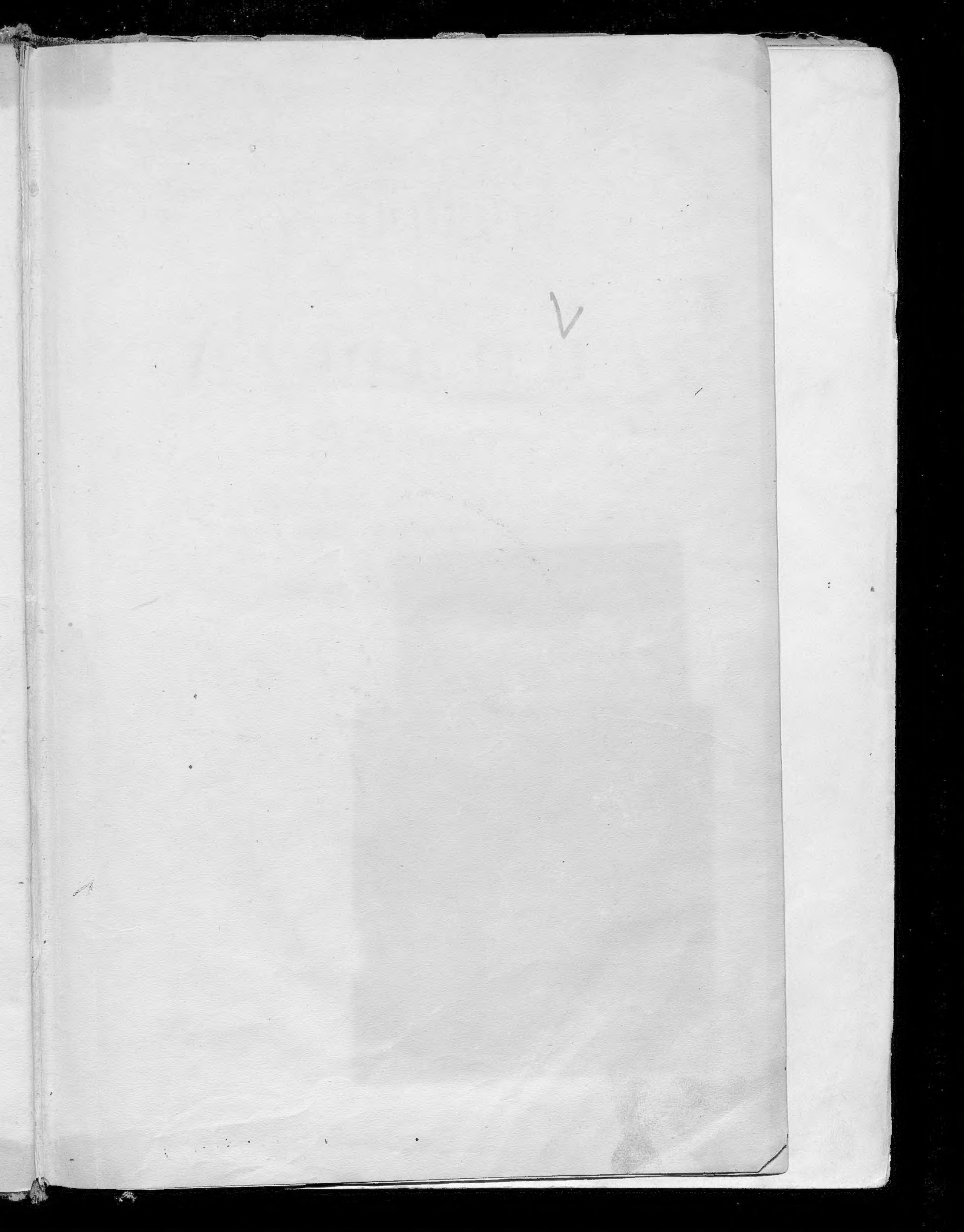


РКШ6(2)1
П91 т. 4

А. Шуктаев

№ 4



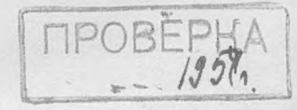
Д. Шуктаевъ.

Р1
П-91

СОЧИНЕНІЯ

ПУШКИНА

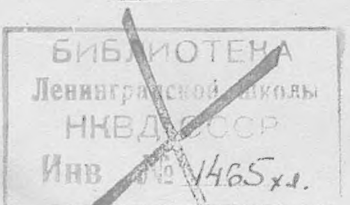
СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ ПОРТРЕТА, СНИМКОВЪ СЪ ЕГО ПОЧЕРКА И СЪ ЕГО РИСУНКОВЪ, И ПРОЧ



ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

БИБЛИОТЕКА
Инв. № 2634 хл
Пех. Офицерской школы

Изданіе П. В. Анненкова



БИБЛИОТЕКА
Ленинградской школы
НКВД СССР
Инв № 33782

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1855

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 1-го Ноября 1854 года.

Ценсоръ *А. Фрейгангъ.*

Въ Типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ-Заведеніямъ.

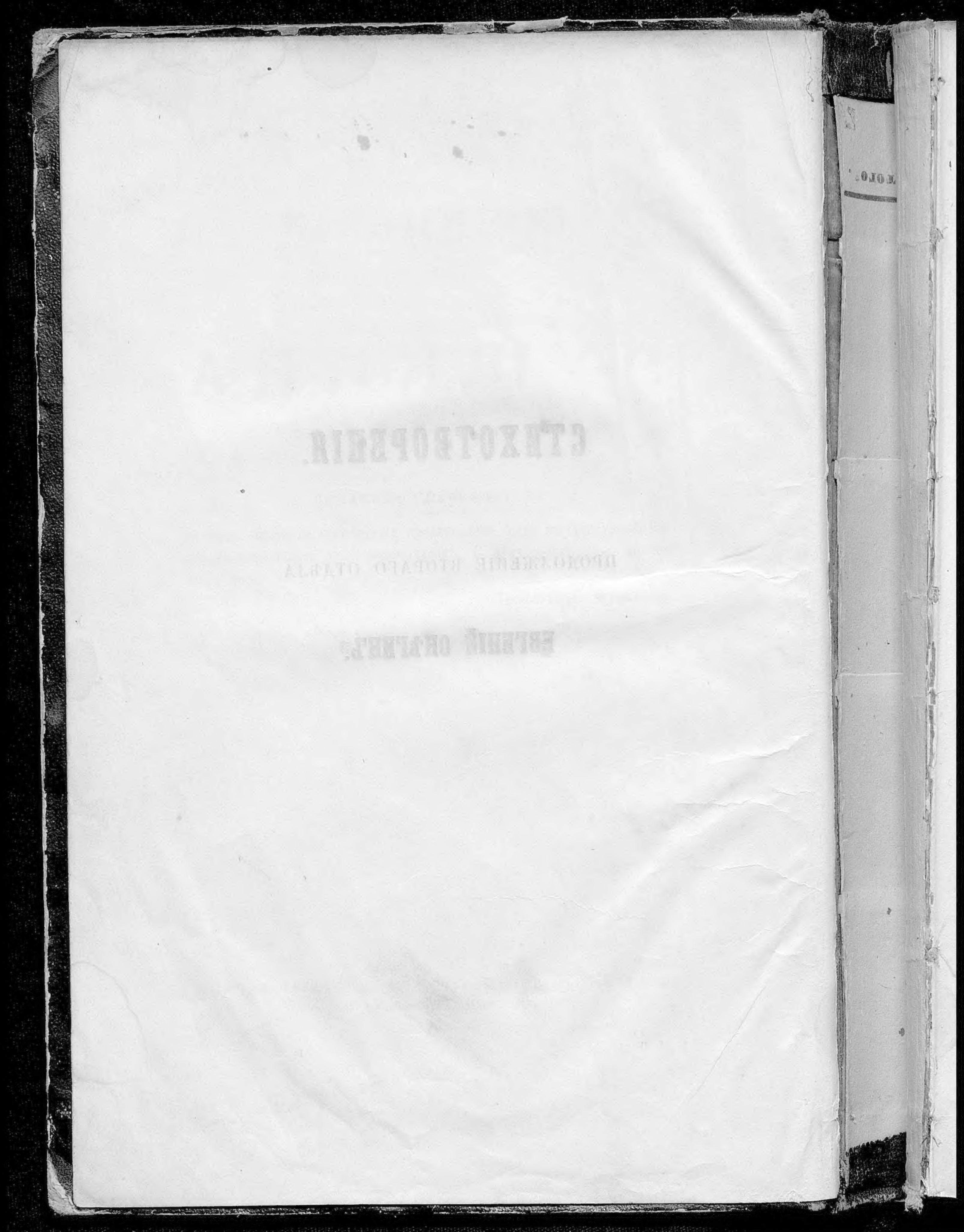
БИБЛИОТЕКА
Санкт-Петербургского
университета МВД России

420640

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ВТОРАГО ОТДѢЛА.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.



ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

(1823—1831.)

Pétri de vanité il avait encore plus de cette éspèce d'orgueil, qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.

ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПЛЕТНЕВУ.

Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебя,
Достойнѣе души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты;
Но такъ и быть — рукой пристрастной

Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

═

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

—

И жить торопится, и чувствовать спѣшитъ.
К. Вяземскій.

I.

«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
«Когда не въ шутку занемогъ;
«Онъ уважать себя заставилъ,
«И лучше выдумать не могъ:
«Его примѣръ другимъ наука;
«Но, Боже мой, какая скука
«Съ больнымъ сидѣть и день и ночь,
«Не отходя ни шагу прочь!
«Какое низкое коварство
«Полуживаго забавлять,
«Ему подушки поправлять,
«Печально подносить лекарство,
«Вздыхать и думать про себя:
«Когда же чортъ возьметъ тебя!»

II.

Такъ думалъ молодой повѣса,
Летя въ пыли на почтовыхъ,

Всевышней волею Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ
Друзья Людмилы и Руслана!
Съ героемъ моего романа,
Безъ предисловій, сей же часъ,
Позвольте познакомить васъ:
Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!
Тамъ нѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ сѣверъ для меня [1].

III.

Служивъ отлично благородно,
Долгами жилъ его отецъ,
Давалъ три бала ежегодно,
И промотался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила:
Сперва *madame* за нимъ ходила,
Потомъ *monsieur* ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, Французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя,
Не докучалъ моралью строгой,
Слегка за шалости бранилъ,
И въ Лѣтній-садъ гулять водилъ.

IV.

Когда же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,

1. Писано въ Бессарабіи.

Пора надеждъ и грусти нѣжной,
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ *dandy* [2] Лондонскій одѣтъ,
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-Французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ,
Легко мазурку танцовалъ,
И кланялся непринужденно:
Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

V.

Мы всѣ учились понемногу,
Чему нибудь и какъ нибудь:
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть.
Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
(Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
Ученый малый, но педантъ:
Имѣлъ онъ счастливый талантъ,
Безъ принужденья въ разговорѣ,
Коснуться до всего слегка;
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ нежданыхъ эпиграмъ.

VI.

Латынь изъ моды вышла нынѣ:
Такъ, если правду вамъ сказать,

2. Dandy, франтъ

Онъ зналъ довольно по-Латынѣ,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить *vale*,
Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.
Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли;
Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы ни бились, отличить;
Бранилъ Гомера, Ѳеокрита;
За то читалъ Адама Смита,
И былъ глубокій экономъ,
То есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.
Отецъ понять его не могъ,
И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгеній,
Пересказать мнѣ недосугъ;
Но въ чемъ онъ истинный былъ геній,

Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
Что было для него измлада
И трудъ, и мука, и отрада,
Что занимало цѣлый день
Его тоскующую лѣнь, —
Была наука страсти нѣжной,
Которую воспѣлъ Назонъ,
За что страдальцемъ кончилъ онъ
Свой вѣкъ блестящій и мятежной
Въ Молдавіи, въ глуши степей,
Вдали Италіи своей.

IX.

. . . .
. . . .
. . . .

X.

Какъ рано могъ онъ лицемѣрить,
Таить надежду, ревновать,
Разувѣрять, заставить вѣрить,
Казаться мрачнымъ, изнывать,
Являться гордымъ и послушнымъ,
Внимательнымъ, иль равнодушнымъ!
Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
Какъ пламенно краснорѣчивъ,
Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
Однимъ дыша, одно любя,
Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
Какъ взоръ его былъ быстръ и нѣженъ,
Стыдливъ и дерзокъ, а порой
Блисталъ послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньемъ готовымъ,
Пріятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиленья,
Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
Умомъ и страстью побѣждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звукъ,
Преслѣдовать любовь — и вдругъ
Добиться тайнаго свиданья,
И послѣ, ей наединѣ
Давать уроки въ тишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить
Сердца кокетокъ записныхъ!
Когда жъ хотѣлось уничтожить
Ему соперниковъ своихъ,
Какъ онъ язвительно злословилъ!
Какія сѣти имъ готовилъ!
Но вы, блаженные мужья,
Съ нимъ оставались вы друзья:
Его ласкалъ супругъ лукавый,
Фобласа давній ученикъ,
И недовѣрчивый старикъ,
И рогоносецъ величавый,
Всегда довольный самъ собой,
Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII. XIV.

. . . .
. . . .
. . . .

XV.

Бывало, онъ еще въ постелѣ,
Къ нему записочки несутъ.
Что? Приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ,
Три дома на вечеръ зовутъ:
Тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій праздникъ.
Куда жъ поскачетъ мой проказникъ?
Съ кого начнетъ онъ? Все равно,
Вездѣ поспѣть немудрено.
Покамѣстъ, въ утреннемъ уборѣ,
Надѣвъ широкій боливаръ [3],
Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ,
И такъ гуляетъ на просторѣ,
Пока недремлющій брегетъ
Не прозвонитъ ему обѣдъ.

XVI.

Ужъ темно; въ санки онъ садится;
«Поди! поди!» раздался крикъ;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротникъ.
Къ Talon [4] помчался: онъ увѣренъ,
Что тамъ ужъ ждетъ его ***;
Вошелъ, и пробка въ потолокъ,

3. Шляпа à la Bolivar.
4. Извѣстный ресторатор.

Вина кометы брызнулъ токъ,
Предъ нимъ *roast-beef* окровавленный,
И трюфли, роскошь юныхъ лѣтъ,
Французской кухни лучшій цвѣтъ,
И Стразбурга пирогъ нетлѣнный
Межъ сыромъ Лимбургскимъ живымъ
И ананасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда проситъ
Залить горячій жиръ котлетъ;
Но звонъ брегета имъ доноситъ,
Что новый начался балетъ.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательныхъ актрисъ,
Почетный гражданинъ кулисъ,
Онѣгинъ полетѣлъ къ театру,
Гдѣ каждый, критикой дыша,
Готовъ охлопать *entrechat*,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать — для того,
Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ, въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блисталъ Фонвизинъ, другъ свободы,
И переимчивый Княжнинъ;
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ младой Семеновой дѣлилъ;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ

Корнеля геній величавой;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой;
Тамъ и Дидло вѣнчался славой;
Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулисъ,
Младые дни мои неслись.

XIX.

Мои богини! Что вы? Гдѣ вы?
Внемлите мой печальный гласъ:
Всѣ тѣже ль вы? другія ль дѣвы,
Смѣнивъ, не замѣнили васъ?
Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли Русской Терпсихоры
Душой исполненный полетъ?
Иль взоръ унылый не найдетъ
Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
И, устремивъ на чуждый свѣтъ
Разочарованный лорнетъ,
Веселья зритель равнодушной,
Безмолвно буду я зѣвать
И о быломъ воспоминать?

XX.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
Партеръ и кресла, все кипитъ;
Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
И, взвившись, занавѣсъ шумитъ.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,

Другою медленно кружитъ,
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
Летитъ, какъ пухъ отъ устъ Эола;
То станъ совьетъ, то разовьетъ,
И быстрой ножкой ножку бьетъ.

XXI.

Все хлопаетъ. Онѣгинъ входитъ;
Идетъ межъ креселъ по ногамъ;
Двойной лорнетъ скосясь наводитъ
На ложи незнакомыхъ дамъ;
Всѣ ярусы окинувъ взоромъ,
Все видѣлъ: лицами, уборомъ
Ужасно недоволенъ онъ;
Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ
Раскланялся; потомъ на сцену
Въ большомъ разсѣяньи взглянулъ,
Отворотился и зѣвнулъ
И молвилъ: «всѣхъ пора на смѣну;
Балеты долго я терпѣлъ,
Но и Дидло мнѣ надоѣлъ» [5].

XXII.

Еще амуры, черти, змѣи
На сценѣ скачутъ и шумятъ;
Еще усталые лакеи
На шубахъ у подъѣзда спятъ;
Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;

5. Черта охлажденнаго чувства, достойная Чильдъ-Гарольда. Балеты г. Дидло исполнены живости воображенія и прелести необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болѣе поэзіи, нежели во всей Французской литературѣ.

Еще снаружи и внутри
Вездѣ блистаютъ фонари;
Еще прозябнувъ бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера вокругъ огней
Бранятъ господъ и бьютъ въ ладони.
А ужъ Онѣгинъ вышелъ вонъ;
Домой одѣться ѣдетъ онъ.

XXIII.

Изображу ль въ картинѣ вѣрной
Уединенный кабинетъ,
Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной
Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?
Все, чѣмъ для прихоти обильной
Торгуетъ Лондонъ щепетильной
И по Балтическимъ волнамъ
За лѣсъ и сало возитъ намъ,
Все, что въ Парижѣ вкусъ голодной,
Полезный промыселъ избравъ,
Изобрѣтаетъ для забавъ,
Для роскоши, для нѣги модной,—
Все украшало кабинетъ
Философа въ осьмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда,
Фарфоръ и бронза на столѣ,
И, чувствъ изнѣженныхъ отрада,
Духи въ граненомъ хрусталѣ;
Гребенки, пилочки стальныя,
Прямыя ножницы, кривыя,
И щетки тридцати родовъ,

И для ногтей, и для зубовъ.
Руссо (замѣчу мимоходомъ)
Не могъ понять, какъ важный Гриммъ
Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
Краснорѣчивымъ сумасбродомъ? [6]
Защитникъ вольности и правъ
Въ семъ случаѣ совсѣмъ неправъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей:
Къ чему безплодно спорить съ вѣкомъ?
Обычай—деспотъ межъ людей.
Второй ***, мой Евгеній,
Боясь ревнивыхъ осужденій,
Въ своей одеждѣ былъ педантъ
И то, что мы назвали франтъ.
Онъ три часа, по крайней мѣрѣ,
Предъ зеркалами проводилъ,
И изъ уборной выходилъ
Подобный вѣтреной Венерѣ,
Когда, надѣвъ мужской нарядъ,
Богиня ѣдетъ въ маскарадъ.

6. Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyais rien, je commençai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour aveir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau.

(Confessions de J. J. Rousseau).

Гриммъ опередилъ свой вѣкъ: нынѣ во всей просвѣщенной Европѣ чистятъ ногти особенною щеточкою.

XXVI.

Въ послѣднемъ вкусѣ туалетомъ
Занявъ вашъ любопытный взглядъ,
Я могъ бы предъ ученымъ свѣтомъ
Здѣсь описать его нарядъ;
Конечно бъ это было смѣло,
Описывать мое же дѣло;
Но *панталоны, фракъ, жилетъ*, —
Всѣхъ этихъ словъ на Русскомъ нѣтъ.
А вижу я, винюсь предъ вами,
Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣть гораздо меньше бъ могъ
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій Словарь.

XXVII.

У насъ теперь не то въ предметѣ.
Мы лучше поспѣшимъ на балъ,
Куда стремглавъ въ ямской каретѣ
Ужъ мой Онѣгинъ поскакалъ.
Передъ померкшими домами,
Вдоль сонной улицы, рядами
Двойные фонари каретъ
Веселый изливаютъ свѣтъ
И радуги на снѣгъ наводятъ;
Усѣянъ плошками кругомъ,
Блеститъ великолѣпный домъ;
По цѣльнымъ окнамъ тѣни ходятъ,
Мелькаютъ профили головъ,
И дамъ, и модныхъ чудаковъ.

35782 420640

XXVIII.

Вотъ нашъ герой подъѣхалъ къ сѣнямъ;
Швейцара мимо онъ стрѣлой
Взлетѣлъ по мраморнымъ ступенямъ,
Расправилъ волоса рукой,
Вошелъ. Полна народу зала;
Музыка ужъ гремѣть устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругомъ и шумъ и тѣснота;
Бренчатъ кавалергарда шпоры;
Летаютъ ножки милыхъ дамъ;
По ихъ плѣнительнымъ слѣдамъ
Летаютъ пламенные взоры,
И ревомъ скрипокъ заглушенъ
Ревнивый шопотъ модныхъ женъ.

XXIX.

Во дни веселій и желаній
Я былъ отъ баловъ безъ ума:
Вѣрнѣй нѣтъ мѣста для признаній
И для врученія письма.
О вы, почтенные супруги!
Вамъ предложу свои услуги;
Прошу мою замѣтить рѣчь:
Я васъ хочу предостеречь.
Вы также, маменьки, построже
За дочерьми смотрите вслѣдъ,
Держите прямо свой лорнетъ;
Не то... не то, избави, Боже!
Я это потому пишу,
Что ужъ давно я не грѣшу.

XXX.

Увы, на разныя забавы
Я много жизни погубилъ!
Но если бъ не страдали нравы,
Я балы бъ до сихъ поръ любилъ.
Люблю я бѣшеную младость,
И тѣсноту, и блескъ, и радость,
И дамъ обдуманный нарядъ;
Люблю ихъ ножки: только врядъ
Найдете вы въ Россіи цѣлой
Три пары стройныхъ женскихъ ногъ.
Ахъ, долго я забыть не могъ
Двѣ ножки!... Грустный, охладѣлой,
Я все ихъ помню, и во снѣ
Онѣ тревожатъ сердце мнѣ.

XXXI.

Когда жъ, и гдѣ, въ какой пустынѣ,
Безумецъ, ихъ забудешь ты?
Ахъ, ножки, ножки! гдѣ вы нынѣ?
Гдѣ мнете вешніе цвѣты?
Взлелѣяны въ восточной нѣгѣ,
На сѣверномъ печальномъ снѣгѣ
Вы не оставили слѣдовъ:
Любили мягкихъ вы ковровъ
Роскошное прикосновенье.
Давно ль для васъ я забывалъ
И жажду славы и похвалъ,
И край отцевъ и заточенье?
Исчезло счастье юныхъ лѣтъ,
Какъ на лугахъ вашъ легкій слѣдъ.

XXXII.

Діаны грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду
Неоцѣненную награду,
Влечетъ условною красой
Желаній своевольный рой.
Люблю ее, мой другъ Эльвина,
Подъ длинной скатертью столовъ,
Весной на муравѣ луговъ,
Зимой на чугунѣ камина,
На зеркальномъ паркетѣ залъ,
У моря на гранитѣ скалъ.

XXXIII.

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!
Нѣтъ, никогда, средь пылкихъ дней
Кипящей младости моей,
Я не желалъ съ такимъ мученьемъ
Лобзать уста младыхъ Армидъ,
Иль розы пламенныхъ ланитъ,
Иль перси, полныя томленьемъ,
Нѣтъ, никогда порывъ страстей
Такъ не терзалъ души моей!

XXXIV.

Мнѣ памятно другое время:
Въ завѣтныхъ иногда мечтахъ
Держу я счастливое стремя,
И ножку чувствую въ рукахъ;
Опять кипитъ воображенье,
Опять ея прикосновенье
Зажгло въ увядшемъ сердцѣ кровь,
Опять тоска, опять любовь...
Но полно прославлять надменныхъ
Болтливой лирою своей:
Онѣ не стоятъ ни страстей,
Ни пѣсенъ, ими вдохновенныхъ;
Слова и взоръ волшебницъ сихъ
Обманчивы, какъ ножки ихъ.

XXXV.

Что жъ мой Онѣгинъ? Полусонный
Въ постелю съ бала ѣдетъ онъ,
А Петербугъ неугомонный
Ужъ барабаномъ пробужденъ.
Встаетъ купецъ, идетъ разнощикъ,
На биржу тянется извощикъ,
Съ кувшиномъ Охтенка спѣшитъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный;
Открыты ставни; трубный дымъ
Столбомъ восходитъ голубымъ,
И хлѣбникъ, Нѣмецъ аккуратный,
Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
Ужъ отворялъ свой *васисдасъ*

XXXVI.

Но, шумомъ бала утомленной
И утро въ полночь обратя,
Спокойно спитъ въ тѣни блаженной
Забавъ и роскоши дитя.
Проснется заполдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра,
И завтра то же, что вчера.
Но былъ ли счастливъ мой Евгеній,
Свободный, въ цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ,
Среди блистательныхъ побѣдъ,
Среди вседневныхъ наслажденій?
Вотще ли былъ онъ средь пировъ
Неосторожeнъ и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ: рано чувства въ немъ остыли;
Ему наскучилъ свѣта шумъ;
Красавицы не долго были
Предметъ его привычныхъ думъ;
Измѣны утомить успѣли;
Друзья и дружба надоѣли,
Затѣмъ, что не всегда же могъ
Beef-steaks и Страсбургскій пирогъ
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острыя слова,
Когда болѣла голова;
И хоть онъ былъ повѣса пылкой,
Но разлюбилъ онъ наконецъ
И брань, и саблю, и свинецъ.

XXXVIII.

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный Англійскому *сплину*,
Короче—Русская *хандра*
Имъ овладѣла понемногу;
Онъ застрѣлиться, слава Богу,
Попробовать не захотѣлъ,
Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
Какъ *Child-Harold*, угрюмый, томный,
Въ гостиныхъ появлялся онъ;
Ни сплетни свѣта, ни бостонъ,
Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
Ничто не трогало его,
Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XLI.

. . . .
. . . .

XLII.

Причудницы большаго свѣта!
Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
И правда то, что въ наши лѣта
Довольно скученъ высшій тонъ.
Хоть, можетъ быть, иная дама
Толкуетъ Сея и Бентама;
Но вообще ихъ разговоръ
Несносный, хоть невинный вздоръ.
Къ тому жъ онѣ такъ непорочны,
Такъ величавы, такъ умны,
Такъ благочестія полны,
Такъ осмотрительны, такъ точны,

Такъ неприступны для мужчинъ,
Что видъ ихъ ужъ раждаетъ сплинъ [7].

XLIII.

И вы, красотки молодыя,
Которыхъ позднею порой
Уносятъ дрожки удалыя
По Петербургской мостовой,—
И васъ покинулъ мой Евгеній.
Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онѣгинъ дома заперся,
Зѣвая за перо взялся,
Хотѣлъ писать: но трудъ упорный
Ему былъ тошенъ; ничего
Не вышло изъ пера его,
И не попалъ онъ въ цехъ задорный
Людей, о коихъ не сужу,
Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И снова, преданный бездѣлью,
Томясь душевной пустотой,
Усѣлся онъ съ похвальной цѣлью
Себѣ присвоить умъ чужой;
Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;

7. Вся сія ироническая строфа не что иное, какъ тонкая похвала прекраснымъ нашимъ соотечественницамъ. Такъ Буало, подъ видомъ укоризны, хвалитъ Лудовика XIV. Наши дамы соединяютъ просвѣщеніе съ любезностію и строгую чистоту нравовъ съ этою восточною прелестію, столь плѣнившею Г-жу Сталь.

(См. *Dix ans d'exil*).

На всѣхъ различныя вериги;
И устарѣла старина,
И старымъ бредитъ новизна.
Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
И полку, съ пыльной ихъ семьей,
Задернулъ траурной тафтой.

XLV.

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоихъ насъ;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.

XLVI.

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей;
Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней:
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змія воспоминаній,
Того раскаянье грызетъ.
Все это часто придаетъ
Большую прелесть разговору.

Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ; но я привыкъ
Къ его язвительному спору,
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпиграмъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтнею порою,
Когда прозрачно и свѣтло
Ночное небо надъ Невою [8],

8 Читатели помнятъ прелестное описаніе Петербургской ночи въ идилліи Гнѣдича.
«Вотъ ночь: но не меркнутъ златистыя полосы облакъ.
Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца вся озаряется дальность.
На взморьѣ далекомъ сребристыя видны вѣтрила
Чуть видныхъ судовъ, какъ по синему небу плывущихъ.
Сіяньемъ безсумрачнымъ небо ночное сіяетъ,
И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока:
Какъ будто денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
Румяное утро. Была то година златая,
Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи,
Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣняетъ
Сліянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
Какимъ никогда не украшено небо полудня,
Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
Которой глаза голубые и алыя щеки
Едва отѣняются русыми локонъ волнами.
Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Петрополемъ видятъ
Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни,
Тогда Филомела полночныя пѣсни лишь кончитъ,
И пѣсни заводитъ, привѣтствуя день восходящій.
Но поздно; повѣяла свѣжесть на Невскія тундры;
Роса опустилась; . . . .
Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячью веселъ,
Нева не колыхнетъ; разъѣхались гости градскіе;
Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ, все тихо:
Лишь изрѣдка гулъ отъ мостовъ пробѣжитъ надъ водою;
Лишь крикъ протяженный изъ дальней промчится деревни,
Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей.
Все спитъ. . . . .

И водъ веселое стекло
Не отражаетъ ликъ Діаны,
Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленой изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонной,
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душею, полной сожалѣній,
И опершися на гранитъ,
Стоялъ задумчиво Евгеній,
Какъ описалъ себя Піитъ [9].
Все было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые,
Да дрожекъ отдаленный стукъ
Съ Мильонной раздавался вдругъ;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей рѣкѣ,
И насъ плѣняла вдалекѣ
Рожекъ и пѣсня удалая.
Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
Напѣвъ Торкватовыхъ октавъ!

9. Въявъ богиню благосклонну
Зритъ восторженный Піитъ,
Что проводитъ ночь безсонну,
Опершися на гранитъ.
(М. Н. Муравьевъ. Богинѣ Невы).

XLIX.

Адріатическія волны!
О Брента! Нѣтъ, увижу васъ,
И, вдохновенья снова полный,
Услышу вашъ волшебный гласъ!
Онъ святъ для внуковъ Аполлона;
По гордой лирѣ Альбіона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
Ночей Италіи златой
Я нѣгой наслажусь на волѣ,
Съ Венеціанкою младой,
То говорливой, то нѣмой,
Плывя въ таинственной гондолѣ;
Съ ней обрѣтутъ уста мои
Языкъ Петрарки и любви.

L.

Придетъ ли часъ моей свободы?
Пора, пора! взываю къ ней;
Брожу надъ моремъ [10], жду погоды,
Маню вѣтрила кораблей.
Подъ ризой бурь съ волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда жъ начну я вольный бѣгъ?
Пора покинуть скучный брегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей [11],
Вздыхать о сумрачной Россіи,

10. Писано въ Одессѣ.
11. Авторъ, со стороны матери, происхожденія Африканскаго.

Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ.

LI.

Онѣгинъ былъ готовъ со мною
Увидѣть чуждыя страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгій срокъ разведены.
Отецъ его тогда скончался.
Передъ Онѣгинымъ собрался
Заимодавцевъ жадный полкъ.
У каждаго свой умъ и толкъ:
Евгеній, тяжбы ненавидя,
Довольный жребіемъ своимъ,
Наслѣдство предоставилъ имъ,
Большой потери въ томъ не видя,
Иль предузнавъ издалека
Кончину дяди старика.

LII.

Вдругъ получилъ онъ въ самомъ дѣлѣ
Отъ управителя докладъ,
Что дядя при смерти въ постелѣ
И съ нимъ проститься былъ бы радъ.
Прочтя печальное посланье,
Евгеній тотчасъ на свиданье
Стремглавъ по почтѣ поскакалъ
И ужъ заранѣе зѣвалъ,
Приготовляясь, денегъ ради,
На вздохи, скуку и обманъ
(И тѣмъ я началъ мой романъ);
Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
Его нашелъ ужъ на столѣ,
Какъ дань, готовую землѣ.

LIII.

Нашелъ онъ полонъ дворъ услуги:
Къ покойнику со всѣхъ сторонъ
Съѣзжались недруги и други,
Охотники до похоронъ.
Покойника похоронили.
Попы и гости ѣли, пили,
И послѣ важно разошлись,
Какъ будто дѣломъ занялись.
Вотъ нашъ Онѣгинъ сельскій житель,
Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
Хозяинъ полный, а досель
Порядка врагъ и расточитель,
И очень радъ, что прежній путь
Перемѣнилъ на что нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій, роща, холмъ и поле
Его не занимали болѣ,
Потомъ ужъ наводили сонъ;
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скука таже,
Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
Хандра ждала его на стражѣ,
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь, иль вѣрная жена.

LV.

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
Въ глуши звучнѣе голосъ лирной,
Живѣе творческіе сны.
Досугамъ посвятясь невиннымъ,
Брожу надъ озеромъ пустыннымъ,
И *far niente* мой законъ.
Я каждымъ утромъ пробужденъ
Для сладкой нѣги и свободы.
Читаю мало, много сплю,
Летучей славы не ловлю.
Не такъ ли я въ былые годы
Провелъ въ бездѣйствіи, въ тиши
Мои счастливѣйшіе дни?

LVI.

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
Поля! я преданъ вамъ душой.
Всегда я радъ замѣтить разность
Между Онѣгинымъ и мной,
Чтобы насмѣшливый читатель,
Или какой нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здѣсь мои черты,
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ, —
Какъ будто намъ ужъ невозможно
Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ?

LVII.

Замѣчу кстати: всѣ поэты
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мнѣ снились, и душа моя
Ихъ образъ тайный сохранила;
Ихъ послѣ Муза оживила:
Такъ я, безпеченъ, воспѣвалъ
И дѣву горъ, мой идеалъ,
И плѣнницъ береговъ Салгира.
Теперь отъ васъ, мои друзья,
Вопросъ нерѣдко слышу я:
«О комъ твоя вздыхаетъ лира?
«Кому, въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ,
«Ты посвятилъ ея напѣвъ?

LVIII.

«Чей взоръ, волнуя вдохновенье,
«Умильной лаской наградилъ
«Твое задумчивое пѣнье?
«Кого твой стихъ боготворилъ?»
И, други, никого, ей Богу!
Любви безумную тревогу
Я безотрадно испыталъ.
Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
Горячку рифмъ: онъ тѣмъ удвоилъ
Поэзіи священный бредъ,
Петраркѣ шествуя вослѣдъ,
А муки сердца успокоилъ,
Поймалъ и славу между тѣмъ;
Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.

LIX.

Прошла любовь, явилась Муза,
И прояснился темный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
Пишу, и сердце не тоскуетъ;
Перо, забывшись, не рисуетъ,
Близь неоконченныхъ стиховъ,
Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;
Погасшій пепелъ ужъ не вспыхнетъ.
Я все грущу; но слезъ ужъ нѣтъ,
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ.
Тогда-то я начну писать
Поэму, пѣсенъ въ двадцать пять.

LX.

Я думалъ ужъ о формѣ плана,
И какъ героя назову.
Покамѣстъ моего романа
Я кончилъ первую главу;
Пересмотрѣлъ все это строго:
Противорѣчій очень много,
Но ихъ исправить не хочу.
Цензурѣ долгъ свой заплачу,
И журналистамъ на съѣденье
Плоды трудовъ моихъ отдамъ:
Иди же къ Невскимъ берегамъ,
Новорожденное творенье!
И заслужи мнѣ славы дань —
Кривые толки, шумъ и брань!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

—

O ru
Ho
O Русь

I.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгеній,
Была прелестный уголокъ;
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
Благословить бы небо могъ.
Господскій домъ уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотыя,
Мелькали села здѣсь и тамъ,
Стада бродили по лугамъ,
И сѣни расширялъ густыя
Огромный, запущенный садъ,
Пріютъ задумчивыхъ дріадъ.

II.

Почтенный за́мокъ былъ построенъ,
Какъ за́мки строиться должны:

Отмѣнно проченъ и спокоенъ,
Во вкусѣ умной старины.
Вездѣ высокіе покои,
Въ гостиной штофные обои,
Портреты дѣдовъ на стѣнахъ,
И печи въ пестрыхъ изразцахъ.
Все это нынѣ обветшало,
Не знаю право почему:
Да впрочемъ другу моему
Въ томъ нужды было очень мало,
Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожилъ
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
Все было просто: полъ дубовый,
Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.
Онѣгинъ шкафы отворилъ:
Въ одномъ нашелъ тетрадь расхода,
Въ другомъ наливокъ цѣлый строй,
Кувшины съ яблочной водой,
И календарь осьмаго года:
Старикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ иныя книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,

Сперва задумалъ нашъ Евгеній
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынной
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ:
Мужикъ судьбу благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его разсчетливый сосѣдъ;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
Что онъ опаснѣйшій чудакъ.

V.

Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
Но такъ какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему Донскаго жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышатъ ихъ домашни дроги:
Поступкомъ оскорбясь такимъ,
Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
«Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ,
«Онъ фармазонъ; онъ пьетъ одно
«Стаканомъ красное вино;
«Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
«Все *да*, да *нѣтъ*, не скажетъ *да-съ*
«Иль *нѣтъ-съ*.» Таковъ былъ общій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ ту же пору
Помѣщикъ новый прискакалъ,
И столь же строгому разбору

Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ:
По имени Владиміръ Ленской,
Съ душою прямо Геттингенской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь
И кудри черные до плечъ.

VII.

От хладнаго разврата свѣта
Еще увянуть не успѣвъ,
Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;
Его лелѣяла надежда,
И міра новый блескъ и шумъ
Еще плѣняли юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего.
Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Надъ ней онъ голову ломалъ,
И чудеса подозрѣвалъ.

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждетъ она;

Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнетъ ихъ рука
Разбить сосудъ клеветника;
Что есть избранные судьбою...
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

IX.

Негодованье, сожалѣнье,
Ко благу чистая любовь,
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь
Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ;
Подъ небомъ Шиллера и Гете,
Ихъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ;
И Музъ возвышенныхъ искусства,
Счастливецъ, онъ не постыдилъ:
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства,
Порывы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты.

X.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,

Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и туманну даль,
И романтическія розы;
Онъ пѣлъ тѣ дальныя страны,
Гдѣ долго въ лонѣ тишины
Лились его живыя слёзы:
Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

XI.

Въ пустынѣ, гдѣ одинъ Евгеній
Могъ оцѣнить его дары,
Господъ сосѣдственныхъ селеній
Ему не нравились пиры;
Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной.
Ихъ разговоръ благоразумной
О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ,
Конечно, не блисталъ ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнемъ,
Ни остротою, ни умомъ,
Ни общежитія искусствомъ:
Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Гораздо меньше былъ уменъ.

XII.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ:
Таковъ обычай деревенскій:
Всѣ дочекъ прочили своихъ
За полу-Русскаго сосѣда.
Взойдетъ ли онъ — тотчасъ бесѣда

Заводитъ слово стороной
О скукѣ жизни холостой;
Зовутъ сосѣда къ самовару,
А Дуня, разливаетъ чай;
Ей шепчутъ: «Дуня, примѣчай!»
Потомъ приносятъ и гитару:
И запищитъ она (Богъ мой!):
Приди въ чертогъ ко мнѣ златой! [12]..

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ конечно
Охоты узы брака несть,
Съ Онѣгинымъ желалъ сердечно
Знакомство покороче свесть.
Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой.
Сперва взаимной разнотой
Они другъ другу были скучны;
Потомъ понравились; потомъ
Съѣзжались каждый день верхомъ,
И скоро стали неразлучны.
Такъ люди, первый каюсь я,
Отъ *дѣлать-нечего* друзья.

XIV.

Но дружбы нѣтъ и той межъ нами,
Всѣ предразсудки истребя,
Мы почитаемъ всѣхъ нулями,
А единицами себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;

12. Изъ первой части Днѣпровской Русалки

Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно;
Намъ чувство дико и смѣшно.
Сноснѣе многихъ былъ Евгеній;
Хоть онъ людей, конечно, зналъ,
И вообще ихъ презиралъ;
Но правилъ нѣтъ безъ исключеній:
Иныхъ онъ очень отличалъ,
И вчужѣ чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой.
Поэта пылкій разговоръ,
И умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкой,
И вѣчно вдохновенный взоръ —
Онѣгину все было ново;
Онъ охладительное слово
Въ устахъ старался удержать,
И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
Его минутному блаженству;
И безъ меня пора придетъ;
Пускай покамѣстъ онъ живетъ,
Да вѣритъ міра совершенству;
Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
И юный жаръ, и юный бредъ.

XVI.

Межъ ними все раждало споры
И къ размышленію влекло:
Племенъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предразсудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,

Судьба и жизнь, въ свою чреду,
Все подвергалось ихъ суду.
Поэтъ въ жару своихъ сужденій
Читалъ забывшись между тѣмъ,
Отрывки сѣверныхъ поэмъ;
И снисходительный Евгеній,
Хоть ихъ немного понималъ,
Прилежно юношѣ внималъ.

XVII.

Но чаще занимали страсти
Умы пустынниковъ моихъ.
Ушедъ отъ ихъ мятежной власти,
Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.
Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненья
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ,
Кто охлаждалъ любовь разлукой,
Вражду злословіемъ; порой
Зѣвалъ съ друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дѣдовъ вѣрный капиталъ
Коварной двойкѣ не ввѣрялъ!

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснетъ пламя,
И намъ становятся смѣшны
Ихъ своевольство, ихъ порывы
И запоздалые отзывы:
Смиренные не безъ труда,

Мы любимъ слушать иногда
Страстей чужихъ языкъ мятежный,
И намъ онъ сердце шевелитъ;
Такъ точно старый инвалидъ
Охотно клонитъ слухъ прилежный
Къ разсказамъ юныхъ усачей,
Забытый въ хижинѣ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
Не можетъ ничего скрывать:
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать.
Въ любви считаясь инвалидомъ,
Онѣгинъ слушалъ съ важнымъ видомъ,
Какъ, сердца исповѣдь любя,
Поэтъ высказывалъ себя.
Свою довѣрчивую совѣсть
Онъ простодушно обнажалъ.
Евгеній безъ труда узналъ
Его любви младую повѣсть,
Обильный чувствами разсказъ,
Давно не новыми для насъ.

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не любятъ; какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, вездѣ одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль!
Ни охлаждающая даль,

Ни долгія лѣта разлуки,
Ни Музамъ данные часы,
Ни чужеземныя красы,
Ни шумъ веселій, ни науки
Души не измѣнили въ немъ,
Согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою плѣненный,
Сердечныхъ мукъ еще не знавъ,
Онъ былъ свидѣтель умиленный
Ея младенческихъ забавъ;
Въ тѣни хранительной дубравы
Онъ раздѣлялъ ея забавы,
И дѣтямъ прочили вѣнцы
Друзья-сосѣди, ихъ отцы.
Въ глуши, подъ сѣнію смиренной,
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родителей, она
Цвѣла какъ ландышъ потаенной,
Незнаемый въ травѣ глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII.

Она поэту подарила
Младыхъ восторговъ первый сонъ;
И мысль объ ней одушевила
Его цѣвницы первый стонъ.
Простите, игры золотыя!
Онъ рощи полюбилъ густыя,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звѣзды, и луну —
Луну, небесную лампаду,

Которой посвящали мы
Прогулку средь вечерней тьмы,
И слезы, тайныхъ мукъ отраду..
Но нынѣ видимъ только въ ней
Замѣну тусклыхъ фонарей

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта простодушна,
Какъ поцѣлуй любви мила,
Глаза какъ небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ..... но любой романъ
Возьмите, и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ;
Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно
Позвольте мнѣ, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна [13] ..
Впервые именемъ такимъ
Страницы нѣжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что жъ? оно пріятно, звучно;
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины

13. Сладкозвучнѣйшія Греческія имена, каковы, напримѣръ: Агаѳонъ, Филатъ, Ѳедора, Ѳекла и проч , употребляются у насъ только между простолюдинами.

Иль дѣвичьей. Мы всѣ должны
Признаться, вкусу очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство — больше ничего.

XXV.

И такъ она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяной,
Не привлекла бъ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей:
Ея изнѣженные пальцы
Не знали иглъ; склонясь на пяльцы.
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.

Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою дитя
Приготовляется шутя
Къ приличію, закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала;
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; страшные разсказы
Зимою въ темнотѣ ночей
Плѣняли больше сердце ей
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкій лугъ
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла:
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ.
И шумъ ихъ вѣтреныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо краи земли свѣтлѣетъ,
И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,

И долѣ въ праздной тишинѣ
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ.
Въ привычный часъ пробуждена
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы:
Они ей замѣняли всё;
Она влюбилася въ обманы
И Ричардсона и Руссо.
Отецъ ея былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый;
Но въ книгахъ не видалъ вреда:
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой,
И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой.
Жена жъ его была сама
Отъ Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона,
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла [14];
Но въ старину Княжна Алина,
Ея Московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ.
Въ то время былъ еще женихъ

14. Грандисонъ и Ловласъ, герои двухъ славныхъ романовъ.

Ея супругъ, но по неволѣ;
Она вздыхала о другомъ,
Который сердцемъ и умомъ
Ей нравился гораздоболѣ;
Сей Грандисонъ былъ славный франтъ,
Игрокъ и Гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣта
Всегда по модѣ и къ лицу.
Но, не спросясь ея совѣта,
Дѣвицу повезли къ вѣнцу.
И чтобъ ея разсѣять горе,
Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
Въ свою деревню, гдѣ она,
Богъ знаетъ кѣмъ окружена,
Рвалась и плакала сначала,
Съ супругомъ чуть не развелась;
Потомъ хозяйствомъ занялась,
Привыкла, и довольна стала.
Привычка свыше намъ дана:
Замѣна счастію она [15].

XXXII.

Привычка усладила горе,
Неотразимое ничѣмъ;
Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ.
Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну, какъ супругомъ

15. Si j'avois la folie de croire encore au bonheur, je le chercherais dans l'habitude (Шатобріанъ).

Единовластно управлять,
И все тогда пошло на стать.
Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ
Служанокъ била осердясь,
Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ.
Звала Полиною Прасковью
И говорила на распѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И Русской Н, какъ N Французскій.
Произносить умѣла въ носъ;
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, Княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетради
Она забыла: стала звать
Акулькой прежнюю Селину,
И обновила наконецъ
На ватѣ шлафоръ и чепецъ

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
Въ ея затѣи не входилъ,
Во всемъ ей вѣровалъ безпечно,
А самъ въ халатѣ ѣлъ и пилъ.
Покойно жизнь его катилась;
Подъ вечеръ иногда сходилась
Сосѣдей добрая семья,

Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмѣяться кой о чемъ.
Проходитъ время: между тѣмъ
Прикажутъ Ольгѣ чай готовить;
Тамъ ужинъ, тамъ и спать пора,
И гости ѣдутъ со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
Привычки милой старины;
У нихъ на масленицѣ жирной
Водились Русскіе блины.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Имъ квасъ какъ воздухъ былъ потребенъ,
И за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда по чинамъ

XXXVI.

И такъ они старѣли оба.
И отворились наконецъ
Передъ супругомъ двери гроба,
И новый онъ пріялъ вѣнецъ.
Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,
Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
Дѣтьми и вѣрною женой,
Чистосердечнѣй, чѣмъ иной.
Онъ былъ простой и добрый баринъ,

И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ:
Смиренный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ
Господній рабъ и Бригадиръ
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный
Владиміръ Ленскій посѣтилъ
Сосѣда памятникъ смиренный,
И вздохъ онъ пеплу посвятилъ;
И долго сердцу грустно было.
«*Poor-Yorick*[16]! молвилъ онъ уныло.
«Онъ на рукахъ меня держалъ;
«Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ
«Его Очаковской медалью!
«Онъ Ольгу прочилъ за меня,
«Онъ говорилъ: дождусь ли дня?.. »
И, полный искренней печалью,
Владиміръ тутъ же начерталъ
Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И тамъ же надписью печальной
Отца и матери, въ слезахъ,
Почтилъ онъ прахъ патріархальной....
Увы на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;

16. Бѣдный Іорикъ! — восклицаніе Гамлета надъ черепомъ шута. (См. Шекспира и Стерна).

Другія имъ вослѣдъ идутъ....
Такъ наше вѣтреное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу прадѣдовъ тѣснитъ.
Придетъ, придетъ и наше время,
И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и насъ.

XXXIX.

Покамѣстъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнію, друзья!
Ея ничтожность разумѣю,
И мало къ ней привязанъ я;
Для призраковъ закрылъ я вѣжды;
Но отдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда:
Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ было бъ грустно міръ оставить.
Живу, пишу не для похвалъ;
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье нибудь онъ сердце тронетъ;
И сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Летѣ не потонетъ
Строфа, слагаемая мной;
Быть можетъ — лестная надежда! —
Укажетъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ,
И молвитъ: то-то былъ поэтъ!

Прими жъ мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ Аонидъ,
О ты, чья память сохранитъ
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика!

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

—

Elle était fille, elle était amoureuse
Malfilatre.

I.

«Куда? Ужъ эти мнѣ поэты!»
— Прощай, Онѣгинъ, мнѣ пора. —
«Я не держу тебя; но гдѣ ты
Свои проводишь вечера?»
— У Лариныхъ. — «Вотъ это чудно
Помилуй! и тебѣ не трудно
Такъ каждый вечеръ убивать?»
— Ни мало. — «Не могу понять.
Отселѣ вижу, что такое:
Вопервыхъ, слушай, правъ ли я?
Простая, Русская семья,
Къ гостямъ усердіе большое,
Варенье, вѣчный разговоръ
Про дождь, про ленъ, про скотный дворъ...»

II.

— Я тутъ еще бѣды не вижу. —
«Да скука, вотъ бѣда, мой другъ.»

— Я модный свѣтъ вашъ ненавижу;
Милѣе мнѣ домашній кругъ,
Гдѣ я могу... — «Опять эклога!
Да полно, милый, ради Бога.
Ну чтожъ? ты ѣдешь: очень жаль.
Ахъ, слушай, Ленскій, да нельзя ль
Увидѣть мнѣ Филлиду эту,
Предметъ и мыслей, и пера,
И слезъ, и рифмъ et cetera?
Представь меня.» — Ты шутишь. — «Нѣту.
— Я радъ. — «Когда же?» — Хоть сейчасъ
Онѣ съ охотой примутъ насъ. —

III.

«Поѣдемъ.»
Поскакали други,
Явились; имъ расточены
Порой тяжелыя услуги
Гостепріимной старины.
Обрядъ извѣстный угощенья:
Несутъ на блюдечкахъ варенья,
На столикъ ставятъ вощаной
Кувшинъ съ брусничною водой.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

IV.

Они дорогой самой краткой
Домой летятъ во весь опоръ [17].

17. Въ первомъ изданіи, вмѣсто *домой летятъ*, было ошибкою напечатано *зимой*

Теперь подслушаемъ украдкой
Героевъ нашихъ разговоръ.
— Ну что жъ, Онѣгинъ? ты зѣваешь. —
«Привычка, Ленскій.» — Но скучаешь
Ты какъ-то больше. — «Нѣтъ, равно.
Однако въ полѣ ужъ темно;
Скорѣй! пошолъ, пошолъ, Андрюшка!
Какія глупыя мѣста!
А, кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка;
Боюсь: брусничная вода
Мнѣ не надѣлала бъ вреда.»

V

«Скажи, которая Татьяна?»
— Да та, которая, грустна
И молчалива какъ Свѣтлана,
Вошла и сѣла у окна. —
«Неужто ты влюбленъ въ меньшую?»
— А что? — «Я выбралъ бы другую,
Когда бъ я былъ, какъ ты, поэтъ.
Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ,
Точь въ точь въ Вандиковой Мадонѣ:
Кругла, красна лицомъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ.»
Владиміръ сухо отвѣчалъ,
И послѣ во весь путь молчалъ.

летятъ (что не имѣло никакаго смысла). Критики, того не разобравъ, находили анахронизмъ въ слѣдующихъ строфахъ.

Смѣемъ увѣрить, что въ нашемъ романѣ время расчислено по календарю.

VI.

Межъ тѣмъ Онѣгина явленье
У Лариныхъ произвело
На всѣхъ большое впечатлѣнье,
И всѣхъ сосѣдей развлекло.
Пошла догадка за догадкой.
Всѣ стали толковать украдкой,
Шутить, судить не безъ грѣха,
Татьянѣ прочить жениха;
Иные даже утверждали,
Что свадьба слажена совсѣмъ,
Но остановлена затѣмъ,
Что модныхъ колецъ не достали.
О свадьбѣ Ленскаго давно
У нихъ ужъ было рѣшено

VII.

Татьяна слушала съ досадой
Такія сплетни; но тайкомъ
Съ неизъяснимою отрадой
Невольно думала о томъ;
И въ сердце дума заронилась;
Пора пришла, она влюбилась:
Такъ въ землю падшее зерно
Весны огнемъ оживлено.
Давно ея воображенье,
Сгарая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого нибудь,

VIII.

И дождалась. Открылись очи;
Она сказала: это онъ!
Увы! теперь и дни, и ночи,
И жаркій, одинокій сонъ,
Все полно имъ; все дѣвѣ милой
Безъ умолку волшебной силой
Твердитъ о немъ. Докучны ей
И звуки ласковыхъ рѣчей,
И взоръ заботливой прислуги.
Въ уныніе погружена,
Гостей не слушаетъ она,
И проклинаетъ ихъ досуги,
Ихъ неожиданный пріѣздъ
И продолжительный присѣстъ.

IX.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаетъ сладостный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьетъ обольстительный обманъ!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленныя созданья,
Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малекъ-Адель и де Линаръ,
И Вертеръ, мученикъ мятежной,
И безподобный Грандисонъ [18],
Который намъ наводитъ сонъ;
Всѣ для мечтательницы нѣжной

18. Юлія Вольмаръ—Новая Элоиза. Малекъ-Адель, герой посредственнаго романа M-e Cottin. Густавъ де Линаръ, герой прелестной повѣсти баронессы Крюднеръ.

Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились.

X.

Воображаясь героиней
Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
Кларисой, Юліей, Дельфиной,
Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
Одна съ опасной книгой бродитъ:
Она въ ней ищетъ и находитъ
Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхаетъ, и, себѣ присвоя
Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забвеньи шепчетъ наизусть
Письмо для милаго героя.....
Но нашъ герой, кто бъ ни былъ онъ,
Ужъ вѣрно былъ не Грандисонъ.

XI.

Свой слогъ на важный ладъ настроя,
Бывало пламенный творецъ
Являлъ намъ своего героя
Какъ совершенства образецъ
Онъ одарялъ предметъ любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствительной, умомъ
И привлекательнымъ лицомъ.
Питая жаръ чистѣйшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готовъ былъ жертвовать собой,
И при концѣ послѣдней части

Всегда наказанъ былъ порокъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.

XII.

А нынче всѣ умы въ туманѣ.
Мораль на насъ наводитъ сонъ
Порокъ любезенъ и въ романѣ,
И тамъ ужъ торжествуетъ онъ
Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы,
И сталъ теперь ея кумиръ
Или задумчивый Вампиръ,
Или Мельмотъ, бродяга мрачный,
Иль Вѣчный Жидъ, или Корсаръ,
Или таинственный Сбогаръ [19].
Лордъ Байронъ, прихотью удачной,
Облекъ въ унылый романтизмъ —
И безнадежный эгоизмъ.

XIII.

Друзья мои, что жъ толку въ этомъ?
Быть можетъ, волею небесъ,
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы:
Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,

19. Вампиръ, повѣсть, неправильно приписанная Лорду Байрону. Мельмотъ, геніальное произведеніе Матюрина. Jean Sbogar, извѣстный романъ Карла Нодье.

Но просто вамъ перескажу
Преданья Русскаго семейства.
Любви плѣнительные сны,
Да нравы нашей старины.

XIV.

Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка,
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь, и наконецъ
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...
Я вспомню рѣчи нѣги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которыя въ минувши дни
У ногъ любовницы прекрасной
Мнѣ приходили на языкъ,
Отъ коихъ я теперь отвыкъ.

XV.

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью:
Ты въ руки моднаго тирана
Ужъ отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты въ ослѣпительной надеждѣ
Блаженство темное зовешь,
Ты нѣгу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
Тебя преслѣдуютъ мечты:
Вездѣ воображаешь ты

Пріюты счастливыхъ свиданій;
Вездѣ, вездѣ передъ тобой
Твой искуситель роковой.

XVI.

Тоска любви Татьяну гонитъ,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонитъ,
И лѣнь ей далѣе ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ, и блескъ въ очахъ...
Настанетъ ночь; луна обходитъ
Дозоромъ дальный сводъ небесъ,
И соловей во мглѣ древесъ
Напѣвы звучные заводитъ.
Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тихо съ няней говоритъ:

XVII.

«Не спится, няня: здѣсь такъ душно!
Открой окно, да сядь ко мнѣ.»
— Что, Таня, что съ тобой?—«Мнѣ скучно,
Поговоримъ о старинѣ.»
— О чемъ же, Таня? Я, бывало,
Хранила въ памяти немало
Старинныхъ былей, небылицъ
Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
А нынѣ все мнѣ темно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашибло......—«Разскажи мнѣ, няня,

Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?»

XVIII.

— И, полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь. —
«Да какъ же ты вѣнчалась, няня?»
— Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и наконецъ
Благословилъ меня отецъ.
Я горько плакала со страха;
Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
И съ пѣньемъ въ церковь повели.

XIX.

И вотъ ввели въ семью чужую...
Да ты не слушаешь меня... —
«Ахъ, няня, няня, я тоскую,
Мнѣ тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова!.....»
— Дитя мое, ты нездорова;
Господь, помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси....
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь.. — «Я не больна;
Я... знаешь, няня,... влюблена.»
— Дитя мое, Господь съ тобою! —

И няня дѣвушку съ мольбой
Крестила дряхлою рукой.

XX.

«Я влюблена,» шептала снова
Старушкѣ съ горестью она.
— Сердечный другъ, ты нездорова. —
«Оставь меня: я влюблена.»
И между тѣмъ луна сіяла
И темнымъ свѣтомъ озаряла
Татьяны блѣдныя красы,
И распущенные власы,
И капли слезъ, и на скамейкѣ
Предъ героиней молодой,
Съ платкомъ на головѣ сѣдой,
Старушку въ длинной тѣлогрѣйкѣ;
И все дремало въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.

XXI.

И сердцемъ далеко носилась
Татьяна, смотря на луну...
Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась...
«Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мнѣ перо, бумагу,
Да столъ подвинь; я скоро лягу;
Прости.» И вотъ она одна.
Все тихо. Свѣтитъ ей луна.
Облокотясь, Татьяна пишетъ,
И все Евгеній на умѣ,
И въ необдуманномъ письмѣ
Любовь невинной дѣвы дышетъ.

Письмо готово, сложено...
Татьяна! для кого жъ оно?

XXII.

Я зналъ красавицъ недоступныхъ
Холодныхъ, чистыхъ какъ зима,
Неумолимыхъ, неподкупныхъ,
Непостижимыхъ для ума;
Дивился я ихъ спѣси модной,
Ихъ добродѣтели природной,
И признаюсь, отъ нихъ бѣжалъ,
И, мнится, съ ужасомъ читалъ
Надъ ихъ бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда [20].
Внушать любовь для нихъ бѣда,
Пугать людей для нихъ отрада.
Быть можетъ, на брегахъ Невы
Подобныхъ дамъ видали вы.

XXIII.

Среди поклонниковъ послушныхъ
Другихъ причудницъ я видалъ,
Самолюбиво - равнодушныхъ
Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ.
И что жъ нашелъ я съ изумленьемъ?
Онѣ, суровымъ поведеньемъ
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умѣли вновь
По крайней мѣрѣ сожалѣньемъ;
По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей

20. Lasciate ogni speranza voi ch'ntrate. Скромный авторъ перевелъ только первую половину славнаго стиха.

Казался иногда нѣжнѣй.
И съ легковѣрнымъ ослѣпленьемъ
Опять любовникъ молодой
Бѣжалъ за милой суетой.

XXIV.

За что жъ виновнѣе Татьяна?
За то ль, что въ милой простотѣ
Она не вѣдаетъ обмана
И вѣритъ избранной мечтѣ?
За то ль, что любитъ безъ искусства,
Послушная влеченью чувства,
Что такъ довѣрчива она,
Что отъ небесъ одарена
Воображеніемъ мятежнымъ,
Умомъ и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслія страстей?

XXV.

Кокетка судитъ хладнокровно;
Татьяна любитъ не шутя
И предается безусловно
Любви, какъ милое дитя.
Не говоритъ она: отложимъ —
Любви мы цѣну тѣмъ умножимъ,
Вѣрнѣе въ сѣти заведемъ;
Сперва тщеславіе кольнемъ
Надеждой, тамъ недоумѣньемъ
Измучимъ сердце, а потомъ
Ревнивымъ оживимъ огнемъ;

А то, скучая наслажденьемъ,
Невольникъ хитрый изъ оковъ
Всечасно вырваться готовъ.

XXVI.

Еще предвижу затрудненье:
Родной земли спасая честь,
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевесть.
Она по-Русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ,
И такъ писала по-Французски..
Что дѣлать! повторяю вновь:
Донынѣ дамская любовь
Не изъяснялася по-Русски,
Донынѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

XXVII.

Я знаю: дамъ хотятъ заставить
Читать по-Русски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ Благонамѣреннымъ [21] въ рукахъ!
Я шлюсь на васъ, мои поэты!
Не правда ль: милые предметы,
Которымъ за свои грѣхи
Писали втайнѣ вы стихи,

21. Журналъ нѣкогда издаваемый покойнымъ А. Измайловымъ довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинялся передъ публикою тѣмъ, что онъ на праздникахъ *гулялъ*.

Которымъ сердце посвящали,
Не всѣ ли, Русскимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,
Его такъ мило искажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился ли въ родной?

XXVIII.

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ,
Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ —
Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ,
Иль съ академикомъ въ чепцѣ!
Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я Русской рѣчи не люблю.
Быть можетъ, на бѣду мою,
Красавицъ новыхъ поколѣнье,
Журналовъ внявъ молящій гласъ,
Къ грамматикѣ пріучитъ насъ;
Стихи введутъ въ употребленье:
Но я... какое дѣло мнѣ?
Я вѣренъ буду старинѣ.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепетъ,
Неточный выговоръ рѣчей
Попрежнему сердечный трепетъ
Произведутъ въ груди моей;
Раскаяться во мнѣ нѣтъ силы,
Мнѣ галлицизмы будутъ милы,
Какъ прошлой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи.
Но полно. Мнѣ пора заняться

Письмомъ красавицы моей;
Я слово далъ, и что жъ? ей-ей
Теперь готовъ ужъ отказаться.
Я знаю: нѣжнаго Парни
Перо не въ модѣ въ наши дни.

XXX.

Пѣвецъ Пировъ и грусти томной [22],
Когда бъ еще ты былъ со мной,
Я сталъ бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой:
Чтобъ на волшебные напѣвы
Переложилъ ты страстной дѣвы
Иноплеменныя слова.
Гдѣ ты? приди: свои права
Передаю тебѣ съ поклономъ....
Но посреди печальныхъ скалъ,
Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,
Одинъ подъ Финскимъ небосклономъ
Онъ бродитъ, и душа его
Не слышитъ горя моего.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною:
Его я свято берегу,
Читаю съ тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушалъ и эту нѣжность,
И словъ любезную небрежность?
Кто ей внушалъ умильный вздоръ,
Безумный сердца разговоръ

22. Е. А. Баратынскій.

И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вотъ
Неполный, слабый переводъ,
Съ живой картины списокъ блѣдный,
Или разыгранный Фрейшицъ
Перстами робкихъ учениць.

Письмо Татьяны къ Онѣгину.

«Я къ вамъ пишу — чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали бъ никогда,
Когда бъ надежду я имѣла,
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи
Но говорятъ, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ, все вамъ скучно.
А мы... ничѣмъ мы не блестимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.
Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья

Я никогда не знала бъ васъ,
Не знала бъ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ со временемъ (какъ знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

«Другой!... Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердца я!
То въ вышнемъ суждено совѣтѣ...
То воля Неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой...
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся;
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно... нѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правдаль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И въ это самое мгновенье
Не ты ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,

Приникнулъ тихо къ изголовью?
Не ты ль, съ отрадой и любовью,
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой Ангелъ ли хранитель,
Или коварный искуситель?
Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, это все пустое,
Обманъ неопытной души!
И суждено совсѣмъ иное....
Но такъ и быть! Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ;
Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единымъ взоромъ
Надежды сердца оживи,
Иль сонъ тяжелый перерви,
Увы, заслуженнымъ укоромъ!

«Кончаю! страшно перечесть...
Стыдомъ и страхомъ замираю...
Но мнѣ порукой ваша честь,
И смѣло ей себя ввѣряю...»

XXXII.

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ;
Письмо дрожитъ въ ея рукѣ;
Облатка розовая сохнетъ
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась

Сорочка легкая спустилась
Съ ея прелестнаго плеча.
Но вотъ ужъ луннаго луча
Сіянье гаснетъ. Тамъ долина
Сквозь паръ яснѣетъ. Тамъ потокъ
Засеребрился; тамъ рожокъ
Пастушій будитъ селянина.
Вотъ утро; встали всѣ давно:
Моей Татьянѣ все равно.

XXXIII.

Она зари не замѣчаетъ,
Сидитъ съ поникшею главой,
И на письмо не напираетъ
Своей печати вырѣзной.
Но, дверь тихонько отпирая,
Ужъ ей Филипьевна сѣдая
Приноситъ на подносѣ чай.
— Пора, дитя мое, вставай:
Да ты, красавица, готова!
О пташка ранняя моя!
Вечоръ ужъ какъ боялась я!
Да, славу Богу, ты здорова!
Тоски ночной и слѣду нѣтъ,
Лице твое какъ маковъ цвѣтъ. —

XXXIV.

«Ахъ! няня, сдѣлай одолженье...»
— Изволь, родная, прикажи! —
«Не думай... право... подозрѣнье...
Но видишь... ахъ! не откажи.»
— Мой другъ, вотъ Богъ тебѣ порука. —

«И такъ пошли тихонько внука
Съ запиской этой къ О.... къ тому...
Къ сосѣду... да велѣть ему,
Чтобъ онъ не говорилъ ни слова,
Чтобъ онъ не называлъ меня...»
— Кому же, милая моя?
Я нынче стала безтолкова.
Кругомъ сосѣдей много есть:
Куда мнѣ ихъ и перечесть. —

XXXV.

«Какъ недогадлива ты, няня!»
— Сердечный другъ, ужъ я стара,
Стара; тупѣетъ разумъ, Таня;
А то, бывало, я востра:
Бывало, слово барской воли... —
«Ахъ, няня, няня! до того ли?
Что нужды мнѣ въ твоемъ умѣ?
Ты видишь, дѣло о письмѣ
Къ Онѣгину.» — Ну дѣло, дѣло.
Не гнѣвайся, душа моя,
Ты знаешь, непонятна я...
Да что жъ ты снова поблѣднѣла? —
«Такъ, няня, право ничего.
Пошли же внука своего.»

XXXVI.

Но день протекъ, и нѣтъ отвѣта.
Другой насталъ: все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Блѣдна какъ тѣнь, съ утра одѣта,
Татьяна ждетъ: когда жъ отвѣтъ?
Пріѣхалъ Ольгинъ обожатель.
«Скажите: гдѣ же вашъ пріятель?»

Ему вопросъ хозяйки былъ:
«Онъ что-то насъ совсѣмъ забылъ.»
Татьяна вспыхнувъ задрожала.
— Сегодня быть онъ обѣщалъ,
Старушкѣ Ленской отвѣчалъ:
Да видно почта задержала. —
Татьяна потупила взоръ,
Какъ будто слыша злой укоръ.

XXXVII.

Смеркалось; на столѣ блистая
Шипѣлъ вечерній самоваръ,
Китайскій чайникъ нагрѣвая;
Подъ нимъ клубился легкій паръ.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкамъ темною струею
Уже душистый чай бѣжалъ,
И сливки мальчикъ подавалъ;
Татьяна предъ окномъ стояла;
На стекла хладныя дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестнымъ пальчикомъ писала
На отуманенномъ стеклѣ
Завѣтный вензель *О* да *Е*.

XXXVIII.

И между тѣмъ душа въ ней ныла,
И слезъ былъ полонъ томный взоръ.
Вдругъ топотъ!... кровь ея застыла.
Вотъ ближе! скачутъ... и на дворъ
Евгеній. «Ахъ!» и легче тѣни
Татьяна прыгъ въ другія сѣни,
Съ крыльца на дворъ, и прямо въ садъ;

Летитъ, летитъ; взглянуть назадъ
Не смѣетъ; мигомъ обѣжала
Куртины, мостики, лужокъ,
Аллею къ озеру, лѣсокъ,
Кусты сирень переломала,
По цвѣтникамъ летя къ ручью,
И задыхаясь на скамью

XXXIX.

Упала ..
«Здѣсь онъ! здѣсь Евгеній!
О Боже! что подумалъ онъ!»
Въ ней сердце, полное мученій,
Хранитъ надежды темный сонъ;
Она дрожитъ и жаромъ пышитъ,
И ждетъ: нейдетъ ли? Но не слышитъ.
Въ саду служанки на грядахъ
Сбирали ягоды въ кустахъ
И хоромъ по наказу пѣли
(Наказъ, основанный на томъ,
Чтобъ барской ягоды тайкомъ
Уста лукавыя не ѣли,
И пѣньемъ были заняты:
Затѣя сельской остроты!).

Пѣсня дѣвушекъ.

«Дѣвицы красавицы,
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь, дѣвицы,
Разгуляйтесь, милыя!
Затяните пѣсенку,
Пѣсенку завѣтную,

Заманите молодца
Къ хороводу нашему.
Какъ заманимъ молодца,
Какъ завидимъ издали,
Разбѣжимтесь, милыя,
Закидаемъ вишеньемъ,
Вишеньемъ, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Пѣсенки завѣтныя,
Не ходи подсматривать
Игры наши дѣвичьи.»

XL.

Онѣ поютъ, и съ небреженьемъ
Внимая звонкій голосъ ихъ,
Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ,
Чтобъ трепетъ сердца въ ней затихъ,
Чтобы прошло ланитъ пыланье;
Но въ персяхъ то же трепетанье,
И не проходитъ жаръ ланитъ,
Но ярче, ярче лишь горитъ.
Такъ бѣдный мотылекъ и блещетъ,
И бьется радужнымъ крыломъ,
Плѣненный школьнымъ шалуномъ;
Такъ зайчикъ въ озими трепещетъ,
Увидя вдругъ издалека
Въ кусты припадшаго стрѣлка.

XLI.

Но наконецъ она вздохнула
И встала со скамьи своей;
Пошла: но только повернула

Въ аллею, прямо передъ ней,
Блистая взорами, Евгеній
Стоитъ подобно грозной тѣни,
И какъ огнемъ обожжена
Остановилася она.
Но слѣдствія нежданой встрѣчи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не въ силахъ я;
Мнѣ должно послѣ долгой рѣчи
И погулять и отдохнуть:
Докончу послѣ какъ нибудь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

La morale est dans la nature de choses
NECKER.

I. II. III. IV. V. VI.

VII.

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей.
Развратъ бывало хладнокровной
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя—
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ времянъ:
Ловласовъ обветшала слава
Со славой красныхъ каблуковъ
И величавыхъ париковъ.

VIII.

Кому не скучно лицемѣрить,
Различно повторять одно?

Стараться важно въ томъ увѣрить,
Въ чемъ всѣ увѣрены давно?
Все тѣ же слышать возраженья;
Уничтожать предразсужденья,
Которыхъ не было и нѣтъ
У дѣвочки въ тринадцать лѣтъ?
Кого не утомятъ угрозы,
Моленья, клятвы, мнимый страхъ,
Записки на шести листахъ,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры тетокъ, матерей,
И дружба тяжкая мужей?

IX.

Такъ точно думалъ мой Евгеній.
Онъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблужденій
И необузданныхъ страстей
Привычкой жизни избалованъ,
Однимъ наврема очарованъ,
Разочарованный другимъ,
Желаньемъ медленно томимъ,
Томимъ и вѣтреннымъ успѣхомъ,
Внимая въ шумѣ и въ тиши
Роптанье вѣчное души,
Зѣвоту подавляя смѣхомъ:
Вотъ, какъ убилъ онъ восемь лѣтъ,
Утратя жизни лучшій цвѣтъ.

X.

Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся,
А волочился какъ нибудь;

Откажутъ — мигомъ утѣшался;
Измѣнятъ — радъ былъ отдохнуть.
Онъ ихъ искалъ безъ упоенья,
А оставлялъ безъ сожалѣнья,
Чуть помня ихъ любовь и злость.
Такъ точно равнодушный гость
На *вистъ* вечерній пріѣзжаетъ,
Садится; кончилась игра,
Онъ уѣзжаетъ со двора,
Спокойно дома засыпаетъ,
И самъ не знаетъ поутру,
Куда поѣдетъ ввечеру.

XI.

Но, получивъ посланье Тани,
Онѣгинъ живо тронутъ былъ:
Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмутилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылой;
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душою погрузился онъ.
Быть можетъ, чувствій пылъ старинной
Имъ на минуту овладѣлъ;
Но обмануть онъ не хотѣлъ
Довѣрчивость души невинной.
Теперь мы въ садъ перелетимъ,
Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ

XII

Минуты двѣ они молчали,
Но къ ней Онѣгинъ подошелъ
И молвилъ: «Вы ко мнѣ писали,

Не отпирайтесь. Я прочелъ
Души довѣрчивой признанья,
Любви невинной изліянья:
Мнѣ ваша искренность мила;
Она въ волненье привела
Давно умолкнувшія чувства;
Но васъ хвалить я не хочу;
Я за нее вамъ отплачу
Признаньемъ также безъ искусства;
Примите исповѣдь мою:
Себя на судъ вамъ отдаю.

XIII.

«Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ;
Когда бъ мнѣ быть отцомъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ;
Когда бъ семейственной картиной
Плѣнился я хоть мигъ единой:
То вѣрно бъ кромѣ васъ одной
Невѣсты не искалъ иной.
Скажу безъ блестокъ мадригальныхъ:
Нашедъ мой прежній идеалъ,
Я вѣрно бъ васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печальныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ,
И былъ бы счастливъ... сколько могъ!

XIV.

«Но я не созданъ для блаженства:
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Ихъ вовсе не достоинъ я.

Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
Супружество намъ будетъ мукой.
Я, сколько ни любилъ бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
Начнете плакать: ваши слезы
Не тронутъ сердца моего,
А будутъ лишь бѣсить его.
Судите жъ вы, какія розы
Намъ заготовитъ Гименей
И, можетъ быть, на долго дней!

XV.

«Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
Семьи, гдѣ бѣдная жена
Грустить о недостойномъ мужѣ
И днемъ и вечеромъ одна;
Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
(Судьбу однако жъ проклиная),
Всегда нахмуренъ, молчаливъ,
Сердитъ и холодно-ревнивъ!
Таковъ я. И того ль искали
Вы чистой пламенной душой,
Когда съ такою простотой,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
Ужели жребій вамъ такой
Назначенъ строгою судьбой?

XVI.

«Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата;
Не обновлю души моей...
Я васъ люблю любовью брата
И, можетъ быть, еще нѣжнѣй.
Послушайте жъ меня безъ гнѣва:

Смѣнитъ не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты:
Такъ деревцо свои листы
Мѣняетъ съ каждою весною.
Такъ видно Небомъ суждено.
Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою,
Не всякой васъ, какъ я, пойметъ;
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.»

XVII.

Такъ проповѣдывалъ Евгеній.
Сквозь слезъ не видя ничего,
Едва дыша, безъ возраженій,
Татьяна слушала его.
Онъ подалъ руку ей. Печально
(Какъ говорится, *машинально*)
Татьяна молча оперлась:
Головкой томною склонясь,
Пошла домой вкругъ огорода;
Явились вмѣстѣ, и никто
Не вздумалъ имъ пѣнять на то.
Имѣетъ сельская свобода
Свои счастливыя права,
Какъ и надменная Москва.

XVIII.

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступилъ
Съ печальной Таней нашъ пріятель;
Не въ первый разъ онъ тутъ явилъ
Души прямое благородство,
Хотя людей недоброхотство

Въ немъ не щадило ничего.
Враги его, друзья его
(Что, можетъ быть, одно и тоже)
Его честили такъ и сякъ.
Враговъ имѣетъ въ мірѣ всякъ:
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
Объ нихъ недаромъ вспомнилъ я.

XIX.

А что? Да такъ. Я усыпляю
Пустыя, черныя мечты;
Я только *въ скобкахъ* замѣчаю,
Что нѣтъ презрѣнной клеветы,
На чердакѣ вралемъ рожденной
И свѣтской чернью ободренной,
Что нѣтъ нелѣпицы такой,
Ни эпиграмы площадной,
Которой бы вашъ другъ съ улыбкой,
Въ кругу порядочныхъ людей,
Безъ всякой злобы и затѣй,
Не повторилъ стократъ ошибкой;
А впрочемъ онъ за васъ горой:
Онъ васъ такъ любитъ... какъ родной!

XX.

Гм! гм! Читатель благородной,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте: можетъ быть, угодно
Теперь узнать вамъ отъ меня,
Что значатъ именно *родные*.
Родные люди вотъ какіе:
Мы ихъ обязаны ласкать,

Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рождествѣ ихъ навѣщать,
Или по почтѣ поздравлять,
Чтобъ остальное время года
Не думали о насъ они...
И такъ, дай Богъ имъ долги дни!

XXI.

За то любовь красавицъ нѣжныхъ
Надежнѣй дружбы и родства:
Надъ нею и средь бурь мятежныхъ
Вы сохраняете права.
Конечно такъ. Но вихорь моды,
Но своенравіе природы,
Но мнѣнья свѣтскаго потокъ...
А милый полъ, какъ пухъ, легокъ.
Къ тому жъ и мнѣнія супруга
Для добродѣтельной жены
Всегда почтенны быть должны;
Такъ ваша вѣрная подруга
Бываетъ вмигъ увлечена:
Любовью шутитъ сатана.

XXII.

Кого жъ любить? Кому же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не сѣетъ?
Кто насъ заботливо лелѣетъ?
Кому порокъ нашъ не бѣда?
Кто не наскучитъ никогда?

Призрака суетный искатель,
Трудовъ напрасно не губя,
Любите самаго себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предметъ достойный: ничего
Любезнѣй вѣрно нѣтъ его.

XXIII.

Что было слѣдствіемъ свиданья?
Увы, не трудно угадать!
Любви безумныя страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ;
Ея постели сонъ бѣжитъ;
Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость.
Улыбка, дѣвственный покой,
Пропало все, что звукъ пустой,
И меркнетъ милой Тани младость.
Такъ одѣваетъ бури тѣнь
Едва раждающійся день.

XXIV.

Увы, Татьяна, увядаетъ;
Блѣднѣетъ, гаснетъ и молчитъ!
Ничто ея не занимаетъ,
Ея души не шевелитъ.
Качая важно головою,
Сосѣди шепчутъ межъ собою.
Пора, пора бы замужъ ей!..
Но полно. Надо мнѣ скорѣй
Развеселить воображенье

Картиной счастливой любви
Невольно, милые мои,
Меня стѣсняетъ сожалѣнье;
Простите мнѣ: я такъ люблю
Татьяну милую мою!

XXV

Часъ отъ часу плѣненный болѣ
Красами Ольги молодой,
Владимiръ сладостной неволѣ
Предался полною душой.
Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
Они сидятъ въ потемкахъ двое;
Они въ саду, рука съ рукой,
Гуляютъ утренней порой;
И что жъ? Любовью упоенный,
Въ смятеньи нѣжнаго стыда,
Онъ только смѣетъ иногда,
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитымъ локономъ играть,
Иль край одежды цѣловать.

XXVI

Онъ иногда читаетъ Олѣ
Нравоучительный романъ,
Въ которомъ авторъ знаетъ болѣ
Природу, чѣмъ Шатобрiанъ;
А между тѣмъ двѣ-три страницы
(Пустыя бредни, небылицы,
Опасныя для сердца дѣвъ)
Онъ пропускаетъ покраснѣвъ.
Уединясь отъ всѣхъ далёко,
Они надъ шахматной доской,

На столъ облокотясь, порой
Сидятъ, задумавшись глубоко,
И Ленскій пѣшкою ладью
Беретъ въ разсѣяньи свою.

XXVII.

Поѣдетъ ли домой: и дома
Онъ занятъ Ольгою своей;
Летучіе листки альбома
Прилежно украшаетъ ей;
То въ нихъ рисуетъ сельски виды,
Надгробный камень, храмъ Киприды,
Или на лирѣ голубка,
Перомъ, и красками слегка;
То на листкахъ воспоминанья,
Пониже подписи другихъ,
Онъ оставляетъ нѣжный стихъ,
Безмолвный памятникъ мечтанья,
Мгновенной думы легкій слѣдъ,
Все тотъ же послѣ многихъ лѣтъ.

XXVIII.

Конечно вы не разъ видали
Уѣздной барышни альбомъ,
Что всѣ подружки измарали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи безъ мѣры, по преданью,
Въ знакъ дружбы вѣрной внесены,
Уменьшены, продолжены.
На первомъ листикѣ встрѣчаешь:
Qu'écrirez vous sur ces tablettes?
И подпись: t. à. v. Annette;

А на послѣднемъ прочитаешь:
«*Кто любитъ болѣе тебя,*
«*Пусть пишетъ далѣе меня.*»

XXIX.

Тутъ непремѣнно вы найдете
Два сердца, факелъ и цвѣтки;
Тутъ вѣрно клятвы вы прочтете
Въ любви до гробовой доски;
Какой нибудь *піитъ* армейской
Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйской.
Въ такой альбомъ, мои друзья,
Признаться, радъ писать и я,
Увѣренъ будучи душою,
Что всякой мой усердный вздоръ
Заслужитъ благосклонный взоръ,
И что потомъ съ улыбкой злою
Не станутъ важно разбирать,
Остро, иль нѣтъ я могъ соврать.

XXX.

Но вы, разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей,
Великолѣпные альбомы,
Мученье модныхъ рифмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстаго кистью чудотворной,
Иль Баратынскаго перомъ,
Пускай сожжетъ васъ Божій громъ!
Когда блистательная дама
Мнѣ свой in-quarto подаетъ,
И дрожь и злость меня беретъ,
И шевелится эпиграма

Во глубинѣ моей души,
А мадригалы имъ пиши!

XXXI.

Не мадригалы Ленскій пишетъ
Въ альбомѣ Ольги молодой;
Его перо любовью дышитъ,
Не хладно блещетъ остротой;
Что ни замѣтитъ, ни услышитъ
Объ Ольгѣ, онъ про то и пишетъ
И полны истины живой
Текутъ элегіи рѣкой.
Такъ ты, Языковъ вдохновенный,
Въ порывахъ сердца своего,
Поешь, Богъ вѣдаетъ, кого,
И сводъ элегій драгоцѣнный
Представитъ нѣкогда тебѣ
Всю повѣсть о твоей судьбѣ.

XXXII.

По тише! Слышишь? Критикъ строгой
Повелѣваетъ сбросить намъ
Элегіи вѣнокъ убогой;
И нашей братьѣ, рифмачамъ,
Кричитъ: «Да перестаньте плакать,
«И все одно и то же квакать,
«Жалѣть *о прежнемъ, о быломъ*:
«Довольно, — пойте о другомъ!»
— Ты правъ, и вѣрно намъ укажешь
Трубу, личину и кинжалъ,
И мыслей мертвый капиталъ
Отвсюду воскресить прикажешь:

Не такъ ли, другъ? — Ничуть. Куда!
«Пишите оды, господа,

XXXIII.

«Какъ ихъ писали въ мощны годы,
«Какъ было встарь заведено ...»
— Однѣ торжественныя оды!
И, полно, другъ, не все ль равно?
Припомни, что сказалъ сатирикъ!
Чужаго толка хитрый лирикъ
Ужели для тебя сноснѣй
Унылыхъ нашихъ рифмачей? —
«Но все въ элегіи ничтожно;
Пустая цѣль ея жалка;
Межъ тѣмъ цѣль оды высока
И благородна...» Тутъ бы можно
Поспорить намъ, но я молчу:
Два вѣка ссорить не хочу.

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы,
Въ волненьи бурныхъ думъ своихъ,
Владимiръ и писалъ бы оды,
Да Ольга не читала ихъ.
Случалось ли поэтамъ слезнымъ
Читать въ глаза своимъ любезнымъ
Свои творенья! Говорятъ,
Что въ мiрѣ выше нѣтъ наградъ.
И впрямь, блаженъ любовникъ скромной,
Читающiй мечты свои
Предмету пѣсенъ и любви,
Красавицѣ прiятно-томной!

Блаженъ... хоть, можетъ быть, она
Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей;
Да послѣ скучнаго обѣда,
Ко мнѣ забредшаго сосѣда
Поймавъ нежданно за полу,
Душу трагедіей въ углу,
Или (но это кромѣ шутокъ),
Тоской и рифмами томимъ,
Бродя надъ озеромъ моимъ,
Пугаю стадо дикихъ утокъ:
Внявъ пѣнью сладкозвучныхъ строфъ,
Онѣ слетаютъ съ береговъ

XXXVI [23]. XXXVII.

А что жъ Онѣгинъ? Кстати, братья!
Терпѣнья вашего прошу:
Его вседневныя занятья
Я вамъ подробно опишу.
Онѣгинъ жилъ анахоретомъ;
Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ

23. Пропущенная здѣсь строфа была напечатана въ первомъ изданіи. Вотъ она:

Ужъ ихъ далече взоръ мой ищетъ...
А лѣсомъ кравшійся стрѣлокъ
Поэзію клянетъ и свищетъ,
Спуская бережно курокъ.
У всякаго своя охота,
Своя любимая забота:
Кто цѣлитъ въ утокъ изъ ружья

И отправлялся налегкѣ
Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ;
Пѣвцу Гюльнары подражая,
Сей Геллеспонтъ переплывалъ,
Потомъ свой кофе выпивалъ,
Плохой журналъ перебирая,
И одѣвался.

XXXVIII. XXXIX.

Прогулки, чтенье, сонъ глубокой,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина:
Вотъ жизнь Онѣгина святая;
И нечувствительно онъ ей
Предался, красныхъ лѣтнихъ дней
Въ безпечной нѣгѣ не считая,
Забывъ и городъ и друзей
И скуку праздничныхъ затѣй.

XL.

Но наше сѣверное лѣто,
Каррикатура южныхъ зимъ,

Кто бредитъ рифмами какъ я,
Кто бьетъ хлопушкой мухъ нахальныхъ,
Кто правитъ въ замыслахъ толпой,
Кто забавляется войной,
Кто въ чувствахъ нѣжится печальныхъ,
Кто занимается виномъ:
И благо смѣшано со зломъ.

Мелькнетъ и нѣтъ: извѣстно это.
Хоть мы признаться не хотимъ
Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась.
Ложился на поля туманъ,
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоялъ Ноябрь ужъ у двора

LXI.

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ — и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва [24]
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучинка передъ ней.

XLII.

И вотъ уже трещатъ морозы
И серебрятся средь полей...

24. Въ журналахъ удивлялись, какъ можно было назвать *дѣвою* простую крестьянку, между тѣмъ какъ благородныя барышни, немного ниже, названы *дѣвчонками!*

(Читатель ждетъ ужъ рифмы *розы* :
На, вотъ возьми ее скорѣй!)
Опрятнѣй моднаго паркета,
Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта.
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ лёдъ; [25]
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

XLIII.

Въ глуши что дѣлать въ эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучаетъ взору
Однообразной наготой.
Скакать верхомъ въ степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Невѣрный зацѣпляя ледъ,
Того и жди, что упадетъ.
Сиди подъ кровлею пустынной,
Читай; вотъ Прадтъ, вотъ **W. Scott!**
Не хочешь? Повѣряй расходъ,
Сердись, иль пей, и вечеръ длинной
Кой - какъ пройдетъ, и завтра тожъ,
И славно зиму проведешь.

25. «Это значитъ,» замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ критиковъ: «что мальчишки катаются на конькахъ.» Справедливо.

XLIV.

Прямымъ Онѣгинъ Чильдъ - Гарольдомъ
Вдался въ задумчивую лѣнь:
Со сна садится въ ванну со льдомъ;
И послѣ, дома цѣлый день,
Одинъ, въ расчеты погруженный,
Тупымъ кіемъ вооруженный,
Онъ на бильярдѣ въ два шара
Играетъ съ самаго утра
Настанетъ вечеръ деревенскій:
Бильярдъ оставленъ, кій забытъ,
Передъ каминомъ столъ накрытъ,
Евгеній ждетъ: вотъ ѣдетъ Ленскій
На тройкѣ чалыхъ лошадей:
Давай обѣдать поскорѣй!

XLV.

Вдовы Клико или Моэта
Благословенное вино
Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
На столъ тотчасъ принесено.
Оно сверкаетъ Ипокреной [26];
Оно своей игрой и пѣной
(Подобіемъ того - сего)
Меня плѣняло: за него

26. Въ лѣта красныя мои
Поэтическій аи
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ *подобіемъ любви*
Или юности безумной, и проч.

(Посланіе къ Л. П.)

Послѣдній бѣдный лептъ, бывало,
Давалъ я, помните ль, друзья?
Его волшебная струя
Раждала глупостей не мало,
А сколько шутокъ, и стиховъ,
И споровъ, и веселыхъ сновъ!

XLVI.

Но измѣняетъ пѣной шумной
Оно желудку моему,
И я *бордо* благоразумной
Ужъ нынче предпочелъ ему.
Къ *аи* я больше неспособенъ;
Аи любовницѣ подобенъ
Блестящей, вѣтреной, живой,
И своенравной, и пустой...
Но ты, *бордо,* подобенъ другу,
Который, въ горѣ и въ бѣдѣ,
Товарищъ завсегда, вездѣ,
Готовъ намъ оказать услугу,
Иль тихой раздѣлить досугъ.
Да здравствуетъ *бордо,* нашъ другъ!

XLVII.

Огонь потухъ; едва золою
Подернутъ уголь золотой;
Едва замѣтною струею
Віется паръ, и теплотой
Каминъ чуть дышетъ. Дымъ изъ трубокъ
Въ трубу уходитъ. Свѣтлый кубокъ
Еще шипитъ среди стола.
Вечерняя находитъ мгла...
(Люблю я дружескія враки

И дружескій бокалъ вина
Порою той, что названа
Пора межъ волка и собаки,
А почему, не вижу я.)
Теперь бесѣдуютъ друзья :

XLVIII.

«Ну, что сосѣдки? Что Татьяна?
Что Ольга рѣзвая твоя?»
— Налей еще мнѣ полстакана..
Довольно, милый... Вся семья
Здорова; кланяться велѣли.
Ахъ, милый, какъ похорошѣли
У Ольги плечи, что за грудь!
Что за душа!... Когда нибудь
Заѣдемъ къ нимъ; ты ихъ обяжешь;
А то, мой другъ, суди ты самъ:
Два раза заглянулъ, а тамъ
Ужъ къ нимъ и носу не покажешь.
Да вотъ... какой же я болванъ!
Ты къ нимъ на той недѣлѣ званъ. —

XLIX.

«Я?» — Да, Татьяны именины
Въ субботу. Олинька и мать
Велѣли звать, и нѣтъ причины
Тебѣ на зовъ не пріѣзжать. —
«Но куча будетъ тамъ народу
И всякаго такаго сброду...»
— И, никого, увѣренъ я!
Кто будетъ тамъ? своя семья.
Поѣдемъ, сдѣлай одолженье!
Ну что жъ? — «Согласенъ.» — Какъ ты милъ! —

При сихъ словахъ онъ осушилъ
Стаканъ, сосѣдкѣ приношенье,
Потомъ разговорился вновь
Про Ольгу: такова любовь!

L.

Онъ веселъ былъ. Чрезъ двѣ недѣли
Назначенъ былъ счастливый срокъ:
И тайна брачныя постели,
И сладостной любви вѣнокъ
Его восторговъ ожидали.
Гимена хлопоты, печали,
Зѣвоты хладная чреда
Ему не снились никогда.
Межъ тѣмъ какъ мы, враги Гимена,
Въ домашней жизни зримъ одинъ
Рядъ утомительныхъ картинъ,
Романъ во вкусѣ Лафонтена... [27]
Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
Для оной жизни былъ рожденъ.

LI.

Онъ былъ любимъ... по крайней мѣрѣ
Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ.
Стократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
Кто, хладный умъ угомонивъ,
Покоится въ сердечной нѣгѣ,
Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ,
Или, нѣжнѣй, какъ мотылекъ,
Въ весенній впившійся цвѣтокъ;
Но жалокъ тотъ, кто все предвидитъ

27. Августъ Лафонтенъ, авторъ множества семейственныхъ романовъ.

Чья не кружится голова,
Кто всѣ движенья, всѣ слова
Въ ихъ переводѣ ненавидитъ,
Чье сердце опытъ остудилъ
И забываться запретилъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты моя Свѣтлана!
Жуковскій.

I

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго надворѣ;
Зимы ждала-ждала природа;
Снѣгъ выпалъ только въ январѣ,
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ;
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ:
Все ярко, все бѣло кругомъ.

II.

Зима... Крестьянинъ торжествуя
На дровняхъ обновляетъ путь;

Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки *жучку* посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ.
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно...

III.

Но, можетъ быть, такого рода
Картины васъ не привлекутъ:
Все это низкая природа;
Изящнаго немного тутъ.
Согрѣтый вдохновенья богомъ,
Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ
Живописалъ намъ первый снѣгъ
И всѣ оттѣнки зимнихъ нѣгъ [28]:
Онъ васъ плѣнитъ, я въ томъ увѣренъ,
Рисуя въ пламенныхъ стихахъ
Прогулки тайныя въ саняхъ;
Но я бороться не намѣренъ
Ни съ нимъ покамѣстъ, ни съ тобой,
Пѣвецъ Финляндки молодой [29]!

IV.

Татьяна (Руская душою,
Сама не зная почему),

28. Смотри: ***Первый снѣгъ***, стихотвореніе Князя Вяземскаго.
29. См. описаніе Финляндской зимы въ Эдѣ Баратынскаго.

Съ ея холодною красою
Любила Русскую зиму,
На солнцѣ иней въ день морозной,
И сани, и зарею поздной
Сіянье розовыхъ снѣговъ,
И мглу Крещенскихъ вечеровъ.
По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своихъ гадали,
И имъ сулили каждый годъ
Мужьевъ военныхъ и походъ.

V.

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты;
Таинственно ей всѣ предметы
Провозглашали что нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.
Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
Мурлыча, лапкой рыльцо мылъ:
То несомнѣнный знакъ ей былъ,
Что ѣдутъ гости. Вдругъ увидя
Младой двурогой ликъ луны
На небѣ съ лѣвой стороны.

VI.

Она дрожала и блѣднѣла.
Когда жъ падучая звѣзда
По небу темному летѣла

И разсыпалася: тогда
Въ смятеньи Таня торопилась,
Пока звѣзда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случалось гдѣ нибудь
Ей встрѣтить чернаго монаха,
Иль быстрый заяцъ межъ полей
Перебѣгалъ дорогу ей:
Не зная, что начать со страха,
Предчувствій горестныхъ полна,
Ждала несчастья ужъ она.

VII.

Что жъ? Тайну прелесть находила
И въ самомъ ужасѣ она:
Такъ насъ природа сотворила,
Къ противорѣчію склонна.
Настали святки. То-то радость!
Гадаетъ вѣтреная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима,
Гадаетъ старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо;
И все равно: надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ

VIII.

Татьяна любопытнымъ взоромъ
На воскъ потопленный глядитъ;
Онъ чудно-вылитымъ узоромъ
Ей что-то чудное гласитъ;

Изъ блюда, полнаго водою,
Выходятъ кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
«Тамъ мужички-то все богаты!
«Гребутъ лопатой серебро;
«Кому поемъ, тому добро
«И слава!» Но сулитъ утраты
Сей пѣсни жалостный напѣвъ;
Милѣй *кошурка* сердцу дѣвъ [30]

IX.

Морозна ночь; все небо ясно;
Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
Течетъ такъ тихо, такъ согласно..
Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платьицѣ выходитъ,
На мѣсяцъ зеркало наводитъ;
Но въ темномъ зеркалѣ одна
Дрожитъ печальная луна...
Чу... снѣгъ хруститъ... прохожій; дѣва
Къ нему на цыпочкахъ летитъ,
И голосокъ ея звучитъ
Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:
Какъ ваше имя [31]? Смотритъ онъ
И отвѣчаетъ: Агаѳонъ.

X.

Татьяна, по совѣту няни,
Сбираясь ночью ворожить,

30. Зоветъ котъ кошурку
Въ печурку спать.
Предвѣщаніе свадьбы; первая пѣсня предрекаетъ смерть.
31. Такимъ образомъ узнаютъ имя будущаго жениха.

Тихонько приказала въ банѣ
На два прибора столъ накрыть;
Но стало страшно вдругъ Татьянѣ.
И я — при мысли о Свѣтланѣ
Мнѣ стало страшно — такъ и быть.
Съ Татьяной намъ не ворожить.
Татьяна поясокъ шелковой
Сняла, раздѣлась и въ постель
Легла. Надъ нею вьется Лель,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

XI.

И снится чудный сонъ Татьянѣ:
Ей снится, будто бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумитъ, клубитъ волной своею
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, не скованный зимой;
Двѣ жердочки, склеенны льдиной,
Дрожащій гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ;
И предъ шумящею пучиной,
Недоумѣнія полна,
Остановилася она.

XII.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей;
Не видитъ никого, кто руку

Съ той стороны подалъ бы ей;
Но вдругъ сугробъ зашевелился.
И кто жъ изъ-подъ него явился?
Большой взъерошенный медвѣдь;
Татьяна, *ахъ!* а онъ ревѣть,
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ; она скрѣпясь
Дрожащей ручкой оперлась,
И боязливыми шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла — и что жъ? медвѣдь за ней.

XIII.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшный ускоряетъ шагъ;
Но отъ косматаго лакея
Не можетъ убѣжать никакъ;
Кряхтя валитъ медвѣдь несносный:
Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинъ, березъ и липъ нагихъ
Сіяетъ лучъ свѣтилъ ночныхъ:
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Метелью всѣ занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.

XIV.

Татьяна въ лѣсъ; медвѣдь за нею:
Снѣгъ рыхлой по колѣно ей:
То длинный сукъ ее за шею
Зацѣпитъ вдругъ, то изъ ушей

Златыя серьги вырветъ силой;
То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
Увязнетъ мокрой башмачокъ;
То выронитъ она платокъ;
Поднять ей некогда; боится,
— Медвѣдя слышитъ за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжитъ, онъ все вослѣдъ;
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

XV.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
Ее хватаетъ и несетъ;
Она безчувственно - покорна,
Не шевелится, не дохнетъ;
Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой:
Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогой;
Кругомъ все глушь; отвсюду онъ
Пустыннымъ снѣгомъ занесёнъ;
И ярко свѣтится окошко.
И въ шалашѣ и крикъ, и шумъ;
Медвѣдь промолвилъ: *здѣсь мой кумъ:*
Погрѣйся у него немножко!
И въ сѣни прямо онъ идетъ,
И на порогъ ее кладетъ.

XIV.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
За дверью крикъ и звонъ стакана,
Какъ на большихъ похоронахъ;
Не видя тутъ ни капли толку,

Глядитъ она тихонько въ щелку,
И что же! видитъ... за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ:
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ оставъ чопорный и гордой,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ:
Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій топъ! [32]
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала межъ гостей
Того, кто милъ и страшенъ ей —
Героя нашего романа!
Онѣгинъ за столомъ сидитъ
И въ дверь украдкою глядитъ.

32. Въ журналахъ осуждали слова: *хлопъ, молвь* и *топъ*, какъ неудачное нововведеніе. Слова сіи коренныя Русскія. «Вышелъ Бова изъ шатра прохладиться и услышалъ въ чистомъ полѣ людскую молвь и конскій топъ». (*Сказка о Бовѣ Королевичѣ*). *Хлопъ* употребляется въ просторѣчіи вмѣсто *хлопаніе*, какъ *шипъ* вмѣсто *шипѣнія*.

Онъ шипъ пустилъ позмѣиному.

(Древнія Русскія стихотворенія).

Не должно мѣшать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка.

XVIII.

Онъ знакъ подастъ, и всѣ хлопочутъ;
Онъ пьетъ, всѣ пьютъ и всѣ кричатъ;
Онъ засмѣется, всѣ хохочутъ;
Нахмуритъ брови, всѣ молчатъ;
Онъ тамъ хозяинъ: это ясно.
И Танѣ ужъ не такъ ужасно,
И любопытная, теперь
Немного растворила дверь..
Вдругъ вѣтеръ дунулъ, загашая
Огонь свѣтильниковъ ночныхъ;
Смутилась шайка домовыхъ;
Онѣгинъ, взорами сверкая,
Изъ-за стола гремя встаетъ;
Всѣ встали: онъ къ дверямъ идетъ.

XIX.

И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бѣжать:
Нельзя никакъ; нетерпѣливо
Метаясь, хочетъ закричать:
Не можетъ; дверь толкнулъ Евгеній:
И взорамъ адскихъ привидѣній
Явилась дѣва; ярый смѣхъ
Раздался дико; очи всѣхъ,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Все указуетъ на нее,
И всѣ кричатъ: мое! мое!

XX.

Мое! сказалъ Евгеній грозно,
И шайка вся сокрылась вдругъ:
Осталася во тьмѣ морозной
Младая дѣва съ нимъ самъ-другъ;
Онѣгинъ тихо увлекаетъ [33]
Татьяну въ уголъ, и слагаетъ
Ее на шаткую скамью,
И клонитъ голову свою
Къ ней на плечо; вдругъ Ольга входитъ,
За нею Ленскій; свѣтъ блеснулъ;
Онѣгинъ руку замахнулъ
И дико онъ очами бродитъ,
И незваныхъ гостей бранитъ:
Татьяна чуть жива лежитъ.

XXI.

Споръ громче, громче: вдругъ Евгеній
Хватаетъ длинный ножъ, и вмигъ
Поверженъ Ленскій; страшно тѣни
Сгустились; нестерпимый крикъ
Раздался... хижина шатнулась...
И Таня въ ужасѣ проснулась...
Глядитъ, ужъ въ комнатѣ свѣтло;
Въ окнѣ сквозь мерзлое стекло
Зари багряный лучъ играетъ;
Дверь отворилась. Ольга къ ней,
Авроры сѣверной алѣй
И легче ласточки, влетаетъ:

33. Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, находитъ въ этихъ стихахъ непонятную для насъ неблагопристойность.

«Ну,» говоритъ: «скажи жъ ты мнѣ,
Кого ты видѣла во снѣ?»

XXII.

Но та, сестры не замѣчая,
Въ постелѣ съ книгою лежитъ,
За листомъ листъ перебирая,
И ничего не говоритъ.
Хоть не являла книга эта
Ни сладкихъ вымысловъ поэта,
Ни мудрыхъ истинъ, ни картинъ:
Но ни Виргилій, ни Расинъ,
Ни Скоттъ, ни Байронъ, ни Сенека,
Ни даже Дамскихъ Модъ Журналъ
Такъ никого не занималъ:
То былъ, друзья, Мартынъ Задека [34],
Глава Халдейскихъ мудрецовъ,
Гадатель, толкователь сновъ

XXIII.

Сіе глубокое творенье
Завезъ кочующій купецъ
Однажды къ нимъ въ уединенье,
И для Татьяны наконецъ
Его съ разрозненной *Мальвиной*
Онъ уступилъ за три съ полтиной,
Въ придачу взявъ еще за нихъ
Собранье басень площадныхъ,
Грамматику, двѣ Петріады,
Да Мармонтеля третій томъ.

34 Гадательныя книги издаются у насъ подъ фирмою Мартына Задеки, почтеннаго человѣка, не писавшаго никогда гадательныхъ книгъ, какъ замѣчаетъ Б. Өедоровъ.

Мартынъ Задека сталъ потомъ
Любимецъ Тани... Онъ отрады
Во всѣхъ печаляхъ ей даритъ,
И безотлучно съ нею спитъ.

XXIV.

Ее тревожитъ сновидѣнье
Не зная, какъ его понять,
Мечтанья страшнаго значенье
Татьяна хочетъ отыскать.
Татьяна въ оглавленьи краткомъ
Находитъ азбучнымъ порядкомъ
Слова: боръ, буря, воронъ, ель,
Ежъ, мракъ, мостокъ, медвѣдь, метель,
И прочая. Ея сомнѣній
Мартынъ Задека не рѣшитъ;
Но сонъ зловѣщій ей сулитъ
Печальныхъ много приключеній
Дней нѣсколько она потомъ
Все безпокоилась о томъ.

XXV.

Но вотъ багряною рукою [35]
Заря отъ утреннихъ долинъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ именинъ.
Съ утра домъ Лариной гостями
Весь полонъ; цѣлыми семьями
Сосѣди съѣхались въ возкахъ,

35. Пародія извѣстныхъ стиховъ Ломоносова:
Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою, — и проч.

Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ
Въ передней толкотня, тревога;
Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
Шумъ, хохотъ, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилицъ крикъ и плачъ дѣтей

XXVI.

Съ своей супругою дородной
Пріѣхалъ толстый Пустяковъ;
Гвоздинъ, хозяинъ превосходной,
Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
Скотинины, чета сѣдая,
Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
Отъ тридцати до двухъ годовъ;
Уѣздный франтикъ Пѣтушковъ;
Мой братъ двоюродный, Буяновъ,
Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ [36]
(Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
И отставной Совѣтникъ Фляновъ,
Тяжелый сплетникъ, старый плутъ,
Обжора, взяточникъ и шутъ.

XXVII.

Съ семьей Панфила Харликова
Пріѣхалъ и мосье Трике,

36. Буяновъ, мой сосѣдъ,

. . . .
Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритыми усами,
Растрепанный, въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ...

(Опасный Сосѣдъ.)

Острякъ, недавно изъ Тамбова,
Въ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ.
Какъ истинный Французъ, въ карманѣ
Трике привезъ куплетъ Татьянѣ
На голосъ, знаемый дѣтьми:
Reveillez vous, belle endormie.
Межъ ветхихъ пѣсенъ альманаха
Былъ напечатанъ сей куплетъ;
Трике, догадливый поэтъ,
Его на свѣтъ явилъ изъ праха,
И смѣло — вмѣсто belle Nina —
Поставилъ belle Tatiana.

XXVIII.

И вотъ изъ ближняго посада
Созрѣвшихъ барышень кумиръ,
Уѣздныхъ матушекъ отрада,
Прiѣхалъ ротный командиръ;
Вошелъ... Ахъ, новость, да какая!
Музыка будетъ полковая!
Полковникъ самъ ее послалъ.
Какая радость: будетъ балъ!
Дѣвчонки прыгаютъ заранѣ [37].
Но кушать подали. Четой
Идутъ за столъ рука съ рукой.
Тѣснятся барышни къ Татьянѣ;
Мужчины противъ: и крестясь
Толпа жужжитъ, за столъ садясь.

XXIX.

Намигъ умолкли разговоры:
Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ

37. Наши критики, вѣрные почитатели прекраснаго пола, сильно осуждали неприличіе сего стиха.

Гремятъ тарелки и приборы,
Да рюмокъ раздается звонъ.
Но вскорѣ гости понемногу
Подъемлютъ общую тревогу;
Никто не слушаетъ, кричатъ,
Смѣются, спорятъ и пищатъ.
Вдругъ двери настежъ. Ленскій входитъ
И съ нимъ Онѣгинъ. «Ахъ, Творецъ!»
Кричитъ хозяйка: «наконецъ!»
Тѣснятся гости; всякъ отводитъ
Приборы, стулья поскорѣй;
Зовутъ, сажаютъ двухъ друзей.

XXX.

Сажаютъ прямо противъ Тани,
И, утренней луны блѣднѣй
И трепетнѣй гонимой лани,
Она темнѣющихъ очей
Не подымаетъ: пышетъ бурно
Въ ней страстный жаръ; ей душно, дурно;
Она привѣтствій двухъ друзей
Не слышитъ; слезы изъ очей
Хотятъ ужъ капать; ужъ готова
Бѣдняжка въ обморокъ упасть:
Но воля и разсудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишкомъ
И усидѣла за столомъ.

XXXI.

Траги-нервическихъ явленій,
Дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ
Давно терпѣть не могъ Евгеній:

Довольно ихъ онъ перенесъ.
Чудакъ, попавъ на пиръ огромной,
Ужъ былъ сердитъ. Но, дѣвы томной
Замѣтя трепетный порывъ,
Съ досады взоры опустивъ,
Надулся онъ, и негодуя,
Поклялся Ленскаго взбѣсить
И ужъ порядкомъ отомстить.
Теперь, заранѣ торжествуя,
Онъ сталъ чертить въ душѣ своей
Каррикатуры всѣхъ гостей.

XXXII.

Конечно, не одинъ Евгеній
Смятенье Тани видѣть могъ;
Но цѣлью взоровъ и сужденій
Въ то время жирный былъ пирогъ
(Къ несчастію, пересоленой);
Да вотъ въ бутылкѣ засмоленой,
Между жаркимъ и бланманже,
Цимлянское несутъ уже;
За нимъ строй рюмокъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ таліи твоей,
Зизи, кристаллъ души моей,
Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
Любви приманчивый фіялъ,
Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ!

XXXIII.

Освободясь отъ пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипитъ; и вотъ съ осанкой важной,
Куплетомъ мучимый давно,

Трике встаетъ; предъ нимъ собранье
Хранитъ глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
Къ ней обратясь съ листкомъ въ рукѣ,
Запѣлъ фальшивя. Плески, клики
Его привѣтствуютъ. Она
Пѣвцу присѣсть принуждена;
Поэтъ же скромный, хоть великій,
Ея здоровье первый пьетъ
И ей куплетъ передаетъ.

XXXIV.

Пошли привѣты, поздравленья;
Татьяна всѣхъ благодаритъ.
Когда же дѣло до Евгенья
Дошло, то дѣвы томный видъ,
Ея смущеніе, усталость
Въ его душѣ родили жалость:
Онъ молча поклонился ей,
Но какъ-то взоръ его очей
Былъ чудно-нѣженъ. Отъ того ли,
Что онъ и вправду тронутъ былъ,
Иль онъ кокетствуя шалилъ,
Невольно ль, иль изъ доброй воли;
Но взоръ сей нѣжность изъявилъ:
Онъ сердце Тани оживилъ.

XXXV.

Гремятъ отдвинутые стулья;
Толпа въ гостиную валитъ:
Такъ пчелъ изъ лакомаго улья
На ниву шумный рой летитъ;
Довольный праздничнымъ обѣдомъ,

Сосѣдъ сопитъ передъ сосѣдомъ;
Подсѣли дамы къ комельку:
Дѣвицы шепчутъ въ уголку!
Столы зеленые раскрыты:
Зовутъ задорныхъ игроковъ
Бостонъ, и ломберъ стариковъ,
И вистъ, донынѣ знаменитый,
Однообразная семья,
Всѣ жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь роберовъ сыграли
Герои виста; восемь разъ
Они мѣста перемѣняли;
И чай несутъ. Люблю я часъ
Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ
И ужиномъ Мы время знаемъ
Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ:
Желудокъ — вѣрный нашъ брегетъ;
И, кстати, я замѣчу въ скобкахъ,
Что рѣчь веду въ моихъ строфахъ
Я столь же часто о пирахъ,
О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,
Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, тридцати вѣковъ кумиръ!

XXXVII. XXXVIII [38]. XXXIX

Но чай несутъ: дѣвицы чинно
Едва за блюдечки взялись,

38. Обѣ сіи строфы въ первомъ изданіи помѣщены были. Вотъ онѣ:

Въ пирахъ готовъ я непослушно
Съ твоимъ бороться божествомъ;

Вдругъ изъ-за двери въ залѣ длинной
Фаготъ и флейта раздались.
Обрадованъ музыки громомъ,
Оставя чашку чаю съ ромомъ,
Парисъ окружныхъ городковъ,
Подходитъ къ Ольгѣ Пѣтушковъ,
Къ Татьянѣ Ленскій, Харликову,
Невѣсту переспѣлыхъ лѣтъ,
Беретъ Тамбовскій мой поэтъ,
Умчалъ Буяновъ Пустякову,

Но, признаюсь великодушно,
Ты побѣдилъ меня въ другомъ:
Твои свирѣпые герои,
Твои неправильные бои,
Твоя Киприда, твой Зевесъ
Большой имѣютъ перевѣсъ
Передъ Онѣгинымъ холоднымъ,
Предъ сонной скукою полей,
Передъ И — — — моей,
Предъ нашимъ воспитаньемъ моднымъ;
Но Таня (присягну) милѣй
Елены пакостной твоей.

*

Никто и спорить тутъ не станетъ,
Хоть за Елену Менелай
Сто лѣтъ еще не перестанетъ
Казнить Фригійскій бѣдный край,
Хоть вкругъ почтеннаго Пріама
Собранье старцевъ Пергама,
Ее завидя, вновь рѣшитъ:
Правъ Менелай и правъ Паридъ.
Что жъ до сраженій, то немного
Я попрошу васъ подождать:
Извольте далѣе читать:
Начала не судите строго;
Сраженье будетъ. Не солгу,
Честное слово дать могу

И въ залу высыпали всѣ,
И балъ блеститъ во всей красѣ.

XL.

Въ началѣ моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
Хотѣлось въ родѣ мнѣ Альбана
Балъ Петербургскій описать;
Но, развлеченъ пустымъ мечтаньемъ,
Я занялся воспоминаньемъ
О ножкахъ мнѣ знакомыхъ дамъ.
По вашимъ узенькимъ слѣдамъ,
О ножки, полно заблуждаться!
Съ измѣной юности моей
Пора мнѣ сдѣлаться умнѣй,
Въ дѣлахъ и въ слогѣ поправляться,
И эту пятую тетрадь
Отъ отступленій очищать.

XLI.

Однообразный и безумный,
Какъ вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькаетъ за четой.
Къ минутѣ мщенья приближаясь,
Онѣгинъ, втайнѣ усмѣхаясь,
Подходитъ къ Ольгѣ. Быстро съ ней
Вертится около гостей,
Потомъ на стулъ ее сажаетъ,
Заводитъ рѣчь о томъ, о семъ:
Спустя минутѣ двѣ, потомъ
Вновь съ нею вальсъ онъ продолжаетъ;

Всѣ въ изумленьи. Ленскій самъ
Не вѣритъ собственнымъ глазамъ

XLII.

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремѣлъ мазурки громъ,
Въ огромной залѣ все дрожало,
Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, какъ дамы,
Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
Но въ городахъ, по деревнямъ,
Еще мазурка сохранила
Первоначальныя красы:
Припрыжки, каблуки, усы,
Все тѣ же; ихъ не измѣнила
Лихая мода, нашъ тиранъ,
Недугъ новѣйшихъ Россіянъ.

XLIII [39]. XLIV.

Буяновъ, братецъ мой задорной,
Къ герою нашему подвелъ

39. Въ первомъ изданіи, безъ начальныхъ четырехъ стиховъ, эта строфа напечатана была въ слѣдующемъ видѣ:

Подковы, шпоры Пѣтушкова
(Канцеляриста отставнаго)
Стучатъ; Буянова каблукъ
Такъ и ломаетъ полъ вокругъ;
Трескъ, топотъ, грохотъ по порядку:
Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ;
Теперь пошло на молодцовъ;
Пустились, только не въ присядку.
Ахъ, легче, легче: каблуки
Отдавятъ дамскіе носки!

Татьяну съ Ольгою: проворно
Онѣгинъ съ Ольгою пошелъ:
Ведетъ ее, скользя небрежно,
И наклонясь ей шепчетъ нѣжно
Какой-то пошлый мадригалъ,
И руку жметъ — и запылалъ
Въ ея лицѣ самолюбивомъ
Румянецъ ярче. Ленскій мой
Все видѣлъ: вспыхнулъ, самъ не свой;
Въ негодованіи ревнивомъ
Поэтъ конца мазурки ждетъ
И въ котильонъ ее зоветъ.

XLV.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
Да Ольга слово ужъ дала
Онѣгину. О, Боже, Боже!
Что слышитъ онъ? Она могла...
Возможно ль? Чуть лишь изъ пеленокъ,
Кокетка, вѣтреный ребенокъ!
Ужъ хитрость вѣдаетъ она,
Ужъ измѣнять научена!
Не въ силахъ Ленскій снесть удара;
Проказы женскія кляня,
Выходитъ, требуетъ коня
И скачетъ. Пистолетовъ пара,
Двѣ пули — больше ничего —
Вдругъ разрѣшатъ судьбу его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

La, sotto giorni nubilosi e brevi,
Nasce una gente a cui l'morir non dole

Petr

Замѣтивъ, что Владиміръ скрылся,
Онѣгинъ, скукой вновь гонимъ,
Близь Ольги въ думу погрузился,
Довольный мщеніемъ своимъ.
За нимъ и Олинька зѣвала,
Глазами Ленскаго искала,
И безконечный котильонъ
Ее томилъ какъ тяжкій сонъ.
Но конченъ онъ. Идутъ за ужинъ
Постели стелютъ; для гостей
Ночлегъ отводятъ отъ сѣней
До самой дѣвичьи. Всѣмъ нуженъ
Покойный сонъ. Онѣгинъ мой
Одинъ уѣхалъ спать домой.

II.

Все успокоилось : въ гостиной
Храпитъ тяжелый Пустяковъ

Съ своей тяжелой половиной
Гвоздинъ, Буяновъ, Пѣтушковъ
И Фляновъ, не совсѣмъ здоровой,
На стульяхъ улеглись въ столовой,
А на полу мосье Трике,
Въ фуфайкѣ, въ старомъ колпакѣ.
Дѣвицы въ комнатахъ Татьяны
И Ольги всѣ объяты сномъ.
Одна, печально подъ окномъ
Озарена лучемъ Діаны,
Татьяна бѣдная не спитъ
И въ поле темное глядитъ.

III.

Его нежданнымъ появленьемъ,
Мгновенной нѣжностью очей
И страннымъ съ Ольгой поведеньемъ
До глубины души своей
Она проникнута; не можетъ
Никакъ понять его; тревожитъ
Ее ревнивая тоска,
Какъ будто хладная рука
Ей сердце жметъ, какъ будто бездна
Подъ ней чернѣетъ и шумитъ...
«Погибну,» Таня говоритъ:
«Но гибель отъ него любезна
«Я не ропщу: зачѣмъ роптать?
«Не можетъ онъ мнѣ счастья дать.»

IV.

Впередъ, впередъ, моя исторья!
Лице насъ новое зоветъ.
Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,

Деревни Ленскаго, живетъ
И здравствуетъ еще донынѣ,
Въ философической пустынѣ,
Зарѣцкій, нѣкогда буянъ,
Картежной шайки атаманъ,
Глава повѣсъ, трибунъ трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отецъ семейства холостой,
Надежный другъ, помѣщикъ мирный
И даже честный человѣкъ:
Такъ исправляется нашъ вѣкъ!

V.

Бывало, льстивый голосъ свѣта
Въ немъ злую храбрость выхвалялъ.
Онъ, правда, въ тузъ изъ пистолета
Въ пяти саженяхъ попадалъ.
И то сказать, что и въ сраженьи
Разъ въ настоящемъ упоеньи
Онъ отличился, смѣло въ грязь
Съ коня Калмыцкаго свалясь,
Какъ зюзя пьяный, и Французамъ
Достался въ плѣнъ драгой залогъ!
Новѣйшій Регулъ, чести богъ,
Готовый вновь предаться узамъ,
Чтобъ каждымъ утромъ у Вери [40]
Въ долгъ осушать бутылки три.

VI.

Бывало, онъ трунилъ забавно,
Умѣлъ морочить дурака

40. Парижскій ресторатор.

И умнаго дурачить славно,
Иль явно, иль изподтишка;
Хоть и ему иныя штуки
Не проходили без науки,
Хоть иногда и самъ впросакъ
Онъ попадался, какъ простакъ.
Умѣлъ онъ весело поспорить,
Остро и тупо отвѣчать,
Порой разсчетливо смолчать,
Порой разсчетливо повздорить,
Друзей поссорить молодыхъ
И на барьеръ поставить ихъ,

VII.

Иль помириться ихъ заставить,
Дабы позавтракать втроемъ,
И послѣ тайно обезславить
Веселой шуткою, враньемъ;
Sed alia tempora! Удалость
(Какъ сонъ любви, другая шалость)
Проходитъ съ юностью живой.
Какъ я сказалъ, Зарѣцкій мой,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій
Отъ бурь укрывшись наконецъ,
Живетъ какъ истинный мудрецъ,
Капусту садитъ, какъ Горацій,
Разводитъ утокъ и гусей
И учитъ азбукѣ дѣтей.

VIII.

Онъ былъ не глупъ; и мой Евгеній,
Не уважая сердца въ немъ,
Любилъ и духъ его сужденій,

И здравый толкъ о томъ - о семъ.
Онъ съ удовольствіемъ, бывало,
Видался съ нимъ; и такъ нимало
Поутру не былъ удивлёнъ,
Когда его увидѣлъ онъ.
Тотъ, послѣ перваго привѣта,
Прервавъ начатый разговоръ,
Онѣгину, осклабя взоръ,
Вручилъ записку отъ поэта.
Къ окну Онѣгинъ подошелъ
И про себя ее прочелъ.

IX.

То былъ пріятный, благородной,
Короткій вызовъ, иль *картель*:
Учтиво, съ ясностью холодной
Звалъ друга Ленскій на дуэль.
Онѣгинъ съ перваго движенья,
Къ послу такого порученья
Оборотясь, безъ лишнихъ словъ
Сказалъ, что онъ *всегда готовъ*.
Зарѣцкій всталъ безъ объясненій;
Остаться долѣ не хотѣлъ,
Имѣя дома много дѣлъ,
И тотчасъ вышелъ: но Евгеній
Наединѣ съ своей душой
Былъ недоволенъ самъ собой.

X.

И подѣломъ: въ разборѣ строгомъ,
На тайный судъ себя призвавъ,
Онъ обвинялъ себя во многомъ:
Во первыхъ, онъ ужъ былъ неправъ,

Что надъ любовью робкой, нѣжной
Такъ подшутилъ вечоръ небрежно.
А во вторыхъ, пускай поэтъ
Дурачится: въ осьмнадцать лѣтъ
Оно простительно. Евгеній,
Всѣмъ сердцемъ юношу любя,
Былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

XI.

Онъ могъ бы чувства обнаружить,
А не щетиниться, какъ звѣрь;
Онъ долженъ былъ обезоружить
Младое сердце. «Но теперь
Ужъ поздно; время улетѣло...
Къ тому жъ, онъ мыслитъ, въ это дѣло
Вмѣшался старый дуэлистъ;
Онъ золъ, онъ сплетникъ, онъ рѣчистъ...
Конечно: быть должно презрѣнье
Цѣной его забавныхъ словъ;
Но шопотъ, хохотня глупцовъ....»
И вотъ общественное мнѣнье! [41]
Пружина чести, нашъ кумиръ!
И вотъ, на чемъ вертится міръ!

XII.

Кипя враждой нетерпѣливой,
Отвѣта дома ждетъ поэтъ;
И вотъ сосѣдъ велерѣчивой

41. Стихъ Грибоѣдова.

Привезъ торжественно отвѣтъ.
Теперь ревнивцу то-то праздникъ!
Онъ все боялся, чтобъ проказникъ
Не отшутился какъ нибудь;
Уловку выдумавъ и грудь
Отворотивъ отъ пистолета.
Теперь сомнѣнья рѣшены:
Они на мельницу должны
Пріѣхать завтра до разсвѣта,
Взвести другъ на друга курокъ
И мѣтить въ ляжку иль въ високъ.

XIII.

Рѣшась кокетку ненавидѣть,
Кипящій Ленскій не хотѣлъ
Предъ поединкомъ Ольгу видѣть
На солнце, на часы смотрѣлъ,
Махнулъ рукою напослѣдокъ —
И очутился у сосѣдокъ.
Онъ думалъ Олиньку смутить,
Своимъ пріѣздомъ поразить;
Не тутъ-то было: какъ и прежде,
На встрѣчу бѣднаго пѣвца
Прыгнула Олинька съ крыльца,
Подобна вѣтреной надеждѣ,
Рѣзва, безпечна, весела,
Ну точно та же, какъ была.

XIV.

«Зачѣмъ вечоръ такъ рано скрылись?»
Былъ первый Олинькинъ вопросъ.
Всѣ чувства въ Ленскомъ помутились,
И молча онъ повѣсилъ носъ.

Исчезла ревность и досада
Предъ этой ясностію взгляда,
Предъ этой нѣжной простотой,
Предъ этой рѣзвою душой!
Онъ смотритъ въ сладкомъ умиленьѣ;
Онъ видитъ: онъ еще любимъ!
Ужъ онъ, раскаяньемъ томимъ,
Готовъ просить у ней прощенье,
Трепещетъ, не находитъ словъ:
Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ...

XV. XVI. XVII.

И вновь задумчивый, унылый
Предъ милой Ольгою своей,
Владиміръ не имѣетъ силы
Вчерашній день напомнить ей;
Онъ мыслитъ: «буду ей спаситель;
Не потерплю, чтобъ развратитель
Огнемъ и вздоховъ и похвалъ
Младое сердце искушалъ;
Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый
Точилъ лилеи стебелекъ;
Чтобы двухъ-утренній цвѣтокъ
Увялъ еще полураскрытый.»
Все это значило, друзья:
Съ пріятелемъ стрѣляюсь я.

XVIII.

Когда бъ онъ зналъ, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда бы вѣдала Татьяна,
Когда бы знать она могла,
Что завтра Ленскій и Евгеній

Заспорятъ о могильной сѣни;
Ахъ, можетъ быть, ея любовь
Друзей соединила бъ вновь!
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывалъ.
Онѣгинъ обо всемъ молчалъ:
Татьяна изнывала тайно:
Одна бы няня знать могла,
Да недогадлива была.

XIX.

Весь вечеръ Ленскій былъ разсѣянъ,
То молчаливъ, то веселъ вновь;
Но тотъ, кто Музою взлелѣянъ,
Всегда таковъ: нахмуря бровь,
Садился онъ за клавикорды,
И бралъ на нихъ одни аккорды;
То, къ Ольгѣ взоры устремивъ,
Шепталъ: не правда ль? я счастливъ.
Но поздно; время ѣхать. Сжалось
Въ немъ сердце, полное тоской;
Прощаясь съ дѣвой молодой,
Оно какъ будто разрывалось.
Она глядитъ ему въ лицо.
«Что съ вами?» — Такъ.— И на крыльцо.

XX.

Домой пріѣхавъ, пистолеты
Онъ осмотрѣлъ, потомъ вложилъ
Опять ихъ въ ящикъ, и раздѣтый
При свѣчкѣ Шиллера открылъ;
Но мысль одна его объемлетъ;
Въ немъ сердце грустное не дремлетъ:

Съ неизъяснимою красой
Онъ видитъ Ольгу предъ собой.
Владимiръ книгу закрываетъ,
Беретъ перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучатъ и льются. Ихъ читаетъ
Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
Какъ Д** пьяный на пиру.

XXI.

Стихи на случай сохранились;
Я ихъ имѣю; вотъ они:
«Куда, куда вы удалились,
«Весны моей златые дни?
«Что день грядущiй мнѣ готовитъ?
«Его мой взоръ напрасно ловитъ,
«Въ глубокой мглѣ таится онъ.
«Нѣтъ нужды; правъ судьбы законъ.
«Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
«Иль мимо пролетитъ она,
«Все благо: бдѣнiя и сна
«Приходитъ часъ опредѣленный;
«Благословенъ и день заботъ,
«Благословенъ и тьмы приходъ!

XXII.

«Блеснетъ заутра лучъ денницы
«И заиграетъ яркiй день;
«А я, быть можетъ, я гробницы
«Сойду въ таинственную сѣнь,
«И память юнаго поэта
«Поглотитъ медленная Лета,
«Забудетъ мiръ меня; но ты

«Придешь ли, дѣва красоты,
«Слезу пролить надъ ранней урной
«И думать: онъ меня любилъ,
«Онъ мнѣ единой посвятилъ
«Разсвѣтъ печальный жизни бурной!..
«Сердечный другъ, желанный другъ,
«Приди, приди: я твой супругъ!...»

XXIII.

Такъ онъ писалъ *темно* и *вяло*
(Что романтизмомъ мы зовёмъ,
Хоть романтизма тутъ ни мало
Не вижу я; да что намъ въ томъ?)
И наконецъ передъ зарёю,
Склонясь усталой головою,
На модномъ словѣ *идеалъ*
Тихонько Ленскій задремалъ;
Но только соннымъ обаяньемъ
Онъ позабылся, ужъ сосѣдъ
Въ безмолвной входитъ кабинетъ
И будитъ Ленскаго воззваньемъ:
«Пора вставать: седьмой ужъ часъ.
«Онѣгинъ вѣрно ждетъ ужъ насъ.»

XXIV.

Но ошибался онъ: Евгеній
Спалъ въ это время мертвымъ сномъ.
Уже рѣдѣютъ ночи тѣни
И встрѣченъ Весперъ пѣтухомъ;
Онѣгинъ спитъ себѣ глубоко.
Ужъ солнце катится высоко
И перелетная метель
Блеститъ и вьется: но постель

Еще Евгеній не покинулъ,
Еще надъ нимъ летаетъ сонъ.
Вотъ наконецъ проснулся онъ
И полы завѣса раздвинулъ;
Глядитъ — и видитъ, что пора
Давно ужъ ѣхать со двора.

XXV.

Онъ поскорѣй звонитъ. Вбѣгаетъ
Къ нему слуга Французъ Гильо,
Халатъ и туфли предлагаетъ
И подаетъ ему бѣльё.
Спѣшитъ Онѣгинъ одѣваться,
Слугѣ велитъ приготовляться
Съ нимъ вмѣстѣ ѣхать, и съ собой
Взять также ящикъ боевой.
Готовы санки бѣговые.
Онъ сѣлъ, на мельницу летитъ.
Примчались. Онъ слугѣ велитъ
Лепажа [42] стволы роковые
Нести за нимъ, а лошадямъ
Отъѣхать въ поле къ двумъ дубкамъ.

XXVI.

Опершись на плотину, Ленскій
Давно нетерпѣливо ждалъ;
Межъ тѣмъ, механикъ деревенскій,
Зарѣцкій жорновъ осуждалъ.
Идетъ Онѣгинъ съ извиненьемъ.
«Но гдѣ же, молвилъ съ изумленьемъ
Зарѣцкій, «гдѣ вашъ секундантъ?»
Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,

42. Славный ружейный мастеръ

Любилъ методу онъ изъ чувства.
И человѣка растянуть
Онъ позволялъ, не какъ нибудь,
Но въ строгихъ правилахъ искусства,
По всѣмъ преданьямъ старины
(Что похвалить мы въ немъ должны).

XXVII.

«Мой секундантъ?» сказалъ Евгеній:
«Вотъ онъ: мой другъ, monsieur Guillot.
Я не предвижу возраженій
На представленіе мое:
Хоть человѣкъ онъ неизвѣстный,
Но ужъ конечно малый честный.»
Зарѣцкій губу закусилъ.
Онѣгинъ Ленскаго спросилъ:
«Что жъ, начинать?»—Начнемъ, пожалуй,
Сказалъ Владиміръ. И пошли
За мельницу. Пока въ дали
Зарѣцкій нашъ и *честный малый*
Вступили въ важный договоръ,
Враги стоятъ, потупя взоръ.

XXVIII.

Враги! Давно ли другъ отъ друга
Ихъ жажда крови отвела?
Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дѣла
Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
Какъ въ страшномъ, непонятномъ снѣ,
Они другъ другу въ тишинѣ
Готовятъ гибель хладнокровно...

Не засмѣяться ль имъ, пока
Не обагрилась ихъ рука,
Не разойтиться ль полюбовно?....
Но дико свѣтская вражда
Боится ложнаго стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужъ блеснули.
Гремитъ о шомполъ молотокъ.
Въ граненый стволъ уходятъ пули
И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.
Вотъ порохъ струйкой сѣроватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремень
Взведенъ еще. За ближній пень
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросаютъ два врага.
Зарѣцкій тридцать два шага
Отмѣрилъ съ точностью отмѣнной,
Друзей развелъ по крайній слѣдъ,
И каждый взялъ свой пистолетъ.

XXX.

«Теперь сходитесь.»
Хладнокровно,
Еще не цѣля, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертныя ступени.
Свой пистолетъ тогда Евгеній,
Не преставая наступать,
Сталъ первый тихо подымать.
Вотъ пять шаговъ еще ступили,

И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
Сталъ также цѣлить — но какъ разъ
Онѣгинъ выстрѣлилъ... Пробили
Часы урочные: поэтъ
Роняетъ молча пистолетъ,

XXXI.

На грудь кладетъ тихонько руку
И падаетъ. Туманный взоръ
Изображаетъ смерть, не муку:
Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣговая.
Мгновеннымъ холодомъ облитъ,
Онѣгинъ къ юношѣ спѣшитъ,
Глядитъ, зоветъ его... напрасно:
Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ!...
Потухъ огонь на алтарѣ!

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ
Былъ томный миръ его чела.
Подъ грудь онъ былъ навылетъ раненъ;
Дымясь, изъ раны кровь текла.
Тому назадъ одно мгновенье,
Въ семъ сердцѣ билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипѣла кровь:
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Все въ немъ и тихо, и темно;

Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни; окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ.
А гдѣ, Богъ вѣсть; пропалъ и слѣдъ.

XXXIII.

Пріятно дерзкой эпиграмой
Взбѣсить оплошнаго врага;
Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Невольно въ зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Пріятнѣй, если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру: это я!
Еще пріятнѣе въ молчаньи
Ему готовить честный гробъ,
И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
На благородномъ разстояньи;
Но отослать его къ отцамъ
Едва ль пріятно будетъ вамъ!

XXXIV.

Что жъ, если вашимъ пистолетомъ
Сраженъ пріятель молодой,
Нескромнымъ взглядомъ, иль отвѣтомъ,
Или бездѣлицей иной
Васъ оскорбившій за бутылкой,
Иль даже самъ, въ досадѣ пылкой,
Васъ гордо вызвавшій на бой?
Скажите: вашею душой
Какое чувство овладѣетъ,
Когда недвижимъ, на землѣ,
Предъ вами, съ смертью на челѣ,

Онъ постепенно костенѣетъ.
Когда онъ глухъ и молчаливъ
На вашъ отчаянный призывъ?

XXXV.

Въ тоскѣ сердечныхъ угрызеній,
Рукою стиснувъ пистолетъ,
Глядитъ на Ленскаго Евгеній.
«Ну, что жъ? убитъ,» рѣшилъ сосѣдъ.
Убитъ!... Симъ страшнымъ восклицаньемъ
Сраженъ, Онѣгинъ съ содроганьемъ
Отходитъ и людей зоветъ.
Зарѣцкій бережно кладетъ
На сани трупъ оледенѣлый;
Домой везетъ онъ страшный кладъ.
Почуя мертваго, храпятъ
И бьются кони, пѣной бѣлой
Стальныя мочатъ удила,
И полетѣли какъ стрѣла.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ,
Увялъ! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,

Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!

XXXVII.

Быть можетъ, онъ для блага міра,
Иль хоть для славы былъ рождёнъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домчится гимнъ временъ,
Благословенія племенъ.

XXXVIII. XXXIX.

А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
Прошли бы юношества лѣта:
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ.
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бъ съ Музами, женился;
Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
Носилъ бы стеганый халатъ;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ,
И наконецъ въ своей постелѣ

Скончался бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

XL.

Но что бы ни было, читатель,
Увы, любовникъ молодой,
Поэтъ, задумчивый мечтатель,
Убитъ пріятельской рукой!
Есть мѣсто: влѣво отъ селенья,
Гдѣ жилъ питомецъ вдохновенья,
Двѣ сосны корнями срослись;
Подъ ними струйки извились
Ручья сосѣдственной долины.
Тамъ пахарь любитъ отдыхать,
И жницы въ волны погружать
Приходятъ звонкіе кувшины;
Тамъ у ручья въ тѣни густой
Поставленъ памятникъ простой.

XLI.

Подъ нимъ (какъ начинаетъ капать
Весенній дождь на злакъ полей)
Пастухъ, плетя свой пестрый лапоть,
Поетъ про Волжскихъ рыбарей;
И горожанка молодая,
Въ деревнѣ лѣто провожая,
Когда стремглавъ верхомъ она
Несется по полямъ одна,
Коня предъ нимъ остановляетъ,
Ременный поводъ натянувъ,
И, флеръ отъ шляпы отвернувъ,
Глазами бѣглыми читаетъ
Простую надпись, и слеза
Туманитъ нѣжные глаза.

XLII.

И шагомъ ѣдетъ въ чистомъ полѣ,
Въ мечтанье погрузясь, она;
Душа въ ней долго поневолѣ
Судьбою Ленскаго полна;
И мыслитъ: «что-то съ Ольгой стало?
Въ ней сердце долго ли страдало,
Иль скоро слезъ прошла пора?
И гдѣ теперь ея сестра?
И гдѣ жъ бѣглецъ людей и свѣта,
Красавицъ модныхъ модный врагъ,
Гдѣ этотъ пасмурный чудакъ,
Убійца юнаго поэта?»
Современемъ отчетъ я вамъ
Подробно обо всемъ отдамъ;

XLIII.

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь къ нему конечно;
Но мнѣ теперь не до него.
Лѣта къ суровой прозѣ клонятъ,
Лѣта шалунью рифму гонятъ,
И я, со вздохомъ признаюсь,
За ней лѣнивѣй волочусь.
Перу старинной нѣтъ охоты
Марать летучіе листы;
Другія, хладныя мечты,
Другія, строгія заботы
И въ шумѣ свѣта и въ тиши
Тревожатъ сонъ моей души.

XLIV.

Позналъ я гласъ иныхъ желаній,
Позналъ я новую печаль;
Для первыхъ нѣтъ мнѣ упованій,
А старой мнѣ печали жаль.
Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
Гдѣ, вѣчная къ ней рифма, *младость*?
Уже ль и вправду, наконецъ,
Увялъ, увялъ ея вѣнецъ?
Уже ль и впрямъ, и въ самомъ дѣлѣ,
Безъ элегическихъ затѣй,
Весна моихъ промчалась дней
(Что я шутя твердилъ доселѣ)?
И ей уже ль возврата нѣтъ?
Уже ль мнѣ скоро тридцать лѣтъ?

XLV.

Такъ, полдень мой насталъ, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно.
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За все, за все твои дары;
Благодарю тебя. Тобою,
Среди тревогъ и въ тишинѣ,
Я насладился... и вполнѣ;
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

XLVI.

Дай оглянусь. Простите жъ, сѣни,
Гдѣ дни мои текли въ глуши,
Исполненны страстей и лѣни
И сновъ задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголъ чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И наконецъ окаменѣть
Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ.

XLVII.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ, модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Разсчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

—

Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать?

Дмитріевъ.

Какъ не любить родной Москвы?

Баратынскій.

Гоненье на Москву! что значитъ видѣть свѣтъ!
Гдѣ жъ лучше?
Гдѣ насъ нѣтъ.

Грибоѣдовъ.

I.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса.
Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

II.

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
Весна, весна! пора любви!

Какое томное волненье
Въ моей душѣ, въ моей крови!
Съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ
Я наслаждаюсь дуновеньемъ
Въ лице мнѣ вѣющей весны,
На лонѣ сельской тишины!
Или мнѣ чуждо наслажденье,
И все, что радуетъ, живитъ,
Все, что ликуетъ и блеститъ,
Наводитъ скуку и томленье
На душу мертвую давно,
И все ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ?
Или съ природой оживленной
Сближаемъ думою смущенной
Мы увяданье нашихъ лѣтъ,
Которымъ возрожденья нѣтъ?
Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ,
Средь поэтическаго сна,
Иная, старая весна,
И въ трепетъ сердце намъ приводитъ
Мечтой о дальней сторонѣ,
О чудной ночи, о лунѣ....

IV.

Вотъ время: добрые лѣнивцы,
Эпикурейцы-мудрецы,
Вы, равнодушные счастливцы,

Вы, школы Левшина [43] птенцы,
Вы, деревенскіе Пріамы,
И вы, чувствительныя дамы,
Весна въ деревню васъ зоветъ.
Пора тепла, цвѣтовъ, работъ,
Пора гуляній вдохновенныхъ
И соблазнительныхъ ночей.
Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй,
Въ каретахъ, тяжко нагруженныхъ,
На долгихъ, иль на почтовыхъ,
Тянитесь изъ заставъ градскихъ.

V.

И вы, читатель благосклонный,
Въ своей коляскѣ выписной,
Оставьте градъ неугомонный,
Гдѣ веселились вы зимой;
Съ моею Музой своенравной
Пойдемте слушать шумъ дубравной
Надъ безыменною рѣкой,
Въ деревнѣ, гдѣ Евгеній мой,
Отшельникъ праздный и унылой,
Еще недавно жилъ зимой
Въ сосѣдствѣ Тани молодой,
Моей мечтательницы милой;
Но гдѣ его теперь ужъ нѣтъ....
Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ.

VI.

Межъ горъ, лежащихъ полукругомъ,
Пойдемъ туда, гдѣ ручеекъ,
Віясь, бѣжитъ зеленымъ лугомъ

43. Левшинъ, авторъ многихъ сочиненій по части хозяйственной

Къ рѣкѣ сквозь липовой лѣсокъ.
Тамъ соловей, весны любовникъ,
Всю ночь поетъ; цвѣтетъ шиповникъ,
И слышенъ говоръ ключевой;
Тамъ виденъ камень гробовой
Въ тѣни двухъ сосенъ устарѣлыхъ.
Пришельцу надпись говоритъ:
«Владиміръ Ленскій здѣсь лежитъ,
«Погибшій рано смертью смѣлыхъ,
«Въ такой-то годъ, такихъ-то лѣтъ.
«Покойся, юноша-поэтъ!

VII.

На вѣтви сосны преклоненной,
Бывало, ранній вѣтерокъ
Надъ этой урною смиренной
Качалъ таинственный вѣнокъ;
Бывало, въ поздніе досуги
Сюда ходили двѣ подруги,
И на могилѣ, при лунѣ,
Обнявшись плакали онѣ.
Но нынѣ... памятникъ унылой
Забытъ. Къ нему привычный слѣдъ
Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ;
Одинъ подъ нимъ, сѣдой и хилой,
Пастухъ попрежнему поетъ,
И обувь бѣдную плететъ.

VIII. IX. X.

Мой бѣдный Ленскій! Изнывая,
Недолго плакала она.
Увы! невѣста молодая
Своей печали невѣрна.

Другой увлекъ ея вниманье,
Другой успѣлъ ея страданье
Любовной лестью усыпить,
Уланъ умѣлъ ее плѣнить,
Уланъ любимъ ея душою....
И вотъ ужъ съ нимъ, предъ алтарёмъ.
Она стыдливо подъ вѣнцомъ
Стоитъ съ поникшей головою,
Съ огнемъ въ потупленныхъ очахъ,
Съ улыбкой легкой на устахъ.

XI.

Мой бѣдный Ленскій! За могилой,
Въ предѣлахъ вѣчности глухой,
Смутился ли, пѣвецъ унылой,
Измѣны вѣстью роковой?
Или надъ Летой усыпленной,
Поэтъ, безчувствіемъ блаженной,
Ужъ не смущается ничѣмъ,
И міръ ему закрытъ и нѣмъ?....
Такъ, равнодушное забвенье
За гробомъ ожидаетъ насъ.
Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
Вдругъ молкнетъ. Про одно имѣнье
Наслѣдниковъ сердитый хоръ
Заводитъ непристойный споръ.

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
Въ семействѣ Лариныхъ умолкъ.
Уланъ, своей невольникъ доли,
Былъ долженъ ѣхать съ нею въ полкъ.
Слезами горько обливаясь,

Старушка, съ дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была;
Но Таня плакать не могла:
Лишь смертной блѣдностью покрылось
Ея печальное лицо.
Когда всѣ вышли на крыльцо,
И все прощаясь суетилось
Вокругъ кареты молодыхъ,
Татьяна проводила ихъ.

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядѣла имъ вослѣдъ....
И вотъ одна, одна Татьяна!
Увы! подруга столькихъ лѣтъ,
Ея голубка молодая,
Ея наперсница родная,
Судьбою въ даль занесена,
Съ ней навсегда разлучена.
Какъ тѣнь, она безъ цѣли бродитъ;
То смотритъ въ опустѣлый садъ....
Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ отрадъ,
И облегченья не находитъ
Она подавленнымъ слезамъ,
И сердце рвется пополамъ.

XIV.

И въ одиночествѣ жестокомъ
Сильнѣе страсть ея горитъ,
И объ Онѣгинѣ далекомъ
Ей сердце громче говоритъ.
Она его не будетъ видѣть;
Она должна въ немъ ненавидѣть

Убійцу брата своего.
Поэтъ погибъ.... но ужъ его
Никто не помнитъ; ужъ другому
Его невѣста отдалась:
Поэта память пронеслась
Какъ дымъ по небу голубому.
О немъ два сердца, можетъ быть,
Еще грустятъ.... начто грустить?....

XV.

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струилились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы.
Ужъ за рѣкой дымясь пылалъ
Огонь рыбачій. Въ полѣ чистомъ
Луны при свѣтѣ серебристомъ
Въ свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна;
Шла, шла... и вдругъ передъ собою
Съ холма господскій видитъ домъ,
Селенье, рощу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
Она глядитъ — и сердце въ ней
Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ее сомнѣнія смущаютъ:
«Пойду ль впередъ, пойду ль назадъ?....
Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ....
Взгляну на домъ, на этотъ садъ.»
И вотъ съ холма Татьяна сходитъ,
Едва дыша; кругомъ обводитъ
Недоумѣнья полный взоръ....

И входитъ на пустынный дворъ.
Къ ней лая кинулись собаки.
На крикъ испуганный ея
Ребятъ дворовая семья
Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
Мальчишки разгоняли псовъ,
Взявъ барышню подъ свой покровъ.

XVII.

«Увидѣть барской домъ нельзя ли?»
Спросила Таня. Поскорѣй
Къ Анисьѣ дѣти побѣжали
У ней ключи взять отъ сѣней.
Анисья тотчасъ къ ней явилась,
И дверь предъ ними отворилась,
И Таня входитъ въ домъ пустой,
Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.
Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кій на бильярдѣ отдыхалъ;
На смятомъ канапе лежалъ
Манежный хлыстикъ. Таня далѣ;
Старушка ей: «а вотъ каминъ:
Здѣсь баринъ сиживалъ одинъ.

XVIII.

«Здѣсь съ нимъ обѣдывалъ зимою
Покойный Ленской, нашъ сосѣдъ.
Сюда пожалуйте, за мною.
Вотъ это барскій кабинетъ;
Здѣсь почивалъ онъ, кофе кушалъ,
Прикащика доклады слушалъ
И книжку поутру читалъ....
И старый баринъ здѣсь живалъ.

Со мной бывало въ воскресенье,
Здѣсь подъ окномъ, надѣвъ очки,
Играть изволилъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ его покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой!»

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ;
И все ей кажется безцѣннымъ,
Все душу томную живитъ
Полумучительной отрадой:
И столъ съ померкшею лампадой,
И груда книгъ, и подъ окномъ
Кровать, покрытая ковромъ,
И видъ въ окно сквозь сумракъ лунной,
И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
И Лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной
Какъ очарована стоитъ.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодной.
Темно въ долинѣ. Роща спитъ
Надъ отуманенной рѣкою;
Луна сокрылась за горою,
И пилигримкѣ молодой
Пора, давно пора домой.
И Таня, скрывъ свое волненье,

Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
Пускается въ обратный путь,
Но прежде проситъ позволенья
Пустынный за̀мокъ навѣщать,
Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей простилась
За воротами. Черезъ день
Ужъ утромъ рано вновь явилась
Она въ оставленную сѣнь,
И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ навремя все на свѣтѣ,
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася.
Сперва ей было не до нихъ;
Но показался выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтенью предалась
Татьяна жадною душой:
И ей открылся міръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгеній
Издавна чтенья разлюбилъ,
Однакожъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Гяура и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,

Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

XXIII.

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей:
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй.
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ
Какою мыслью, замѣчаньемъ,
Бывалъ Онѣгинъ пораженъ,
Въ чемъ молча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша.
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ,
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудакъ печальный и опасной,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ.
Что жъ онъ? уже ли подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,

Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?...
Ужъ не пародія ли онъ?

XXV.

Уже ль загадку разрѣшила?
Уже ли *слово* найдено?
Часы бѣгутъ; она забыла,
Что дома ждутъ ее давно,
Гдѣ собралися два сосѣда
И гдѣ объ ней идетъ бесѣда.
«Какъ быть? Татьяна не дитя,»
Старушка молвила крехтя,
«Вѣдь Олинька ея моложе.
Пристроить дѣвушку ей-ей
Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней?
Всѣмъ наотрѣзъ одно и тоже:
Нейду. И все грустить она,
Да бродитъ по лѣсамъ одна.»

XXVI.

— Не влюблена ль она? — «Въ кого же?
Буяновъ сватался — отказъ.
Ивану Пѣтушкову — тоже.
Гусаръ Пыхтинъ гостилъ у насъ;
Ужъ какъ онъ Танею прельщался,
Какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался!
Я думала пойдетъ авось;
Куда! и снова дѣло врозь.»
— Что жъ, матушка, зачѣмъ же стало?
Въ Москву, на ярмарку невѣстъ!
Тамъ, слышно, много праздныхъ мѣстъ. —
«Охъ, мой отецъ! доходу мало.»

— Довольно для одной зимы;
Не то ужъ дамъ хоть я взаймы. —

XXVII.

Старушка очень полюбила
Совѣтъ разумный и благой;
Сочлась, и тутъ же положила
Въ Москву отправиться зимой.
И Таня слышитъ новость эту.
На судъ взыскательному свѣту
Представить ясныя черты
Провинціальной простоты,
И запоздалые наряды,
И запоздалый складъ рѣчей!
Московскихъ франтовъ и цирцей
Привлечь насмѣшливые взгляды!...
О, страхъ! нѣтъ, лучше и вѣрнѣй
Въ глуши лѣсовъ остаться ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами,
Теперь она въ поля спѣшитъ
И умиленными очами
Ихъ озирая говоритъ:
«Простите, мирныя долины,
И вы, знакомыхъ горъ вершины,
И вы, знакомые лѣса!
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа!
Мѣняю милый, тихій свѣтъ
На шумъ блистательныхъ суетъ!...
Прости жъ и ты, моя свобода!

Куда, зачѣмъ стремлюся я?
Что мнѣ сулитъ судьба моя?»

XXIX.

Ея прогулки длятся долѣ.
Теперь то холмикъ, то ручей
Остановляютъ поневолѣ
Татьяну прелестью своей.
Она какъ съ давними друзьями,
Съ своими рощами, лугами
Еще бесѣдовать спѣшитъ.
Но лѣто быстрое летитъ.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, блѣдна,
Какъ жертва, пышно убрана....
Вотъ сѣверъ тучи нагоняя
Дохнулъ, завылъ, и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.

XXX.

Пришла, разсыпалась; клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдетъ она зиму встрѣчать,
Морозной пылью подышать,
И первымъ снѣгомъ съ кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьянѣ страшенъ зимній путь.

XXXI.

Отъѣзда день давно просроченъ;
Проходитъ и послѣдній срокъ.
Осмотрѣнъ, вновь обитъ, упроченъ
Забвенью брошенный возокъ.
Обозъ обычный, три кибитки
Везутъ домашнія пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье въ банкахъ, тюфяки,
Перины, клѣтки съ пѣтухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякаго добра.
И вотъ въ избѣ между слугами
Поднялся шумъ, прощальный плачъ:
Ведутъ на дворъ осьмнадцать клячь.

XXII.

Въ возокъ боярскій ихъ впрягаютъ;
Готовятъ завтракъ повара;
Горой кибитки нагружаютъ;
Бранятся бабы, кучера.
На клячѣ тощей и косматой
Сидитъ форрейторъ бородатой.
Сбѣжалась челядь у воротъ
Прощаться съ барами. И вотъ
Усѣлись, и возокъ почтенный
Скользя ползетъ за ворота.
«Простите, мирныя мѣста!
«Прости, пріютъ уединенный!
«Увижу ль васъ?....» И слезъ ручей
У Тани льется изъ очей.

XXXIII.

Когда благому просвѣщенью
Отдвинемъ болѣе границъ,
Современемъ (по разсчисленью
Философическихъ таблицъ,
Лѣтъ чрезъ пять сотъ) дороги вѣрно
У насъ измѣнятся безмѣрно:
Шоссе Россію здѣсь и тутъ
Соединивъ пересѣкутъ;
Мосты чугунные чрезъ воды
Шагнутъ широкою дугой;
Раздвинемъ горы; подъ водой
Пророемъ дерзостные своды,
И заведетъ крещеный міръ
На каждой станціи трактиръ.

XXXIV.

Теперь у насъ дороги плохи [44],
Мосты забытые гніютъ,

44. Дороги наши — садъ для глазъ:
Деревья, съ дерномъ валъ, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль — проѣзда нѣтъ подчасъ.
Съ деревьевъ, на часахъ стоящихъ,
Проѣзжимъ мало барыша;
Дорога, скажешь, хороша —
И вспомнишь стихъ : *для проходящихъ.*
Свободна Русская ѣзда
Въ двухъ только случаяхъ; когда,
Нашъ *Макъ-Адамъ* или *Макъ-Ева*,
Зима свершитъ, треща отъ гнѣва,
Опустошительный набѣгъ,
Путь окуетъ чугуномъ льдистымъ,
И запорошитъ ранній снѣгъ
Слѣды ея пескомъ пушистымъ;
Или когда поля пройметъ

На станціяхъ клопы да блохи
Заснуть минуты не даютъ;
Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной
Высокопарный, но голодной
Для виду прейскурантъ виситъ
И тщетный дразнитъ аппетитъ,
Межъ тѣмъ, какъ сельскіе циклопы,
Передъ медлительнымъ огнемъ,
Россійскимъ лечатъ молоткомъ
Издѣлье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

XXXV.

За то зимы порой холодной
Ѣзда пріятна и легка.
Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной,
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тѣша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькаютъ какъ заборъ [45].
Къ несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогоновъ дорогихъ,
Не на почтовыхъ, на своихъ,
И наша дѣва насладилась

Такая знойная засуха,
Что черезъ лужу можетъ вбродъ
Пройти, глаза зажмуря, муха.
(Станція. *Князь Вяземскій.*)

45. Сравненіе, заимствованное у К**, столь извѣстнаго игривостію воображенія. К... разсказывалъ, что, будучи однажды посланъ курьеромъ отъ Князя Потемкина къ Императрицѣ, онъ ѣхалъ такъ скоро, что шпага его, высунувшись концемъ изъ тележки, стучала по верстамъ, какъ по частоколу.

Дорожной скукою вполнѣ:
Семь сутокъ ѣхали онѣ.

XXXVI.

Но вотъ ужъ близко. Передъ ними
Ужъ бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ крестами золотыми,
Горятъ старинныя главы.
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва.... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца Русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

XXXVII.

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенной,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не пріемный даръ, —
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою!

Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель нашей славы,
Петровскій замокъ. Ну! не стой,
Пошолъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо бутки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крестахъ.

XXXIX. XL.

Въ сей утомительной прогулкѣ
Проходитъ часъ — другой, и вотъ
У Харитонья въ переулкѣ
Возокъ предъ домомъ у воротъ
Остановился. Къ старой теткѣ,
Четвертый годъ больной въ чахоткѣ,
Онѣ пріѣхали теперь.
Имъ настежъ отворяетъ дверь
Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ,
Съ чулкомъ въ рукѣ, сѣдой Калмыкъ.
Встрѣчаетъ ихъ въ гостиной крикъ
Княжны, простертой на диванѣ.

Старушки съ плачемъ обнялись,
И восклицанья полились.

XLI.

«Княжна, mon ange!» — Pachette! — «Алина!»
— Кто бъ могъ подумать? — «Какъ давно!»
— Надолго ль? — «Милая! Кузина!»
— Садись! какъ это мудрено!
Ей Богу, сцена изъ романа.... —
«А это дочь моя, Татьяна.»
— Ахъ, Таня! подойди ко мнѣ:
Какъ будто брежу я во снѣ....
Кузина, помнишь Грандисона? —
«Какъ, Грандисонъ?.... а, Грандисонъ!
Да, помню, помню. Гдѣ же онъ?»
— Въ Москвѣ, живетъ у Семеона;
Меня въ сочельникъ навѣстилъ:
Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

А тотъ.... но послѣ все раскажемъ.
Не правда ль? Всей ея роднѣ
Мы Таню завтра же покажемъ.
Жаль, разъѣзжать нѣтъ мочи мнѣ;
Едва-едва таскаю ноги.
Но вы замучены съ дороги;
Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть....
Охъ, силы нѣтъ.... устала грудь....
Мнѣ тяжела теперь и радость,
Не только грусть.... душа моя,
Ужъ никуда негодна я....
Подъ старость жизнь такая гадость.... —
И тутъ, совсѣмъ утомлена,
Въ слезахъ раскашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки и веселье
Татьяну трогаютъ; но ей
Нехорошо на новосельѣ,
Привыкшей къ горницѣ своей.
Подъ занавѣскою шелковой
Неспится ей въ постелѣ новой,
И ранній звонъ колоколовъ,
Предтеча утреннихъ трудовъ,
Ее съ постели подымаетъ.
Садится Таня у окна.
Рѣдѣетъ сумракъ; но она
Своихъ полей не различаетъ:
Предъ нею незнакомый дворъ,
Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вотъ: по родственнымъ обѣдамъ
Развозятъ Таню каждый день —
Представить бабушкамъ и дѣдамъ
Ея разсѣянную лѣнь.
Роднѣ, прибывшей издалеча,
Повсюду ласковая встрѣча,
И восклицанья, и хлѣбъ-соль.
«Какъ Таня выросла! Давно ль
Я, кажется, тебя крестила?».
— А я такъ на руки брала! —
«А я такъ за уши драла.»
— А я такъ пряникомъ кормила! —
И хоромъ бабушки твердятъ:
«Какъ наши годы-то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ невидно перемѣны;
Все въ нихъ на старый образецъ:
У тетушки княжны Елены
Все тотъ же тюлевый чепецъ;
Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все также лжетъ Любовь Петровна,
Иванъ Петровичъ также глупъ,
Семенъ Петровичъ также скупъ,
У Пелагѣи Николавны
Все тотъ же другъ, мосье Финмушъ,
И тотъ же шпицъ, и тотъ же мужъ;
А онъ, все клуба членъ исправный,
Все также смиренъ, также глухъ,
И также ѣстъ и пьетъ за двухъ.

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимаютъ.
Младыя граціи Москвы
Сначала молча озираютъ
Татьяну съ ногъ до головы;
Ее находятъ что-то странной,
Провинціяльной и жеманной,
И что-то блѣдной и худой,
А впрочемъ очень недурной;
Потомъ покорствуя природѣ,
Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ,
Цѣлуютъ, нѣжно руки жмутъ,
Взбиваютъ кудри ей по модѣ,
И повѣряютъ на распѣвъ
Сердечны тайны, тайны дѣвъ,

XLVII.

Чужія и свои побѣды,
Надежды, шалости, мечты.
Текутъ невинныя бесѣды
Съ прикрасой легкой клеветы.
Потомъ, въ отплату лепетанья,
Ея сердечнаго признанья
Умильно требуютъ онѣ.
Но Таня, точно какъ во снѣ,
Ихъ рѣчи слышитъ безъ участья,
Не понимаетъ ничего,
И тайну сердца своего,
Завѣтный кладъ и слезъ и счастья.
Хранитъ безмолвно между тѣмъ,
И имъ не дѣлится ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ
Въ бесѣды, въ общій разговоръ:
Но всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ,
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клевещутъ даже скучно;
Въ безплодной сухости рѣчей,
Вопросовъ, сплетень и вѣстей,
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

XLIX.

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядятъ,
И про нее между собою
Неблагосклонно говорятъ.
Одинъ какой-то шутъ печальной
Ее находитъ идеальной,
И, прислонившись у дверей,
Элегію готовитъ ей.
У скучной тетки Таню встрѣтя,
Къ ней какъ-то В.... подсѣлъ
И душу ей занять успѣлъ.
И близь него ее замѣтя,
Объ ней, поправя свой парикъ,
Освѣдомляется старикъ.

L.

Но тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Гдѣ машетъ мантіей мишурной
Она предъ хладною толпой,
Гдѣ Талія тихонько дремлетъ
И плескамъ дружескимъ не внемлетъ,
Гдѣ Терпсихорѣ лишь одной
Дивится зритель молодой
(Что было также въ прежни лѣты,
Во время ваше и мое),
Не обратились на нее
Ни дамъ ревнивые лорнеты,
Ни трубки модныхъ знатоковъ
Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ.

LI.

Ее привозятъ и въ Собранье.
Тамъ тѣснота, волненье, жаръ.
Музыки грохотъ, свѣчъ блистанье,
Мельканье, вихорь быстрыхъ паръ,
Красавицъ легкіе уборы,
Людьми пестрѣющіе хоры,
Невѣстъ обширный полукругъ,
Все чувства поражаетъ вдругъ.
Здѣсь кажутъ франты записные
Свое нахальство, свой жилетъ
И невнимательный лорнетъ.
Сюда гусары отпускные
Спѣшатъ явиться, прогремѣть,
Блеснуть, плѣнить и улетѣть.

LII.

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ.
Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ.
Но та, которую не смѣю
Тревожить лирою моею,
Какъ величавая луна
Средъ женъ и дѣвъ блеститъ одна.
Съ какою гордостью небесной
Земли касается она!
Какъ нѣгой грудь ея полна!
Какъ томенъ взоръ ея чудесной!....
Но полно, полно; перестань :
Ты заплатилъ безумству дань.

LIII.

Шумъ, хохотъ, бѣготня, поклоны,
Галопъ, мазурка, вальсъ.... Межъ тѣмъ,
Между двухъ тетокъ, у колонны,
Незамѣчаема никѣмъ,
Татьяна смотритъ и не видитъ,
Волненье свѣта ненавидитъ;
Ей душно здѣсь.... она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ льется свѣтлый ручеекъ,
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ,
И въ сумракъ липовыхъ аллей,
Туда, гдѣ *онъ* являлся ей.

LIV.

Такъ мысль ея далече бродитъ:
Забытъ и свѣтъ, и шумный балъ,
А глазъ межъ тѣмъ съ нея не сводитъ
Какой-то важный генералъ.
Другъ другу тетушки мигнули,
И локтемъ Таню вразъ толкнули,
И каждая шепнула ей:
«Взгляни налѣво поскорѣй.»
— Налѣво? гдѣ? что тамъ такое?—
«Ну, что бы ни было, гляди....
Въ той кучкѣ, видишь? впереди,
Тамъ, гдѣ еще въ мундирахъ двое....
Вотъ отошелъ.... вотъ бокомъ сталъ...»
— Кто? толстый этотъ генералъ? —

LV.

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
Татьяну милую мою,
И въ сторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть, о комъ пою....
Да кстати здѣсь о томъ два слова:
Пою пріятеля младова
И множество его причудъ.
Благослови мой долгій трудъ,
О ты, эпическая муза!
И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривь.
Довольно. Съ плечъ долой обуза!
Я классицизму отдалъ честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

—

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.

Byron.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ,
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близь водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться Муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась : Муза въ ней
Открыла пиръ младыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

II.

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтилъ;
Успѣхъ насъ первый окрылилъ;

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

III.

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый произволъ,
Съ толпою чувства раздѣляя,
Я Музу рѣзвую привелъ
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ:
И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары,
И какъ Вакханочка рѣзвилась,
За чашей пѣла для гостей,
И молодежъ минувшихъ дней
За нею буйно волочилась,
А я гордился межъ друзей
Подругой вѣтреной моей.

IV.

Но я отсталъ отъ ихъ союза
И вдаль бѣжалъ... она за мной.
Какъ часто ласковая Муза
Мнѣ услаждала путь нѣмой

Волшебствомъ тайнаго разсказа!
Какъ часто, по скаламъ Кавказа,
Она Ленорой, при лунѣ,
Со мной скакала на конѣ!
Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Отцу міровъ.

V.

И позабывъ столицы дальной
И блескъ и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренные шатры
Племенъ бродящихъ посѣщала,
И между ними одичала,
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, странныхъ языковъ,
Для пѣсенъ степи ей любезной...
Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
И вотъ она въ саду моемъ
Явилась барышней уѣздной,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ Французской книжкою въ рукахъ.

VI.

И нынѣ Музу я впервые
На свѣтскій раутъ [46] привожу;
На прелести ея степныя
Съ ревнивой робостью гляжу.

46. Rout, вечернее собраніе безъ танцевъ, собственно значитъ толпа.

Сквозь тѣсный рядъ аристократовъ,
Военныхъ франтовъ, дипломатовъ
И гордыхъ дамъ она скользитъ;
Вотъ сѣла тихо и глядитъ,
Любуясь шумной тѣснотою,
Мельканьемъ платьевъ и рѣчей,
Явленьемъ медленнымъ гостей
Передъ хозяйкой молодою,
И темной рамою мужчинъ
Вкругъ дамъ, какъ около картинъ.

VII.

Ей нравится порядокъ стройной
Олигархическихъ бесѣдъ,
И холодъ гордости спокойной,
И эта смѣсь чиновъ и лѣтъ.
Но это кто, въ толпѣ избранной,
Стоитъ безмолвный и туманной?
Для всѣхъ онъ кажется чужимъ.
Мелькаютъ лица передъ нимъ,
Какъ рядъ докучныхъ привидѣній?
Что, сплинъ иль страждущая спѣсь
Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
Кто онъ таковъ? Уже ль Евгеній?
Уже ли онъ?... Такъ, точно онъ.
«Давно ли къ намъ онъ занесенъ?

VIII.

«Все тотъ же ль онъ, иль усмирился?
Иль корчитъ также чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представитъ онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,

Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжей,
Иль маской щегольнетъ иной?
Иль просто будетъ добрый малой,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
По крайней мѣрѣ мой совѣтъ:
Отстать отъ моды обветшалой.
Довольно онъ морочилъ свѣтъ...»
— Знакомъ онъ вамъ? — «И да и нѣтъ.»

IX.

— Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ;
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ иль смѣшитъ;
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ;
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла;
Что глупость вѣтрена и зла;
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?

X.

Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто вовремя созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ;
Кто страннымъ снамъ не предавался;
Кто черни свѣтской не чуждался;

Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ;
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился;
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N. прекрасный человѣкъ.

XI.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Идти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей!—

XII.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
Несносно (согласитесь въ томъ)
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
Или печальнымъ сумасбродомъ,
Иль сатаническимъ уродомъ,
Иль даже Демономъ моимъ.

Онѣгинъ (вновь займуся имъ),
Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
До двадцати шести годовъ,
Томясь въ бездѣйствіи досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

XIII.

Имъ овладѣло безпокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ
(Весьма мучительное свойство,
Немногихъ добровольный крестъ).
Оставилъ онъ свое селенье,
Лѣсовъ и нивъ уединенье,
Гдѣ окровавленная тѣнь
Ему являлась каждый день,
И началъ странствія безъ цѣли,
Доступный чувству одному —
И путешествія ему,
Какъ все на свѣтѣ, надоѣли.
Онъ возвратился и попалъ,
Какъ Чацкій, съ корабля на балъ.

XIV.

Но вотъ толпа заколебалась,
По залѣ шопотъ пробѣжалъ...
Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею важный генералъ.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Безъ взора наглаго для всѣхъ,
Безъ притязаній на успѣхъ,

Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
Безъ подражательныхъ затѣй...
Все тихо, просто было въ ней.
Она казалась вѣрный снимокъ
Du comme il faut.... ***! прости:
Не знаю, какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе,
Старушки улыбались ей:
Мужчины кланялися ниже,
Ловили взоръ ея очей:
Дѣвицы проходили тише
Предъ ней по залѣ: и всѣхъ выше
И носъ и плеча подымалъ
Вошедшій съ нею генералъ.
Никто бъ не могъ ее прекрасной
Назвать; но съ головы до ногъ
Никто бы въ ней найти не могъ
Того, что модой самовластной
Въ высокомъ Лондонскомъ кругу
Зовется vulgar. Не могу...

XVI.

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести:
Оно у насъ покамѣсть ново,
И врядъ ли быть ему въ чести.
Оно бъ годилось въ эпиграмѣ....
Но обращаюсь къ нашей дамѣ.
Безпечной прелестью мила,
Она сидѣла у стола
Съ блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы:

И вѣрно бъ согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить сосѣдку не могла,
Хоть ослѣпительна была.

XVII.

«Уже ли,» думаетъ Евгеній:
«Уже ль она? Но точно... Нѣтъ...
Какъ! изъ глуши степныхъ селеній...»
И неотвязчивый лорнетъ
Онъ обращаетъ поминутно
На ту, чей видъ напомнилъ смутно
Ему забытыя черты.
«Скажи мнѣ, князь, не знаешь ты
Кто тамъ въ малиновомъ беретѣ
Съ посломъ Испанскимъ говоритъ?»
Князь на Онѣгина глядитъ.
— Ага! давно жъ ты не былъ въ свѣтѣ.
Постой, тебя представлю я. —
«Да кто жъ она?» — Жена моя. —

XVIII.

«Такъ ты женатъ! не зналъ я ранѣ!
Давно ли?» — Около двухъ лѣтъ. —
«На комъ?» — На Лариной. — «Татьянѣ!»
— Ты ей знакомъ? — «Я имъ сосѣдъ.»
— О, такъ пойдемъ же. — Князь подходитъ
Къ своей женѣ, и ей подводитъ
Родню и друга своего.
Княгиня смотритъ на него...
И, что ей душу ни смутило,
Какъ сильно ни была она
Удивлена, поражена,

Но ей ничто не измѣнило:
Въ ней сохранился тотъ же тонъ:
Былъ также тихъ ея поклонъ.

XIX.

Ей-ей! не то, чтобъ содрогнулась.
Иль стала вдругъ блѣдна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губъ она.
Хоть онъ глядѣлъ, нельзя прилежнѣй,
Но и слѣдовъ Татьяны прежней
Не могъ Онѣгинъ обрѣсти.
Съ ней рѣчь хотѣлъ онъ завести
И — и не могъ. Она спросила,
Давно ль онъ здѣсь, откуда онъ,
И не изъ ихъ ли ужъ сторонъ?
Потомъ къ супругу обратила
Усталый взглядъ; скользнула вонъ...
И недвижымъ остался онъ.

XX.

Уже ль та самая Татьяна,
Которой онъ наединѣ,
Въ началѣ нашего романа,
Въ глухой, далекой сторонѣ,
Въ благомъ пылу нравоученья,
Читалъ когда-то наставленья,
Та, отъ которой онъ хранитъ
Письмо, гдѣ сердце говоритъ,
Гдѣ все наружѣ, все на волѣ,
Та дѣвочка... иль это сонъ?...
Та дѣвочка, которой онъ
Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,

Уже ли съ нимъ сейчасъ была
Такъ равнодушна, такъ смѣла?

XXI.

Онъ оставляетъ раутъ тѣсный.
Домой задумчивъ ѣдетъ онъ.
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревоженъ поздній сонъ.
Проснулся онъ; ему приносятъ
Письмо: Князь N покорно проситъ
Его на вечеръ. «Боже! къ ней!...
О буду, буду!» — и скорѣй
Мараетъ онъ отвѣтъ учтивый.
Что съ нимъ? въ какомъ онъ странномъ снѣ?
Что шевельнулось въ глубинѣ
Души холодной и лѣнивой?
Досада? суетность? иль вновь
Забота юности — любовь?

XXII.

Онѣгинъ вновь часы считаетъ,
Вновь не дождется дню конца,
Но десять бьетъ; онъ выѣзжаетъ,
Онъ полетѣлъ, онъ у крыльца,
Онъ съ трепетомъ къ княгинѣ входитъ;
Татьяну онъ одну находитъ
И вмѣстѣ нѣсколько минутъ
Они сидятъ. Слова нейдутъ
Изъ устъ Онѣгина. Угрюмой,
Неловкій, онъ едва-едва
Ей отвѣчаетъ. Голова
Его полна упрямой думой.

Упрямо смотритъ онъ: она
Сидитъ покойна и вольна.

XXIII.

Приходитъ мужъ. Онъ прерываетъ
Сей непріятный tête à tête;
Съ Онѣгинымъ онъ вспоминаетъ
Проказы, шутки прежнихъ лѣтъ.
Они смѣются. Входятъ гости.
Вотъ крупной солью свѣтской злости
Сталъ оживляться разговоръ;
Передъ хозяйкой легкій вздоръ
Сверкалъ безъ глупаго жеманства,
И прерывалъ его межъ тѣмъ
Разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ,
Безъ вѣчныхъ истинъ, безъ педанства,
И не пугалъ ни чьихъ ушей
Свободной живостью своей.

XXIV.

Тутъ былъ однако цвѣтъ столицы,
И знать и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лицы,
Необходимые глупцы;
Тутъ были дамы пожилыя
Въ чепцахъ и въ розахъ, съ виду злыя;
Тутъ было нѣсколько дѣвицъ,
Неулыбающихся лицъ;
Тутъ былъ посланникъ, говорившій
О государственныхъ дѣлахъ;
Тутъ былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
Старикъ, по старому шутившій,

Отмѣнно тонко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно.

XXV.

Тутъ былъ на эпиграмы падкій,
На все сердитый господинъ:
На чай хозяйскій, слишкомъ сладкій,
На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ,
На толки про романъ туманный,
На вензель, двумъ сестрицамъ данный,
На ложь журналовъ, на войну,
На снѣгъ и на свою жену.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

XXVI.

Тутъ былъ ***, заслужившій
Извѣстность низостью души,
Во всѣхъ альбомахъ притупившій,
St.-P**, твои карандаши;
Въ дверяхъ другой диктаторъ бальной
Стоялъ картинкою журнальной —
Румянъ какъ вербный херувимъ,
Затянутъ, нѣмъ и недвижимъ;
И путешественникъ залетной,
Перекрахмаленный нахалъ,
Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ
Своей осанкою заботной,
И молча обмѣненный взоръ
Ему былъ общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онѣгинъ вечеръ цѣлой
Татьяной занятъ былъ одной,
Не этой дѣвочкой несмѣлой,
Влюбленной, бѣдной и простой,
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы.
О, люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ непрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу;
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не рай.

XXVIII.

Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣснительнаго сана
Пріемы скоро приняла!
Кто бъ смѣлъ искать дѣвчонки нѣжной
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницѣ залъ?
И онъ ей сердце волновалъ!
Объ немъ она во мракѣ ночи,
Пока Морфей не прилетитъ,
Бывало, дѣвственно груститъ,
Къ лунѣ подъемлетъ томны очи,
Мечтая съ нимъ когда нибудь
Свершить смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви всѣ возрасты покорны;
Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вешнія полямъ.
Въ дождѣ страстей они свѣжѣютъ,
И обновляются, и зрѣютъ —
И жизнь могущая даетъ
И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.
Но въ возрастъ поздній и безплодной,
На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
Печаленъ страсти мертвой слѣдъ:
Такъ бури осени холодной
Въ болото обращаютъ лугъ
И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья нѣтъ: увы! Евгеній
Въ Татьяну какъ дитя влюбленъ;
Въ тоскѣ любовныхъ помышленій
И день и ночь проводитъ онъ.
Ума не внемля строгимъ пѣнямъ,
Къ ея крыльцу, стекляннымъ сѣнямъ
Онъ подъѣзжаетъ каждый день;
За ней онъ гонится какъ тѣнь;
Онъ счастливъ, если ей накинетъ
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ея руки, или раздвинетъ
Предъ нею пестрый полкъ ливрей,
Или платокъ подыметъ ей.

XXXI.

Она его не замѣчаетъ,
Какъ онъ ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимаетъ,
Въ гостяхъ съ нимъ молвитъ слова три,
Порой однимъ поклономъ встрѣтитъ,
Порою вовсе не замѣтитъ:
Кокетства въ ней ни капли нѣтъ —
Его не терпитъ высшій свѣтъ.
Блѣднѣть Онѣгинъ начинаетъ:
Ей иль не видно, иль не жаль;
Онѣгинъ сохнетъ, и едва ль
Ужъ не чахоткою страдаетъ.
Всѣ шлютъ Онѣгина къ врачамъ,
Тѣ хоромъ шлютъ его къ водамъ.

XXXII.

А онъ не ѣдетъ; онъ заранѣ
Писать ко прадѣдамъ готовъ
О скорой встрѣчѣ; а Татьянѣ
И дѣла нѣтъ (ихъ полъ таковъ);
А онъ упрямъ, отстать не хочетъ,
Еще надѣется, хлопочетъ;
Смѣлѣй здороваго, больной,
Княгинѣ слабою рукой
Онъ пишетъ страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Онъ въ письмахъ видѣлъ не вотще;
Но, знать, сердечное страданье
Уже пришло ему не вмочь.
Вотъ вамъ письмо его точь въ точь.

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ.

«Предвижу все: васъ оскорбитъ
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презрѣнье
Вашъ гордый взглядъ изобразитъ!
Чего хочу? съ какою цѣлью
Открою душу вамъ свою?
Какому злобному веселью,
Быть можетъ, поводъ подаю!

«Случайно васъ когда-то встрѣтя,
Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
Я ей повѣрить не посмѣлъ:
Привычкѣ милой не далъ ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотѣлъ.
Еще одно насъ разлучило.....
Несчастной жертвой Ленскій палъ...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвалъ;
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ: вольность и покой
Замѣна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

«Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движенье глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать,
Блѣднѣть и гаснуть... вотъ блаженство!

«И я лишенъ того: для васъ
Тащусь повсюду наудачу;
Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ:
А я въ напрасной скукѣ трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И такъ ужъ тягостны они.
Я знаю: вѣкъ ужъ мой измѣренъ;
Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижусь я...

«Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
Увидитъ вашъ суровый взоръ
Затѣи хитрости презрѣнной —
И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
Когда бъ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови;
Желать обнять у васъ колѣни,
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пѣни,
Все, все, что̀ выразить бы могъ,
А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
Вооружить и рѣчь и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ!...

«Но такъ и быть: я самъ себѣ
Противиться не въ силахъ болѣ;
Всѐ рѣшено; я въ вашей волѣ,
И предаюсь моей судьбѣ.»

XXXIII.

Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь посланье:
Второму, третьему письму
Отвѣта нѣтъ. Въ одно собранье
Онъ ѣдетъ; лишь вошелъ... ему
Она на встрѣчу. Какъ сурова!
Его не видятъ, съ нимъ ни слова;
У! какъ теперь окружена
Крещенскимъ холодомъ она!
Какъ удержать негодованье
Уста упрямыя хотятъ!
Вперилъ Онѣгинъ зоркій взглядъ:
Гдѣ, гдѣ смятенье, состраданье?
Гдѣ пятна слезъ?... Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ!
На семъ лицѣ лишь гнѣва слѣдъ....

XXXIV.

Да, можетъ быть, боязни тайной,
Чтобъ мужъ иль свѣтъ не угадалъ
Проказы слабости случайной....
Всего, что мой Онѣгинъ зналъ.....
Надежды нѣтъ! Онъ уѣзжаетъ,
Свое безумство проклинаетъ —
И, въ немъ глубоко погруженъ,
Отъ свѣта вновь отрекся онъ.
И въ молчаливомъ кабинетѣ
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
Поймала, за̀-воротъ взяла
И въ темный уголъ заперла.

XXXV.

Сталъ вновь читать онъ безъ разбора.
Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шанфора,
Madame de Stael, Биша, Тиссо,
Прочелъ скептическаго Беля,
Прочелъ творенья Фонтенеля,
Прочелъ изъ нашихъ кой - кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи, и журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ,
Гдѣ нынче такъ меня бранятъ,
А гдѣ такіе мадригалы
Себѣ встрѣчалъ я иногда—
E sempre bene, господа.

XXXVI.

И что жъ? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желанія, печали
Тѣснились въ душу глубоко.
Онъ межъ печатными строками
Читалъ духовными глазами
Другія строки. Въ нихъ - то онъ
Былъ совершенно углубленъ.
То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины,
Ни съ чѣмъ несвязанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой
Иль письма дѣвы молодой.

XXXVII.

И постепенно въ усыпленье
И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ.
То видитъ онъ: на таломъ снѣгѣ,
Какъ будто спящій на ночлегѣ,
Недвижимъ юноша лежитъ,
И слышитъ голосъ: что жъ? убитъ!
То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
Клеветниковъ, и трусовъ злыхъ,
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрѣнныхъ;
То сельскій домъ — и у окна
Сидитъ *она*... и все она!

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ теряться въ этомъ,
Что чуть съ ума не своротилъ,
Или не сдѣлался поэтомъ.
Признаться: то-то бъ одолжилъ!
А точно: силой магнетизма
Стиховъ Россійскихъ механизма
Едва въ то время не постигъ
Мой безтолковый ученикъ.
Какъ походилъ онъ на поэта,
Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
И передъ нимъ пылалъ каминъ,
И онъ мурлыкалъ: *Benedetta*
Иль *Idol mio*, и ронялъ
Въ огонь то туфлю, то журналъ.

XXXIX.

Дни мчались; въ воздухѣ нагрѣтомъ
Ужъ разрѣшалася зима;
И онъ не сдѣлался поэтомъ,
Не умеръ, не сошелъ съ ума.
Весна живитъ его: впервые
Свои покои запертые,
Гдѣ зимовалъ онъ какъ сурокъ,
Двойныя окна, камелёкъ,
Онъ яснымъ утромъ оставляетъ,
Несется вдоль Невы въ саняхъ.
На синихъ, изсѣченныхъ льдахъ
Играетъ солнце; грязно таетъ
На улицахъ разрытый снѣгъ.
Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL.

Стремитъ Онѣгинъ? Вы заранѣ
Ужъ угадали; точно такъ:
Примчался къ ней, къ своей Татьянѣ
Мой неисправленный чудакъ.
Идетъ, на мертвеца похожій.
Нѣтъ ни одной души въ прихожей.
Онъ въ залу, дальше: никого.
Дверь отворилъ онъ. Что жъ его
Съ такою силой поражаетъ?
Княгиня передъ нимъ, одна,
Сидитъ неубрана, блѣдна,
Письмо какое-то читаетъ
И тихо слезы льетъ рѣкой,
Опершись на руку щекой.

XLI.

О, кто бъ нѣмыхъ ея страданій
Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ!
Кто прежней Тани, бѣдной Тани
Теперь въ княгинѣ бъ не узналъ!
Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній
Къ ея ногамъ упалъ Евгеній;
Она вздрогнула, и молчитъ;
И на Онѣгина глядитъ
Безъ удивленія, безъ гнѣва...
Его больной, угасшій взоръ,
Молящій видъ, нѣмой укоръ,
Ей внятно все. Простая дѣва,
Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней,
Теперь опять воскресла въ ней.

XLII.

Она его не подымаетъ,
И, не сводя съ него очей,
Отъ жадныхъ устъ не отымаетъ
Безчувственной руки своей...
О чемъ теперь ея мечтанье?...
Проходитъ долгое молчанье,
И тихо наконецъ она:
«Довольно; встаньте. Я должна
Вамъ объясниться откровенно.
Онѣгинъ, помните ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сегодня очередь моя.

XLIII.

«Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и что же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла?
Какой отвѣтъ? Одну суровость.
Не правда ль? Вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
И нынче — Боже! — стынетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодной
И эту проповѣдь... Но васъ
Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой...

XLIV.

«Тогда — не правда ли? — въ пустынѣ,
Вдали отъ суетной молвы,
Я вамъ не нравилась... Что жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтѣ?
Не потому ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ;
Что насъ за то ласкаетъ Дворъ?
Не потому ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принесть
Вамъ соблазнительную честь?

XLV.

«Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
А нынче!... Что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? Какая малость!
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ?

XLVI.

«А мнѣ, Онѣгинъ , пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,
— Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей...

XLVII.

«А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!... Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна.»

XLVIII.

Она ушла. Стоитъ Евгеній,
Какъ будто громомъ пораженъ.
Въ какую бурю ощущеній
Теперь онъ сердцемъ погруженъ!
Но шпоръ незапный звонъ раздался,
И мужъ Татьянинъ показался,
И здѣсь героя моего,
Въ минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставимъ,
Надолго... навсегда. За нимъ
Довольно мы путемъ однимъ
Бродили по̀-свѣту. Поздравимъ
Другъ друга съ берегомъ. Ура!
Давно бъ (не правда ли?) пора!

XLIX.

Кто бъ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
Разстаться нынче какъ пріятель.
Прости. Чего бы ты за мной
Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ:
Воспоминаній ли мятежныхъ,
Отдохновенья ль отъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ,
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты,
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ сшибокъ,
Хотя крупицу могъ найти.
За симъ разстанемся, прости!

L.

Прости жъ и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеалъ,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
Бесѣду сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
Явилися впервые мнѣ —
И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристалъ
Еще неясно различалъ.

LI.

Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
Я строфы первыя читалъ...
Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.
Безъ нихъ Онѣгинъ дорисованъ.
А ты, съ которой образованъ
Татьяны милой идеалъ...
О, много, много рокъ отъялъ!
Блаженъ, кто праздникъ жизни рано,
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полнаго вина,
Кто не дочелъ ея романа,
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ОНѢГИНА.

Послѣдняя глава Евгенія Онѣгина издана была особо, съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (впрочемъ весьма справедливымъ и остроумнымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную главу точками или цифромъ; но, въ избѣжаніе соблазна, рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, осьмой надъ послѣдней главою Евгенія Онѣгина, и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строфъ:

Пора: перо покоя проситъ;
Я девять пѣсенъ написалъ;
На берегъ радостный выноситъ
Мою ладью девятый валъ.
Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч.»

П. А. Катенинъ (коему прекрасный поэтическій талантъ не мѣшаетъ быть и тонкимъ критикомъ) замѣтилъ намъ, что сіе исключеніе, можетъ быть и выгодное для читателелей, вредитъ однако жъ плану цѣлаго сочиненія; ибо чрезъ то переходъ

отъ Татьяны, уѣздной барышни, къ Татьянѣ, знатной дамѣ, становится слишкомъ неожиданнымъ и необъясненнымъ: замѣчаніе, обличающее опытнаго художника. Авторъ самъ чувствовалъ справедливость онаго, но рѣшился выпустить эту главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нѣкоторые отрывки были напечатаны; мы здѣсь ихъ помѣщаемъ, присовокупивъ къ нимъ еще нѣсколько строфъ.

Е. Онѣгинъ изъ Москвы ѣдетъ въ Нижній Новгородъ:

. . . . передъ нимъ
Макарьевъ суетно хлопочетъ,
Кипитъ обиліемъ своимъ.
Сюда жемчугъ привезъ Индѣецъ,
Поддѣльны вина Европеецъ.
Табунъ бракованныхъ коней
Пригналъ заводчикъ изъ степей.
Игрокъ привезъ свои колоды
И горсть услужливыхъ костей;
Помѣщикъ спѣлыхъ дочерей,
А дочки — прошлогодни моды.
Всякъ суетится, лжетъ за двухъ
И всюду меркантильный духъ.

Тоска!...

Онѣгинъ ѣдетъ въ Астрахань, и оттуда на Кавказъ.

Онъ видитъ, Терекъ своенравный
Крутые роетъ берега;
Предъ нимъ паритъ орелъ державный,
Стоитъ олень, склонивъ рога;
Верблюдъ лежитъ въ тѣни утеса,
Въ лугахъ несется конь Черкеса,
И вкругъ кочующихъ шатровъ

Пасутся овцы Калмыковъ.
Вдали — Кавказскія громады:
Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань
За ихъ естественную грань,
Чрезъ ихъ опасныя преграды;
Брега Арагвы и Куры
Узрѣли Русскіе шатры.

Уже пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вокругъ,
Стоитъ Бешту остроконечный,
И зеленѣющій Машукъ,
— Машукъ, податель струй цѣлебныхъ;
Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
Больныхъ тѣснится блѣдный рой;
Кто жертва чести боевой,
Кто почечуя, кто Киприды;
Страдалецъ мыслитъ жизни нить
Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпить,
Кокетка — злыхъ годовъ обиды
На днѣ оставить, а старикъ
Помолодѣть — хотя намигъ.

Питая горьки размышленья,
Среди печальной ихъ семьи,
Онѣгинъ взоромъ сожалѣнья
Глядитъ на дымныя струи,
И мыслитъ, грустью отуманенъ:
Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилой я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ Тульскій засѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?

Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? — Ахъ, Создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
Чего мнѣ ждать! Тоска, тоска!...

Онѣгинъ посѣщаетъ потомъ Тавриду:

Воображенью край священный:
Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,
Тамъ закололся Митридатъ,
Тамъ пѣлъ Мицкевичь вдохновенный,
И посреди прибрежныхъ скалъ
Свою Литву воспоминалъ.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груды вашихъ горъ;
Долинъ, деревьевъ, селъ узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ, межъ хижинокъ Татаръ....
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стѣснилась пламенная грудь!
Но, Муза! прошлое забудь.

Какія бъ чувства ни таились
Тогда во мнѣ — теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли иль измѣнились....
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны

Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безъименныя страданья....
Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшалъ.

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи —
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака;
Мой идеалъ теперь — хозяйка,
Мои желанія — покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой.

Порой дождливою намедни
Я, завернувъ на скотный дворъ...
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я, расцвѣтая?
Скажи, Фонтанъ Бахчисарая!
Такія ль мысли мнѣ на умъ

Навелъ твой безконечный шумъ,
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ.....
Средь пышныхъ, опустѣлыхъ залъ,
Спустя три года, вслѣдъ за мною,
Скитаясь въ той же сторонѣ,
Онѣгинъ вспомнилъ обо мнѣ.

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной....
Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильной
Свои подъемлетъ паруса;
Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ;
Все блещетъ югомъ и пестрѣетъ
Разнообразностью живой.
Языкъ Италіи златой
Звучитъ по улицѣ веселой,
Гдѣ ходитъ гордый Славянинъ,
Французъ, Испанецъ, Армянинъ,
И Грекъ, и Молдаванъ тяжелой,
И сынъ Египетской земли,
Корсаръ въ отставкѣ, Морали.

Одессу звучными стихами
Нашъ другъ Туманскій описалъ,
Но онъ пристрастными глазами
Въ то время на нее взиралъ.
Пріѣхавъ онъ прямымъ поэтомъ,
Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
Одинъ надъ моремъ, и потомъ
Очаровательнымъ перомъ
Сады Одесскіе прославилъ.
Все хорошо, но дѣло въ томъ,

Что степь нагая тамъ кругомъ;
Кой-гдѣ недавный трудъ заставилъ
Младыя вѣтви въ знойный день
Давать насильственную тѣнь.

А гдѣ-бишь мой разсказъ несвязной?
Въ Одессѣ пыльной, я сказалъ.
Я бъ могъ сказать: въ Одессѣ грязной —
И тутъ бы право не солгалъ.
Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
По волѣ бурнаго Зевеса,
Потоплена, запружена,
Въ густой грязи погружена.
Всѣ домы на аршинъ загрязнутъ,
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
По улицѣ дерзаетъ въ бродъ;
Кареты, люди тонутъ, вязнутъ,
И въ дрожкахъ волъ, рога склоня,
Смѣняетъ хилаго коня.

Но ужъ дробитъ каменья молотъ,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
Какъ будто кованой броней.
Однако въ сей Одессѣ влажной
Еще есть недостатокъ важной!
Чего бъ, вы думали? — воды!
Потребны тяжкіе труды....
Что жъ? это небольшое горе,
Особенно, когда вино
Безъ пошлины привезено.
Но солнце южное, но море...

Чего жъ вамъ болѣе, друзья?
Благословенные края!

Бывало, пушка заревая
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутаго берега сбѣгая,
Ужъ къ морю отправляюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный,
Какъ Мусульманъ въ своемъ раю,
Съ восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Ужъ благосклонный
Открытъ Casino; чашекъ звонъ
Тамъ раздается; на балконъ
Маркёръ выходитъ полусонный
Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
Уже сошлися два купца.

Глядишь, и площадь запестрѣла.
Все оживилось; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше по дѣламъ.
Дитя разсчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
Провѣдать, шлютъ ли небеса
Ему знако́мы паруса?
Какіе новые товары
Вступили нынче въ карантинъ?
Пришли ли бочки жданыхъ винъ?
И что чума? и гдѣ пожары?
И нѣтъ ли голода, войны,
Или подобной новизны?

Но мы, ребята безъ печали,
Среди заботливыхъ купцовъ,
Мы только устрицъ ожидали
Отъ Цареградскихъ береговъ.
Что устрицы? — Пришли! — О радость!
Летитъ обжорливая младость
Глотать изъ раковинъ морскихъ
Затворницъ жирныхъ и живыхъ,
Слегка обрызнутыхъ лимономъ.
Шумъ, споры — легкое вино
Изъ погребовъ принесено
На столъ услужливымъ Отономъ [47];
Часы летятъ, а грозный счетъ
Межъ тѣмъ невидимо растетъ.

Но ужъ темнѣетъ вечеръ синій;
Пора намъ въ оперу скорѣй:
Тамъ упоительный Россини,
Европы баловень-орфей,
Не внемля критикѣ суровой,
Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новой,
Онъ звуки льетъ; они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцѣлуи молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ зашипѣвшаго аи
Струя и брызги золотые...
Но, господа, позволено ль
Съ виномъ равнять do-re-mi-sol?

А только ль тамъ очарованій?
А разыскательный лорнетъ?

47. Извѣстный ресторатор въ Одессѣ.

А закулисныя свиданья?
А prima donna? а балетъ?
А ложа, гдѣ красой блистая,
Негоціантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабовъ окружена?
Она и внемлетъ и не внемлетъ
И каватинѣ, и мольбамъ,
И шуткѣ съ лестью пополамъ....
А мужъ — въ углу за нею дремлетъ,
Въ просонкахъ *фора* закричитъ,
Зѣвнетъ и — снова захрапитъ.

Финалъ гремитъ; пустѣетъ зала;
Шумя, торопится разъѣздъ;
Толпа на площадь побѣжала
При блескѣ фонарей и звѣздъ.
Сыны Авзоніи счастливой
Слегка поютъ мотивъ игривой,
Его невольно затвердивъ,
А мы ревемъ речитативъ.
Но поздно. Тихо спитъ Одесса;
И бездыханна и тепла
Нѣмая ночь. Луна взошла.
Прозрачно-легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ,
Лишь море Черное шумитъ....

И такъ я жилъ тогда въ Одессѣ....

ЧЕТЫРЕ ОТРЫВКА

ИЗЪ ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА.

—

I.

ЖЕНЩИНЫ.

Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелестный, хитрый, слабый полъ;
Тогда въ законъ себѣ я ставилъ
Его единый произволъ.
Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Какимъ-то чистымъ божествомъ.
Владѣя чувствами, умомъ,
Она сіяла совершенствомъ.
Предъ ней я таялъ въ тишинѣ:
Ея любовь казалась мнѣ
Недосягаемымъ блаженствомъ.
Жить, умереть у милыхъ ногъ —
Иного я желать не могъ.

То вдругъ ее я ненавидѣлъ,
И трепеталъ и слезы лилъ,
Съ тоской и ужасомъ въ ней видѣлъ,
Созданье злобныхъ, тайныхъ силъ;
Ея пронзительные взоры,
Улыбка, голосъ, разговоры,

Все было въ ней отравлено,
Измѣной злой напоено,
Все въ ней алкало слезъ и стона,
Питалось кровію моей...
То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней
Передъ мольбой Пигмаліона
Еще холодной и нѣмой,
Но вскорѣ жаркой и живой.

Словами вѣщаго поэта
Сказать и мнѣ позволено:
Темира, Дафна и Лилета —
Какъ сонъ забыты мной давно.
Но есть одна межъ ихъ толпою....
Я долго былъ плѣненъ одною....
Но былъ ли я любимъ, и кѣмъ,
И гдѣ, и долго ли?... зачѣмъ
Вамъ это знать? не въ этомъ дѣло!
Что̀ было, то прошло, то вздоръ;
А дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Во мнѣ ужъ сердце охладѣло,
Закрылось для любви оно
И все въ немъ пусто и темно.

Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайнѣ измѣня,
Не могутъ надивиться нами,
Себя по совѣсти цѣня.
Восторги наши своенравны
Имъ очень кажутся забавны;
И право съ нашей стороны
Мы непростительно смѣшны.

Закабалясь неосторожно,
Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
Любовь въ безуміи зовемъ,
Какъ будто требовать возможно
Отъ мотыльковъ или отъ лилей
И чувствъ глубокихъ и страстей!

(Къ первымъ строфамъ 2-й главы.)

—

2.

Увы, друзья! мелькаютъ годы —
И съ ними въ слѣдъ одна другой,
Мелькаютъ вѣтреныя моды
Разнообразной чередой.
Все измѣнилося въ природѣ!
Ламушъ и фижмы были въ модѣ;
Придворный франтъ и ростовщикъ
Носили пудреный парикъ;
Бывало, нѣжные поэты,
Въ надеждѣ славы и похвалъ,
Точили тонкій мадригалъ
Иль остроумные куплеты;
Бывало, храбрый генералъ
Служилъ — и грамоты не зналъ.

(Къ строфѣ X, главы 3.)

—

3.

О вы! которыя любили
Безъ позволенія родныхъ
И сердце нѣжное хранили
Для впечатлѣній молодыхъ,

Для радостей, для нѣги сладкой —
Дѣвицы! если вамъ украдкой
Случалось тайную печать
Съ письма любезнаго срывать,
Иль робко въ дерзостныя руки
Завѣтный локонъ отдавать,
Иль даже молча дозволять
Въ минуту горькую разлуки
Дрожащій поцѣлуй любви,
Въ слезахъ, съ волненіемъ въ крови, —

Не осуждайте безусловно
Татьяны вѣтреной моей;
Не повторяйте хладнокровно
Рѣшенья чопорныхъ судей.
А вы, о дѣвы безъ упрёка!
Которыхъ даже рѣчь порока
Страшитъ сегодня какъ змія —
Совѣтую вамъ тоже я.
Кто знаетъ? пламенной тоскою
Сгорите, можетъ быть, и вы —
И завтра легкій судъ молвы
Припишетъ модному герою
Побѣды новой торжество:
Любви васъ ищетъ божество.

(Къ строфамъ XXIV и XXV, главы 3)

—

4.

АЛЬБОМЪ ОНѢГИНА.

a.

Меня не любятъ и клевещутъ;
Въ кругу мужчинъ несносенъ я,
Дѣвчонки предо мной трепещутъ,
Косятся дамы на меня.
За что? За то, что разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что вздорнымъ людямъ важны вздоры,
Что глупость вѣтрена и зла,
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ,
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ.

b.

Боитесь вы Гра — овой?
Сказала имъ Элиза К.
Да, возразилъ NN суровый,
Боимся мы Гра — овой,
Какъ вы боитесь паука.

c.

Въ Коранѣ много мыслей здравыхъ.
Вотъ напримѣръ: «предъ каждымъ сномъ
Молись; бѣги путей лукавыхъ,
Чти правду и не спорь съ глупцомъ.»

d.

Цвѣтокъ полей, листокъ дубравъ
Въ ручьѣ Кавказскомъ каменѣетъ;

Въ волненьи жизни такъ мертвѣетъ
И вѣтреный и пылкій нравъ.

e.

Шестаго. Былъ у В. на балѣ:
Довольно пусто было въ залѣ.
R. С. какъ ангелъ хороша:
Какая вольность въ обхожденьи!
Въ улыбкѣ, въ томномъ глазъ движеньи
Какая нѣга и душа!

f.

Вечоръ сказала мнѣ R. С:
Давно желала я васъ видѣть.
«Зачѣмъ?» — Мнѣ говорили всѣ,
Что я васъ буду ненавидѣть. —
«Зачто?» — За рѣзкій разговоръ,
За легкомысленное мнѣнье
О всемъ; за колкое презрѣнье
Ко всѣмъ. Однако жъ это вздоръ.
Вы надо мной смѣяться властны,
Но вы совсѣмъ не такъ опасны;
И знали ль вы до сей поры,
Что просто — очень вы добры?—

g.

Сокровища роднаго слова,
Замѣтятъ важные умы,
Для лепетанія чужаго
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,

А не читаемъ книгъ своихъ.
Да гдѣ жъ онѣ? давайте ихъ!
Конечно: сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любитъ мой Славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены: но дорожитъ
Одними ль звуками піитъ?
И гдѣ жъ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли?
Гдѣ повѣряемъ испытанья,
Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
Не въ переводахъ одичалыхъ,
Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,
Гдѣ Русскій умъ и Русскій духъ
Зады твердитъ и лжетъ за двухъ.
. . . .
. . . .
Поэты наши переводятъ,
Или молчатъ; одинъ журналъ
Исполненъ приторныхъ похвалъ,
Тотъ брани плоской; всѣ наводятъ
Зѣвоту скуки, чуть не сонъ:
Хорошъ Россійскій Геликонъ!

h.

Морозъ и солнце: чудный день!
Но нашимъ дамамъ видно лѣнь
Сойти съ крыльца и надъ Невою
Блеснуть холодной красотою;
Сидятъ — напрасно ихъ манитъ
Пескомъ усыпанный гранитъ.

Умна восточная система
И правъ обычай стариковъ:
Онѣ родились для гарема
Иль для неволи....

i.

Вчера, у В. оставя пиръ,
R. С. летѣла какъ зефиръ,
Не внемля жалобамъ и пѣнямъ;
А мы по лаковымъ ступенямъ
Летѣли шумною толпой
За Одалиской молодой.
Послѣдній звукъ послѣдней рѣчи
Я отъ нея поймать успѣлъ;
Я чернымъ соболемъ одѣлъ
Ея блистающія плечи;
На кудри милой головы
Я шаль зеленую накинулъ;
Я предъ Венерою Невы
Толпу влюбленную раздвинулъ.

k.

Сегодня былъ я ей представленъ,
Глядѣлъ на мужа съ полчаса:
Онъ важенъ, краситъ волоса,
Онъ чиномъ отъ ума избавленъ.

(Къ строфѣ XXIII, главы 7).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ЕВГЕНІЮ ОНѢГИНУ.

—

Первое полное изданіе Евгенія Онѣгина, данное публикѣ въ 1833 г., составилось изъ восьми отдѣльныхъ главъ его, выходившихъ въ разное время, начиная съ 1825 г. по 1832 г. При шестой главѣ (1828) былъ приложенъ длинный списокъ ошибокъ, вкравшихся въ изданіе, съ такой оговоркой: «Въ продолженіи изданія *1-й части Евгенія Онѣгина* вкралось въ нее нѣсколько значительныхъ ошибокъ. Важнѣйшія изъ нихъ помѣщаются здѣсь. Поправки означены подъ ними en italique.» Но мы должны сказать, что большая часть указанныхъ тутъ поправокъ — есть не что иное, какъ передѣлка Онѣгина, предпринятая авторомъ въ виду будущихъ изданій. Вотъ почему, при описаніи главъ Онѣгина, мы укажемъ на ошибки первоначальной редакціи, какъ на первый текстъ романа, а на поправки, осуществленныя при полномъ изданіи Онѣгина въ 1833 г., какъ на другой, исправленный текстъ, сдѣлавшійся теперь единственнымъ общеупотребительнымъ текстомъ. Сличеніе это можетъ подать поводъ къ соображеніямъ, не лишеннымъ интереса и своего рода значенія. По словамъ оговорки, приведенной выше, читатель уже замѣтилъ, что шесть главъ романа должны были составлять *первую часть* его и дѣйствительно внизу шестой главы, какъ несомнѣнное подтвержденіе этого, было припечатано: «Конецъ первой части.» По вмѣсто второй части, Пушкинъ издалъ только 7-ю и 8-ю главы и ими завершилъ романъ свой. — Приступаемъ къ описанію главъ.

Семь главъ перваго изданія напечатаны въ одинаковомъ форматѣ in 8° и въ одной и той же типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія въ С. Петербургѣ, и только одна глава, именно вторая, напечатана въ Москвѣ, въ типографіи Августа Семена, но съ

сохраненіемъ однакожъ какъ формата, такъ и общаго заглавія: «Евгеній Онѣгинъ, сочиненіе Александра Пушкина.» Съ 3-й главы вмѣсто одобренія цензора читается: «Съ дозволенія Правительства.» Восьмая глава напечатана опять по цензорскому дозволенію. Пересмотримъ ихъ по порядку.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Всѣхъ болѣе измѣненій потерпѣла первая глава Онѣгина при полномъ изданіи романа въ 1833 г. Она вышла въ 1825 г. стран VIII, XXII и 60 (одобреніе цензора Алекс. Бирукова помѣчено 29-го Декабря 1824) и на второмъ листѣ носила слова: «Посвящено брату Льву Сергѣевичу Пушкину.» За тѣмъ слѣдовало предисловіе безъ титула, выпущенное во всѣхъ изданіяхъ, но особенно любопытное тѣмъ, что принадлежитъ самому автору романа:

«Вотъ начало большаго стихотворенія, которое, вѣроятно, не будетъ окончено.

«Нѣсколько пѣсень, или главъ Евгенія Онѣгина уже готовы. Писанныя подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ веселости, ознаменовавшей первыя произведенія автора Руслана и Людмилы.

«Первая глава представляетъ нѣчто цѣлое. Она въ себѣ заключаетъ описаніе свѣтской жизни Петербургскаго молодаго человѣка въ концѣ 1819 г. и напоминаетъ Беппо, шуточное произведеніе мрачнаго Байрона.

«Дальновидные критики замѣтятъ, конечно, недостатокъ плана. Всякій воленъ судить о планѣ цѣлаго романа, прочитавъ первую главу онаго. Станутъ осуждать и антипоэтическій характеръ главнаго лица, сбивающагося на Кавказскаго Плѣнника, также нѣкоторыя строфы, писанныя въ утомительномъ родѣ новѣйшихъ элегій, *въ коихъ чувство унынія поглотило всѣ прочія.* Но да будетъ намъ позволено обратить вниманіе читателей на достоинства, рѣдкія въ сатирическомъ писателѣ: отсутствіе оскорбительной личности и наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаніи нравовъ.»

За вступленіемъ слѣдовалъ: «Разговоръ Книгопродавца съ Поэтомъ»,—поэтическій отрывокъ, печатаемый теперь уже отдѣльно, по примѣру, данному самимъ Пушкинымъ. Всѣ подробности о немъ находятся у насъ при самомъ стихотвореніи, которыхъ затѣмъ и не повторяемъ здѣсь.

Послѣ Разговора начиналась уже глава романа съ извѣстнымъ французскимъ эпиграфомъ, взятымъ изъ частнаго письма, но безъ эпиграфа, заимствованнаго у Кн. Вяземскаго: «И жить торопится и чувствовать спѣшитъ,» который является только въ полномъ изданіи Онѣгина въ 1833 году.

Оставляемъ покамѣстъ въ сторонѣ текстъ главы и переходимъ къ любопытнымъ примѣчаніямъ ея, изъ коихъ многія не сохранены послѣдующими изданіями. Къ числу такихъ относится:

1-е) Примѣчаніе о Назонѣ, слѣдующее къ VIII строфѣ, къ послѣднему стиху ея:

Вдали Италіи своей ...

Вотъ оно вполнѣ: «Мнѣніе, будто бы Овидій былъ сосланъ въ нынѣшній Акерманъ, ни на чемъ не основано. Въ своихъ элегіяхъ: *Ex ponto*, онъ ясно означаетъ мѣстомъ пребыванія городъ Томы при самомъ устьѣ Дуная. Столько же несправедливо и мнѣніе Вольтера, полагающаго причиной его изгнанія тайную благосклонность Юліи, дочери Августа. Овидію было тогда около пятидесяти лѣтъ, а развратная Юлія, десять лѣтъ тому прежде, была сама изгнана своимъ родителемъ. Прочія догадки ученыхъ ни что иное, какъ догадки. Поэтъ сдержалъ свое слово и тайна его съ нимъ умерла:

Alterius facti culpa silenda mihi.

Примѣчаніе сочинителя.»

По бумагамъ Пушкина видно, что замѣтка эта сдѣлана была первоначально для стихотворенія «Овидію» и попала въ романъ, вѣроятно потому, что при печати Овидія въ «Поляр. Звѣздѣ» 1823 г., выпущена была случайно или съ намѣреніемъ.

2-е) Примѣчаніе объ Академическомъ словарѣ, относящееся къ XXVI строфѣ, къ стиху ея:

Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій словарь.

«Нельзя не пожалѣть, что наши писатели слишкомъ рѣдко справляются съ Словаремъ Россійской Академіи Онъ останется вѣчнымъ памятникомъ попечительной воли Екатерины и просвѣщеннаго труда наслѣдниковъ Ломоносова, строгихъ и вѣрныхъ опекуновъ языка отечественнаго. Вотъ что говоритъ Карамзинъ въ своей рѣчи:»

За этимъ слѣдуетъ довольно длинная выписка изъ извѣстной похвальной рѣчи Императрицѣ Екатеринѣ II, Карамзина. Вся замѣтка опять подписана: «*Соч.*» безъ особенной причины однакоже, потому что и всѣ остальныя примѣчанія сдѣланы имъ же, какъ видно по рукописямъ.

3-е) *Примѣчаніе о родоначальникѣ Аннибаловыхъ* или Ганнибаловыхъ, какъ писалъ авторъ нашъ позднѣе, относящееся къ строфѣ L, къ стихамъ:

И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей,
Вздыхать о сумрачной Россіи...

«Авторъ, со стороны матери, происхожденія Африканскаго. Его прадѣдъ Абрамъ Петровичъ Аннибалъ, на 8 году своего возраста, былъ похищенъ съ береговъ Африки и привезенъ въ Константинополь. Россійскій посланникъ, выручивъ его, послалъ въ подарокъ Петру Великому, который крестилъ его въ Вильнѣ. Вслѣдъ за нимъ братъ его пріѣзжалъ сперва въ Константинополь, а потомъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ, но Петръ I не согласился возвратить своего крестника. До глубокой старости Аннибалъ помнилъ еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьевъ, изъ коихъ онъ былъ меньшой; помнилъ, какъ ихъ водили къ отцу, съ руками, связанными за спину, между тѣмъ какъ онъ одинъ былъ свободенъ и плавалъ подъ фонтанами отеческаго дома; помнилъ также любимую сестру свою *Лагань*, плывшую издали за кораблемъ, на которомъ онъ удалялся.

«18-ти лѣтъ отъ роду, Аннибалъ посланъ былъ Царемъ во Францію, гдѣ и началъ свою службу въ арміи Регента: онъ возвратился въ Россію съ разрубленной головой и съ чиномъ французскаго Лейтенанта. Съ тѣхъ поръ находился онъ неотлучно при особѣ Императора; въ царствованіе Анны, Аннибалъ—личный врагъ Бирона, посланъ былъ въ Сибирь подъ благовиднымъ предлогомъ. Наскуча безлюдствомъ и жестокостію климата, онъ самовольно возвратился въ Петербургъ и явился къ своему другу Миниху. Минихъ изумился и совѣтовалъ ему скрыться немедленно. Аннибалъ удалился въ свои помѣстья, гдѣ и жилъ во все время царствованія Анны, считаясь въ службѣ и въ Сибири. Елисавета, вступивъ на престолъ, осыпала его своими милостями. А. П. Аннибалъ умеръ уже въ цар-

ствованіе Екатерины, уволенный отъ важныхъ занятій службы съ чиномъ Генералъ-Аншефа, на 92 г. отъ рожденія. (*)

«Въ Россіи, гдѣ память замѣчательныхъ людей скоро исчезаетъ, по причинѣ недостатка историческихъ записокъ, — странная жизнь Аннибала извѣстна только по семейнымъ преданіямъ.

«Сынъ его Генералъ-Лейтенантъ И. А. Аннибалъ принадлежитъ безспорно къ числу отличнѣйшихъ людей Екатерининскаго вѣка (умеръ 1800 года).»

Всѣ эти примѣчанія были выпущены въ послѣдствіи. То, которое касается до Аннибала замѣнено въ изданіяхъ 1833 и 1837 словами: «Смотри первое изданіе Е. Онѣгина». а въ изданіи 1838 (посмертномъ) первой строкой объясненія: «Авторъ, со стороны матери, происхожденія Африканскаго.» Въ замѣнъ этихъ выпущенныхъ примѣчаній, въ 1833 являются новыя, но не значительныя. Такъ при словѣ: *Dandy* сдѣлана выноска: «Dandy — франтъ», при словѣ *Bolivar*: «Шляпа à la Bolivar». Нужнымъ считаемъ сказать, что примѣчанія были только у одной первой главы; всѣ остальныя выходили уже безъ нихъ и снабжены нѣкоторыми объясненіями единственно въ полномъ изданіи романа 1833 г., такъ что до этого года намъ больше и непридется говорить о нихъ. Первая глава сопровождалась еще кромѣ примѣчаній однимъ NB слѣдующаго содержанія:

«NB. Всѣ пропуски въ семъ сочиненіи, означенные точками, сдѣланы самимъ авторомъ.» За тѣмъ переходимъ къ тексту романа.

Первое изданіе.	*Полное изданіе 1833 года.*
Строфа XV.	
У князя балъ, у графа праздникъ.	Тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій праздникъ.
Стр XXX.	
Ахъ долго я забыть не могъ Двѣ ножки!.... Грустный, охладѣлой — И нынче иногда во снѣ Онѣ смущаютъ сердце мнѣ (**).	. . . . . Грустный, охладѣлой Я все ихъ помню, — и во снѣ Онѣ тревожатъ сердце мнѣ.

(*) «Мы современемъ надѣемся издать полную его біографію.»
Примѣчаніе Пушкина.

(**) «Непростительный галлицизмъ. Соч.» (Прим. Пушк.)

Наконецъ въ первой главѣ была сдѣлана въ 1833 г. перестановка строфъ: строфы XLVI на мѣсто XLV и вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣщены стихи, съ нѣкоторой поправкой ихъ, въ строфѣ XLII.

Къ тому жъ онѣ такъ величавы,	Къ тому жъ онѣ такъ не порочны,
Такъ непорочны, такъ умны,	Такъ величавы, такъ умны,
Такъ благочестія полны,	Такъ благочестія полны
Такъ чисто сохраняютъ нравы.	Такъ осмотрительны, такъ точны.

Въ первомъ же изданіи было: Бранилъ Омера, — вмѣсто Гомера, *раз*правилъ волосы рукой — вмѣсто *рас*правилъ и большія буквы въ словахъ: Эолъ, Roast — beef, Хандра, Фортуна и пр.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Эта глава появилась въ Москвѣ въ 1826 г. (стр. 42, одобреніе цензора Ивана Снѣгирева отъ 27 Сентября 1826), съ припиской послѣ оглавленія: «писано въ 1823 г.» Вотъ измѣненія, полученныя ею въ 1833 году.

Первое изданіе.	*Полное изданіе 1833 года.*
o Rus!	o Rus! о Русь!
Стр. VII.	
И чудеса *воображалъ.*	И чудеса *подозрѣвалъ.*
Стр. XI.	
Еще былъ менье уменъ	*Гораздо меньше былъ* уменъ
Стр. XXXII.	
Какъ *Простакова* управлять.	*Единовластно* управлять.
Стр. XXXVIII.	
И къ гробу прадѣдовъ *спѣшитъ.*	И къ гробу прадѣдовъ *тѣснитъ.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вышла въ Спб. въ 1827 г. стр. 51 и открывалась слѣдующимъ небольшимъ вступленіемъ: «Первая глава Евгенія Онѣгина, написан-

ная въ 1823 г. появилась въ 25-мъ. Спустя два года издана вторая. Эта медлительность произошла отъ постороннихъ обстоятельствъ. Отнынѣ изданіе будетъ слѣдовать въ безпрерывномъ порядкѣ: одна глава тотчасъ за другой.» Эпиграфъ этой главы Elle était fille, elle était amoureuse не былъ подписанъ еще Malfilatre.

Первое изданіе.	*Полное изданіе 1835 года.*
Стр. IV.	
Зимой летятъ во весь опоръ.	*Домой* летятъ....,
=	=
Стр. V.	
Какъ у Вандиковой Мадонѣ.	*Точь въ точь* въ Вандиковой Мадонѣ.
=	=
Стр. XX.	
И все *дышало* въ тишинѣ.	все *дремало* въ тишинѣ.

=

ГЛАВЫ ЧЕТВЕРТАЯ И ПЯТАЯ.

Обѣ главы вышли въ одной книжкѣ въ 1828 (Спб стр 92) и только тутъ являются впервые посвятительные стихи П. А. Плетневу, съ помѣткой: «29 Декабря 1828 г.» Здѣсь представляются намъ два важные пропуска. Пушкинъ выкинулъ совсѣмъ при полномъ изданіи Онѣгина въ 1833 г. одну строфу изъ 4-й главы (стр. XXXVI) и двѣ изъ пятой (стр. XXXIII и XXXVIII). Мѣсто ихъ заняли одни римскія цифры. Такъ повторилось и въ изданіи 1837 г., но полное посмертное изданіе 1838 г. помѣстило выкинутыя строфы въ примѣчаніяхъ. Они у насъ находятся въ подстрочныхъ выноскахъ. Между прочимъ одна поправка, указанная Пушкинымъ къ стиху четвертой главы: (стр. XXVII) «мгновенной думы *легкій* слѣдъ», не осуществилась въ послѣдующихъ изданіяхъ, вѣроятно по измѣнившемуся намѣренію самаго автора. Вотъ другія поправки:

Глава четвертая перваго изд.	*Глава четвертая полнаго изд. 1835 г.*
Стр. XXIX.	
Не станутъ *вѣрно* разбирать *Остроль* иль нѣтъ я могъ соврать.	Не станутъ *важно* разбирать *Остро,* иль нѣтъ, я могъ соврать.
=	=

Стр. XXX.	
Мнѣ свой *in-quarto поднесетъ.*	Мнѣ свой *in quarto подастъ.*
Глава пятая перваго изданія.	*Глава пятая полнаго изд. 1833 г.*
Стр. IV.	
Мужей военныхъ и походъ.	*Мужьевъ* военныхъ и походъ.
Стр. XIV.	
И силъ бѣжать ей нѣтъ	И силъ *уже* бѣжать ей нѣтъ
Стр. XV.	
И въ шалашѣ *ужасный* шумъ	И въ шалашѣ *и крикъ* и шумъ.
Стр. XVII.	
Визгъ, хохотъ, свистъ и хлопъ	*Лай*, хохотъ, *пѣнье*, свистъ и хлопъ
Стр. XVIII.	
Онъ засм*ѣялся*—всѣ хохочутъ	Онъ засм*ѣется*—всѣ хохочутъ.
Стр. XXX.	
Въ ней *тайный* жаръ —	Въ ней *страстный* жаръ
Стр. XLV.	
Какъ разъ рѣшатъ судьбу его.	*Вдругъ разрѣшатъ* судьбу его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Появилась въ 1828 же году (стр. 47 и двѣ страницы поправокъ, о которыхъ было говорено). Она представляетъ опять примѣръ замѣчательныхъ выпусковъ. При полномъ изданіи Онѣгина Пушкинъ выбросилъ изъ текста всю заключительную XLVII строфу ея, съ описаніемъ свѣтской жизни и отнесъ ее въ примѣчанія. Причина такой перестановки, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что въ это время (1833 г.) Пушкинъ уже находилъ, что краски ея слишкомъ ярки. Посмертное изданіе 1838 снова помѣстило изгнанную строфу въ текстъ. Глава шестая и слѣдующія двѣ не имѣютъ поправокъ въ стихахъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Появилась въ 1830 г. и безъ измѣненій вошла въ послѣдующія изданія.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Эта глава, появившаяся въ 1832 г. имѣла на оберткѣ слова: «Послѣдняя глава Евгенія Онѣгина,» чѣмъ и отличалась отъ своихъ предшественницъ въ наружномъ видѣ. Помѣтка г-на цензора Н. Бутырскаго на дозволеніи печатать: «Ноября 16-го 1831 г.» Самой главѣ предшествовало небольшое предисловіе, — то самое при которомъ въ послѣдствіи приложены были отрывки изъ путешествія Онѣгина, но здѣсь Пушкинъ только извѣщаетъ читателей о пропускѣ одной главы, а выдержекъ изъ нея не прилагаетъ. Словомъ это только первая часть извѣстнаго его объясненія, именно отъ словъ: «*Пропущенныя строфы подавали неоднократно*» до стиха: «*Хвала вамъ, девяти Каменамъ.*»

—

Переходимъ къ описанію послѣдующихъ изданій.

Въ 1833 г. романъ вышелъ вполнѣ подъ заглавіемъ: «Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ, сочиненіе Александра Пушкина. Спб. Типографія А. Смирдина. 1833. Съ дозволенія Правительства.» (Изданіе книгопродавца Смирдина. Одна часть in 8°; страницъ съ примѣчаніями и приложеніями 287.) Намъ уже извѣстны всѣ измѣненія, сдѣланныя Пушкинымъ при этомъ изданіи, какъ то выпускъ Вступленія, предшествовавшаго первой главѣ Онѣгина, выпускъ стихотворенія: Разговоръ Книгопродавца съ Поэтомъ, выпускъ трехъ важныхъ примѣчаній и введеніе всѣхъ тѣхъ поправокъ и перестановокъ, которыя указаны выше. Въ замѣнъ, онъ снабдилъ примѣчаніями всѣ остальныя главы и присовокупилъ къ извѣстію о выпущенной главѣ нѣсколько отрывковъ изъ нея, давъ имъ названіе: «*Отрывки изъ путешествія Онѣгина*» Все это такъ и сохранено послѣдующими изданіями, а за ними и нашимъ изданіемъ. Замѣтимъ, что посвященіе Льву Сергѣевичу Пушкину въ немъ совсѣмъ выпущено, а посвященіе Плетневу отнесено въ примѣчанія къ четвертой главѣ, гдѣ сказано: «четвертая и пятая главы вышли въ свѣтъ съ слѣдующимъ посвященіемъ П. А. Плетневу.»

Третье изданіе Евгенія Онѣгина вышло въ самый годъ и почти въ самый мѣсяцъ смерти его автора, въ 1837 г., но оно было одобрено г.

цензоромъ П. Корсаковымъ еще 27-го Ноября 1836 г. Это, такъ называемое, карманное изданіе въ 32-ю долю листа, стр. 310. Оно совершенно сходно съ предшествующимъ, но посвященіе П. А. Плетневу стоитъ здѣсь на первой страницѣ, хотя на этотъ разъ еще безъ имени лица, къ которому относится. Посмертное изданіе сохранило ему это мѣсто и вписало имя, а прежнее посвященіе Льву Сергѣевичу Пушкину пропало совершенно изъ печати.

Наконецъ въ полномъ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина 1838—41, Евгеній Онѣгинъ напечатанъ по двумъ предшествовавшимъ образцамъ (1833 и 1837 г.), по вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему приложены были (въ 1841) два добавленія, одно подъ названіемъ: «*Новыя строфы изъ Евгенія Онѣгина*», (томъ 9, стр. 458) и другое подъ названіемъ: «*Альбомъ Онѣгина*» (томъ 9-й, стр. 187). Прибавимъ, что первое добавленіе взято было изъ Современника 1838, томы XI и XII и изъ Московскаго Вѣстника 1827 г., № XX, а второе дано самимъ изданіемъ, но при этомъ замѣтимъ, что одно стихотвореніе (*Сокровища роднаго слова*) помѣщено дважды въ добавленіяхъ. Замѣтимъ также, что въ *Альбомѣ Онѣгина* были строфы, находящіяся уже въ текстѣ романа, и опять касательно *Новыхъ строфъ* посмертнаго изданія спѣшимъ сдѣлать еще слѣдующее поясненіе. Два стихотворенія ихъ («*Увы, друзья, мелькаютъ годы*» — «*О вы, которыя любили*») отнесены изданіемъ къ III главѣ и даже указаны строфы романа, къ которымъ они слѣдуютъ, именно: къ 10, 25 и 26-й, но всѣ эти строфы въ романѣ замѣщены и одна изъ нихъ, 10-я, не имѣетъ ничего общаго, по содержанію своему, съ приложеннымъ добавленіемъ. Не имѣя полной черновой рукописи Онѣгина, мы объясняемъ это обстоятельство предположеніемъ, что у Пушкина находилось два и три текста для нѣкоторыхъ строфъ, почему мы уже видѣли нѣсколько примѣровъ при разборѣ романа, помѣщенномъ въ біографическихъ матеріалахъ. Другой отрывокъ тѣхъ же «*Новыхъ строфъ*» подъ названіемъ: «*Женщины*,» напечатанъ былъ впервые, какъ знаемъ, въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827 г. № XX. Онъ, по нашему мнѣнію, долженъ относиться ко второй главѣ, которая въ текстѣ романа открывается рядомъ римскихъ цифръ I, II, III, IV, V, VI, обозначающихъ выпущенныя мѣста. Всѣ эти добавленія, съ выпускомъ, разумѣется, лишнихъ, мы приложили въ концѣ романа, подъ общимъ заглавіемъ: Четыре отрывка изъ Евгенія Онѣгина.

За тѣмъ любопытно прослѣдить Онѣгина въ странствованіяхъ его по разнымъ альманахамъ и журналамъ. Первый отрывокъ ро-

мана былъ напечатанъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1825, подъ заглавіемъ: «Отрывки изъ Евгенія Онѣгина, поэмы Александра Пушкина.» Это строфы изъ II главы, именно VII, VIII, IX, X. сбитыя вмѣстѣ и съ пропусками. Въ послѣдней изъ нихъ читаются стихи:

Онъ пѣлъ разлуку и печаль
И романтическую даль
И увядающія слезы...

измѣненные въ послѣдствіи такъ:

Онъ пѣлъ разлуку и печаль
И нѣчто, и туманну даль,
И романтическія розы.

Въ 1826 г. Сѣверные Цвѣты приложили 10 строфъ изъ той же второй главы Е. Онѣгина, начиная съ XXIV по XXIX и съ XXXVII по XL включительно. — Въ 1827 г. въ журналѣ: Московскій Вѣстникъ было напечатано два отрывка изъ Е. Онѣгина: *Женщины* (№ XX) и *Одесса* (№ VI). Къ сему послѣднему было прибавлено въ скобкахъ объясненіе: «*Изъ седьмой главы Онѣгина*», между тѣмъ какъ онъ содержитъ описаніе вояжа Онѣгина и въ послѣдствіи объявленъ былъ остаткомъ 8-й главы. Настоящее содержаніе главъ еще не было тогда извѣстно самому Пушкину. Отрывокъ этотъ начинается стихомъ: «Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной» и кончается стихомъ: «И такъ я жилъ тогда въ Одессѣ....» Все это раздѣлено на XIV строфъ, обозначенныхъ римскими цифрами, но въ нихъ три — именно III, IV и V составляютъ пробѣлъ.

Въ 1828 г журналъ: Московскій Вѣстникъ опять помѣстилъ два отрывка: *Москва* (№ I) и *Альбомы* (№ II). Первый содержитъ тринадцать строфъ 7-й главы романа, начиная съ XXXVI по XXXVIII включительно и съ XLIV по LIII включительно же. Эти послѣднія строфы открываются въ журналѣ стихомъ: «*По скучнымъ родственнымъ* обѣдамъ», вмѣсто стиха: «*И вотъ*: по родственнымъ обѣдамъ», какъ въ послѣдствіи было напечатано. Второй принадлежитъ 4 главѣ романа, (строфа XXVII и слѣдующія).

Наконецъ въ Литературной газетѣ 1830, № 1 й снова является отрывокъ изъ Путешествія Онѣгина, но подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ VIII главы Евгенія Онѣгина.» Онъ начинается со стиха: «Прекрасны вы брега Тавриды» до стиха: «Зарему я воображалъ.»

Скажемъ здѣсь, что будущимъ издателямъ предстоитъ необхо-

димость увеличить примѣчанія къ Онѣгину. Въ немъ есть нѣсколько намёковъ, теперь уже потерянныхъ для большинства публики и потому требующихъ объясненія. Напримѣръ въ первой главѣ (стр. XVI) есть стихъ:

Что тамъ ужъ ждетъ его ***.

а въ строфѣ XXV той же главы другой:

Второй ***, мой Евгеній.

Подобныя же ссылки на современныя лица встрѣчаются еще: одна въ 6-й главѣ (строфа XX), и двѣ въ 8-й главѣ (строфа XIV и XXVI), не говоря уже о нѣкоторыхъ вымышленныхъ фамиліяхъ романа, имѣющихъ тоже несомнѣнное отношеніе къ дѣйствительности.

Все это намёки очень понятные за 25 лѣтъ назадъ, но теперь совершенно темные и съ которыхъ давность времени, кажется, могла бы снять покровъ. Много и другихъ указаній, объясняющихъ связь романа съ современными ему явленіями должно бы приложить къ нему. Такъ напримѣръ въ главѣ IV есть строфа (XXXII) почти непонятная безъ комментарія.

По тише! слышишь? критикъ строгой
Повелѣваетъ сбросить намъ
Элегіи вѣнокъ убогой....
. . . .
— Ты правъ, и вѣрно намъ укажешь
Трубу, личину и кинжалъ,
. . . .
Не такъ ли другъ? — Ничуть, куда!
Пишите оды, господа.

Не всякій можетъ знать, что эта строфа относится къ статьѣ: «О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе» напечатанной въ альманахѣ «Мнемозина» 1824, а въ такаго рода поясненіяхъ нуждается чуть ли не каждая глава романа, по нашему мнѣнію. Уже не говоря о настоящемъ значеніи многихъ примѣчаній въ романѣ, имѣющихъ тонкій ироническій оттѣнокъ, требующій поясненій, не говоря о томъ, что въ романѣ сбережены подробности частной жизни автора и задушевная его исповѣдь, еще не вполнѣ изслѣдованная; но самая картина нравовъ, являющаяся въ

одной первой главѣ, могла бы служить предметомъ для обильныхъ и замѣчательныхъ комментаріевъ.

Въ заключеніе упомянемъ, что 21 Ноября 1830 г., въ бытность свою въ Болдинѣ, Пушкинъ составилъ небольшое предисловіе къ VIII и IX главамъ романа, которое у насъ помѣщено въ его запискахъ (смотри томъ V, стр. 36). Съ уничтоженіемъ одной главы должно было, разумѣется, уничтожиться и предисловіе, но оно весьма любопытно по полемическому своему характеру, объясняющему духъ и требованія тогдашней критики.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

ДРАГОЦѢННОЙ ДЛЯ РОССІЯНЪ ПАМЯТИ

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

КАРАМЗИНА,

СЕЙ ТРУДЪ, ГЕНІЕМЪ ЕГО ВДОХНОВЕННЫЙ,

СЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ И БЛАГОДАРНОСТІЮ ПОСВЯЩАЕТЪ

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

(**1825.**)

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

(1598 г., 20 февраля).

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ и ВОРОТЫНСКІЙ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдать,
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть:
Москва пуста; вослѣдъ за Патріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

ШУЙСКІЙ

Чѣмъ кончится? Узнать немудрено:
Народъ еще повоетъ, да поплачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,
И наконецъ по милости своей
Принять вѣнецъ смиренно согласится,
А тамъ—а тамъ онъ будетъ нами править
По прежнему.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Но мѣсяцъ ужъ протекъ,
Какъ, затворясь въ монастырѣ съ сестрою,
Онъ, кажется, покинулъ все мірское.
Ни Патріархъ, ни Думные Бояре
Склонить его досслѣ не могли;
Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великаго Собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня - Царица,
Какъ онъ тверда, какъ онъ неумолима:
Знать самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
Что ежели Правитель въ самомъ дѣлѣ
Державными заботами наскучилъ
И на престолъ безвластный не взойдетъ?
Что скажешь ты?

Шуйскій.

Скажу, что понапрасну
Лилася кровь Царевича-младенца;
Что если такъ, Димитрій могъ бы жить.

Воротынскій.

Ужасное злодѣйство! Полно точно ль
Царевича сгубилъ Борисъ?

Шуйскій.

А кто же?
Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ

Изслѣдовать на мѣстѣ это дѣло:
Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
Всѣ граждане согласно показали:
И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?

ШУЙСКІЙ.

Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ
Спокойствіемъ, безстыдностью нежданой;
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ какъ будто правый,
Разспрашивалъ, въ подробности входилъ —
И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Нечисто, князь.

ШУЙСКІЙ.

А что мнѣ было дѣлать?
Все объявить Θеодору? Но Царь
На все глядѣлъ очами Годунова,
Всему внималъ ушами Годунова:
Пускай его бъ увѣрилъ я во всемъ;
Борисъ тотчасъ его бы разувѣрилъ,
А тамъ меня жъ сослали бъ въ заточенье,
Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
Въ глухой тюрьмѣ тихонько бъ задавили.
Не хвастаюсь, а въ случаѣ конечно
Никая казнь меня не устрашитъ;

Я самъ не трусъ, но также не глупецъ,
И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
Губителя раскаянье тревожитъ:
Конечно кровь невиннаго младенца
Ему ступить мѣшаетъ на престолъ.

ШУЙСКІЙ.

Перешагнетъ; Борисъ не такъ-то робокъ!
Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашій рабъ, Татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

ВОРОТЫНСКІЙ.

Такъ, родомъ онъ незнатенъ; мы знатнѣе.

ШУЙСКІЙ.

Да, кажется.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Вѣдь Шуйскій, Воротынскій...
Легко сказать, природные князья.

ШУЙСКІЙ.

Природные, и Рюриковой крови.

ВОРОТЫНСКІЙ.

А слушай, князь, вѣдь мы бъ имѣли право
Наслѣдовать Ѳеодору.

ШУЙСКІЙ.

Да, болѣ,
Чѣмъ Годуновъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

ШУЙСКІЙ.

Что жъ?
Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставятъ Годунова;
Своихъ князей у нихъ довольно—пусть
Себѣ въ Цари любова изберутъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Не мало насъ, наслѣдниковъ Варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древню отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ.
Уже давно лишились мы Удѣловъ,
Давно Царямъ подручниками служимъ,
А онъ умѣлъ и страхомъ и любовью
И славою народъ очаровать.

ШУЙСКІЙ (*глядитъ въ окно*).

Онъ смѣлъ, вотъ все — а мы... Но полно. Видишь,
Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ —
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ: рѣшено ли?

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

НАРОДЪ.

ОДИНЪ.

Неумолимъ! Онъ отъ себя прогналъ
Святителей, Бояръ и Патріарха.
Они предъ нимъ напрасно пали ницъ:
Его страшитъ сіяніе престола.

ДРУГОЙ.

О Боже мой, кто будетъ нами править?
О горе намъ!

ТРЕТІЙ.

Да вотъ Верховный Дьякъ
Выходитъ намъ сказать рѣшенье Думы.

НАРОДЪ.

Молчать! молчать! Дьякъ Думной говоритъ:
Ш-ш — слушайте!

ЩЕЛКАЛОВЪ (*съ Краснаго крыльца*).

Соборомъ положили
Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
Надъ скорбною Правителя душой.
Заутра вновь святѣйшій Патріархъ,
Въ Кремлѣ отпѣвъ торжественно молебенъ,
Предшествуемъ хоругвями святыми,

Съ иконами Владимірской, Донской,
Воздвижется, а съ нимъ Синклитъ, Бояре,
Да сонмъ Дворянъ, да выборные люди
И весь народъ Московскій православный,
Мы всѣ пойдемъ молить Царицу вновь,
Да сжалится надъ сирою Москвой
И на вѣнецъ благословитъ Бориса.
Идите же вы съ Богомъ по домамъ,
Молитеся, да взыдетъ къ небесамъ
Усердная молитва православныхъ.

(*Народъ расходится*).

ДѢВИЧЬЕ-ПОЛЕ.

НОВОДѢВИЧІЙ МОНАСТЫРЬ. НАРОДЪ.

ОДИНЪ.

Теперь они пошли къ Царицѣ въ келью;
Туда вошли Борисъ и Патріархъ
Съ толпой бояръ.

ДРУГОЙ.

Что слышно?

ТРЕТІЙ.

Все еще
Упрямится; однако есть надежда.

БАБА (*съ ребенкомъ.*)

Агу! не плачь, не плачь! Вотъ бука, бука
Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь.

ОДИНЪ.

Нельзя ли намъ пробраться за ограду?

ДРУГОЙ.

Нельзя. Куды! И въ полѣ даже тѣсно,
Не только тамъ. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,
Всѣ ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ.

ПЕРВЫЙ.

Право, любо!

ОДИНЪ.

Что тамъ за шумъ?

ДРУГОЙ.

Послушай.... что за шумъ?
Народъ завылъ: тамъ падаютъ что волны
За рядомъ рядъ.... еще.... еще! Ну, братъ,
Дошло до насъ: скорѣе, на колѣна!

НАРОДЪ (*на колѣнахъ; вой и плачъ*).

Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! Властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ Царь!

ОДИНЪ (*тихо*).

О чемъ тамъ плачутъ?

ДРУГОЙ.

А какъ намъ знать? То вѣдаютъ Бояре —
Не намъ чета.

БАБА (*съ ребенкомъ*).

Ну что жъ? какъ надо плакать,
Такъ и затихъ! Вотъ я тебя!.. вотъ бука!
Плачь баловень! (*ребенокъ плачетъ.*) Ну, то-то же!

ОДИНЪ.

Всѣ плачутъ —
Заплачемъ, братъ, и мы!

ДРУГОЙ.

Да слезъ-то нѣтъ.
Что-тамъ еще?

ПЕРВЫЙ.

Да кто ихъ разберетъ?

НАРОДЪ.

Вѣнецъ за нимъ! онъ Царь! онъ согласился!...
Борисъ нашъ Царь! да здравствуетъ Борисъ!

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, ПАТРІАРХЪ, БОЯРЕ.

БОРИСЪ.

Ты, отче Патріархъ, вы всѣ, Бояре!
Обнажена моя душа предъ вами:

Вы видѣли, что я пріемлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ —
Наслѣдую и Ангелу-Царю!...
О праведникъ, о мой отецъ державный!
Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
И ниспошли тому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.
Отъ васъ я жду содѣйствія, Бояре.
Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
Когда труды я ваши раздѣлялъ,
Неизбранный еще народной волей.

БОЯРЕ.

Не измѣнимъ присягѣ, нами данной.

БОРИСЪ.

Теперь пойдемъ, поклонимся гробамъ
Почіющихъ властителей Россіи,
А тамъ — сзывать весь нашъ народъ на пиръ,
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе.
(Уходитъ, за нимъ и Бояре.)

КНЯЗЬ ВОРОТЫНСКІЙ, *останавливая Шуйскаго.*

Ты угадалъ.

ШУЙСКІЙ.

А что?

ВОРОТЫНСКІЙ.

Да здѣсь, намедни,
Ты помнишь?

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, не помню ничего.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле.
Ты говорилъ —

ШУЙСКІЙ.

Теперь не время помнить;
Совѣтую порой и забывать.
А впрочемъ я злословіемъ притворнымъ
Тогда желалъ тебя лишь испытать,
Вѣрнѣй узнать твой таінный образъ мыслей;
Но вотъ — народъ привѣтствуетъ Царя;
Отсутствіе мое замѣтить могутъ.
Иду за нимъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Лукавый царедворецъ!

НОЧЬ. КЕЛЬЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРѢ.

(1603 года.)

ОТЕЦЪ ПИМЕНЪ, ГРИГОРІЙ спящій.

ПИМЕНЪ (*пишетъ передъ лампадой*).

Еще одно, послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безъимянный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ Царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро —
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.

На старости я съизнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною...
Давно ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море - окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:

Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!
Но близокъ день, лампада догараетъ —
Еще одно, послѣднее сказанье (*пишетъ*).

ГРИГОРІЙ (*пробуждается*).

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ, да пишетъ — и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ Татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли Новогородскомъ Вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно:
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый....
Такъ точно Дьякъ, въ Приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

ПИМЕНЪ.

Проснулся, братъ.

ГРИГОРІЙ.

Благослови меня.
Честный отецъ.

ПИМЕНЪ.

Благослови, Господь.
Тебя и днесь, и присно, и вовѣки.

ГРИГОРІЙ.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся:
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ:
И стыдно мнѣ, и страшно становилось,
И, падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

ПИМЕНЪ.

Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ — если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи, —
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

ГРИГОРІЙ.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,

Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ Дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за Царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ,
И въ тихую обитель затвориться.

ПИМЕНЪ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный Царь Игумномъ богомольнымъ,

Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ —
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я Царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней.
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ Игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придетъ:
«Предстану здѣсь алкающій спасенья;
«Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
«Вы всѣ — обѣтъ примите мой духовный:
«Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
«И схиму здѣсь честную восприму,
«Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши.»
Такъ говорилъ державный Государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ Царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью:
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась—а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:

Къ его одру, Царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
И называть великимъ Патріархомъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый Владыка предъ Царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его какъ солнце просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ Царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

ГРИГОРІЙ.

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія-Царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

ПИМЕНЪ.

Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
Спѣшу туда жъ, а тамъ уже весь городъ.

Гляжу: лежитъ зарѣзанный Царевичъ:
Царица - мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ остервенясь волочитъ
Безбожную предательницу — мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда - Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ:
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтеся!» народъ имъ завопилъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса.

ГРИГОРІЙ.

Какихъ былъ лѣтъ Царевичъ убіенный?

ПИМЕНЪ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было —
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.

Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій!
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,

Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу Государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!... Подай костыль, Григорій.
(*Уходитъ*).

ГРИГОРІЙ.

Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда,

ПАЛАТЫ ПАТРІАРХА.

ПАТРІАРХЪ, ИГУМЕНЪ чудова монастыря.

ПАТРІАРХЪ.

И онъ убѣжалъ, отецъ Игуменъ?

ИГУМЕНЪ.

Убѣжалъ, святый Владыка, вотъ ужъ тому третій день.

ПАТРІАРХЪ.

Пострѣлъ, окаянный! Да какого онъ роду?

ИГУМЕНЪ.

Изъ роду Отрепьевыхъ, Галицкихъ боярскихъ дѣтей; смолоду постригся невѣдомо гдѣ, жилъ въ Суздалѣ, въ Ефимьевскомъ монастырѣ; ушелъ оттуда, шатался по разнымъ обителямъ, наконецъ пришелъ къ моей Чудовской братіи; а я, видя, что онъ еще младъ и неразуменъ, отдалъ его подъ начало отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и былъ онъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ; но знать грамота далася ему не отъ Господа Бога...

ПАТРІАРХЪ.

Ужъ эти мнѣ грамотѣи! Что еще выдумалъ! *Буду Царемъ на Москвѣ!* Ахъ, онъ сосудъ діавольскій! Однако нечего Царю и докладывать объ этомъ; что тревожить отца-Государя! Довольно будетъ объявить о побѣгѣ Дьяку Смирнову, или Дьяку Ефимьеву. Этака ересь: *буду Царемъ на Москвѣ!*... Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь это ересь, отецъ Игуменъ?

ИГУМЕНЪ.

Ересь, святый Владыка, сущая ересь.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ДВА СТОЛЬНИКА.

ПЕРВЫЙ.

Гдѣ Государь?

ВТОРОЙ.

Въ своей опочивальнѣ.
Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

ПЕРВЫЙ.

Такъ, вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, колдуньи.
Все ворожитъ, что красная невѣста.
Желалъ бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?

ВТОРОЙ.

Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

ПЕРВЫЙ.

Какъ онъ угрюмъ! (*Уходятъ*).

ЦАРЬ *входитъ*.

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,

Ужъ охладѣвъ скучаемъ и томимся!...
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной;
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать;
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ,
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше!
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища;
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ!
Какъ буря, смерть уноситъ жениха....
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня несчастнаго отца!...
Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру Царицу,
Монахиню смиренную... все я!

Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть.
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою:
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦѢ.

МИСАИЛЪ и ВАРЛААМЪ бродяги въ видѣ черпецовъ; ГРИГОРІЙ ОТРЕПЬЕВЪ міряниномъ; ХОЗЯЙКА.

ХОЗЯЙКА.

Чѣмъ-то мнѣ васъ подчивать, старцы честные?

ВАРЛААМЪ.

Чѣмъ Богъ пошлетъ, хозяюшка. Нѣтъ ли вина?

ХОЗЯЙКА.

Какъ не быть, отцы мои! сейчасъ вынесу.

(*Уходитъ.*)

МИСАИЛЪ.

Что жъ ты закручинился, товарищъ? Вотъ и граница Литовская, до которой такъ хотѣлось тебѣ добраться.

ГРИГОРІЙ.

Пока не буду въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не буду спокоенъ.

ВАРЛААМЪ.

Что тебѣ Литва такъ слюбилась? Вотъ мы, отецъ Мисаилъ да я грѣшный, какъ утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ ужъ и не думаемъ: Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли, все намъ равно, было бы вино.... да вотъ и оно!...

МИСАИЛЪ.

Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

ХОЗЯЙКА, *входитъ.*

Вотъ вамъ, отцы мои. Пейте на здоровье.

МИСАИЛЪ.

Спасибо, родная, Богъ тебя благослови. (*Пьютъ. Варлаамъ затягиваетъ пѣсню: Какъ во городѣ было во Казани...*) Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

ГРИГОРІЙ.

Не хочу.

МИСАИЛЪ.

Вольному воля....

ВАРЛААМЪ.

А пьяному рай, отецъ Мисаилъ! Выпьемъ же чарочку за шинкарочку.... (*поетъ.*)

Однако, отецъ Мисаилъ, когда я пью, такъ трезвыхъ не люблю: ино дѣло пьянство, а иное чванство; хочешь жить какъ мы, милости просимъ — нѣтъ, такъ убирайся, проваливай: скоморохъ попу не товарищъ.

ГРИГОРІЙ.

Пей, да про себя разумѣй, отецъ Варлаамъ!... Видишь, и я порой складно говорить умѣю.

ВАРЛААМЪ.

А что мнѣ про себя разумѣть?

МИСАИЛЪ.

Оставь его, отецъ Варлаамъ.

ВАРЛААМЪ.

Да что онъ за постникъ? Самъ же къ намъ назвался въ товарищи, невѣдомо кто, невѣдомо откуда — да еще и спѣсивится. (*Пьетъ и поетъ: Молодой Чернецъ постригся.*)

ГРИГОРІЙ, *хозяйкѣ.*

Куда ведетъ эта дорога?

ХОЗЯЙКА.

Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луёвымъ горамъ.

ГРИГОРІЙ.

А далече ли до Луёвыхъ горъ?

ХОЗЯЙКА.

Недалече, къ вечеру можно бы туда поспѣть, кабы не заставы Царскія, да сторожевые приставы.

ГРИГОРІЙ.

Какъ, заставы! что это значитъ?

ХОЗЯЙКА.

Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всѣхъ задерживать, да осматривать.

ГРИГОРІЙ, *про себя.*

Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день. (*Въ слухъ.*) Да кого жъ имъ надобно? Кто бѣжалъ изъ Москвы?

ХОЗЯЙКА.

А Господь его вѣдаетъ, воръ ли, разбойникъ, только здѣсь и добрымъ людямъ нынѣ прохода нѣтъ. А что изъ того будетъ? Ничего, ни лысаго бѣса не поймаютъ: будто въ Литву нѣтъ и другаго пути, какъ столбовая дорога! Вотъ хоть отсюда свороти влѣво, да боромъ иди по тропинкѣ до часовни, что на Чеканскомъ ручью, а тамъ прямо черезъ болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тутъ уже всякой мальчишка доведетъ до Луёвыхъ горъ. Отъ этихъ приставовъ только и толку, что притѣсняютъ прохожихъ, да обираютъ насъ бѣдныхъ. (*Слышенъ шумъ*). Что тамъ еще? Ахъ, вотъ они проклятые! дозоромъ идутъ.

ГРИГОРІЙ.

Хозяйка! нѣтъ ли въ избѣ другаго угла?

ХОЗЯЙКА.

Нѣту, родимый, рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозоромъ ходятъ, а подавай имъ и вина и хлѣба, и невѣдомо чего — чтобъ имъ издохнуть окаяннымъ! чтобъ имъ...

(*Входятъ приставы.*)

ПРИСТАВЪ.

Здорово, хозяйка!

ХОЗЯЙКА.

Добро пожаловать, гости дорогіе, милости просимъ.

ОДИНЪ ПРИСТАВЪ *другому.*

Ба! да здѣсь попойка идетъ; будетъ чѣмъ поживиться. (*Монахамъ.*) Вы что за люди?

ВАРЛААМЪ.

Мы Божіи старцы, иноки смиренные, ходимъ по селеніямъ, да собираемъ милостыню Христіанскую на монастырь.

ПРИСТАВЪ, *Григорію.*

А ты?

МИСАИЛЪ.

Нашъ товарищъ....

ГРИГОРІЙ.

Мірянинъ изъ пригорода; проводилъ старцевъ до рубежа; отселѣ иду во свояси.

МИСАИЛЪ.

Такъ ты раздумалъ....

ГРИГОРІЙ, *тихо.*

Молчи.

ПРИСТАВЪ.

Хозяйка, выставь-ко еще вина; а мы здѣсь со старцами попьемъ, да побесѣдуемъ.

ДРУГОЙ ПРИСТАВЪ, *тихо.*

Парень-то, кажется, голъ; съ него взять нечего; за то старцы....

ПЕРВЫЙ.

Молчи, сейчасъ до нихъ доберемся. — Что, отцы мои, каково промышляете?

ВАРЛААМЪ.

Плохо, сыне, плохо! Нынѣ Христiане стали скупы; деньгу любятъ, деньгу прячутъ. Мало Богу даютъ. Прiиде грѣхъ велiй на языцы земнiи. Всѣ пустилися въ торги, въ мытарства; думаютъ о мiрскомъ богатствѣ, не о спасенiи души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда въ три дни трехъ полушекъ не вымолишь. Такой грѣхъ! Пройдетъ недѣля — другая, заглянешь въ мошенку, анъ въ ней такъ мало, что совѣстно въ монастырь показаться; что дѣлать? съ горя и остальное пропьешь; бѣда да и только. — Охъ, плохо, знать пришли наши послѣднiя времена....

ХОЗЯЙКА, *плачетъ.*

Господь помилуй и спаси!

(*Въ продолженiе Варлаамовой рѣчи, первый Приставъ значительно всматривается въ Мисаила.*)

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

Алёха! При тебѣ ли Царскiй указъ?

ВТОРОЙ.

При мнѣ.

ПЕРВЫЙ.

Подай - ко сюда.

МИСАИЛЪ.

Что ты на меня такъ пристально смотришь?

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

А вотъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ. Слыхалъ ли ты это?

МИСАИЛЪ.

Не слыхалъ.

ПРИСТАВЪ.

Не слыхалъ? ладно. А того бѣглаго еретика Царь приказалъ изловить и повѣсить. Знаешь ли ты это?

МИСАИЛЪ.

Не знаю.

ПРИСТАВЪ, *Варлааму*.

Умѣешь ли ты читать?

ВАРЛААМЪ.

Смолоду зналъ, да разучился.

ПРИСТАВЪ, *Мисаилу*.

А ты?

МИСАИЛЪ.

Не умудрилъ Господь.

ПРИСТАВЪ.

Такъ вотъ тебѣ Царскій указъ.

МИСАИЛЪ.

На что мнѣ его!

ПРИСТАВЪ.

Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретикъ, воръ, мошенникъ — ты.

МИСАИЛЪ.

Я? помилуй! что ты!

ПРИСТАВЪ.

Постой! держи двери. Вотъ мы сейчасъ и справимся.

ХОЗЯЙКА.

Ахъ они окаянные мучители! и старца-то въ покоѣ не оставятъ!

ПРИСТАВЪ.

Кто здѣсь грамотный?

ГРИГОРІЙ, *выступаетъ впередъ.*

Я грамотный.

ПРИСТАВЪ.

Вотъ на... А у кого же ты научился?

ГРИГОРІЙ.

У нашего пономаря.

ПРИСТАВЪ, *даетъ ему указъ.*

Читай же въ слухъ.

ГРИГОРІЙ, *читаетъ.*

«Чудова монастыря недостойный чернецъ Григорій, изъ роду «Отрепьевыхъ, впалъ въ ересь и дерзнулъ, наученный діаво-«ломъ, возмущать святую братію всякими соблазнами и безза-«коніями. А по справкамъ оказалось, отбѣжалъ онъ, окаянный «Гришка, къ границѣ Литовской....»

ПРИСТАВЪ, *Мисаилу.*

Какъ же не ты?

ГРИГОРІЙ.

«И Царь повелѣлъ изловить его....

ПРИСТАВЪ.

И повѣсить!

ГРИГОРІЙ.

Тутъ не сказано повѣсить.

ПРИСТАВЪ.

Врешь! не всяко слово въ строку пишется. Читай: изловить и повѣсить.

ГРИГОРІЙ.

«И повѣсить. А лѣтъ ему вору Гришкѣ отъ роду.... «(*смотря на Варлаама*) за 50, а росту онъ средняго, лобъ «имѣетъ плѣшивый, бороду сѣдую, брюхо толстое.

(*Всѣ глядятъ на Варлаама.*)

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

Ребята! здѣсь Гришка! держите, вяжите его! Вотъ ужъ не думалъ, не гадалъ!

ВАРЛААМЪ, *вырывая бумагу.*

Отстаньте, пострѣлы! что я за Гришка? Какъ! 50 лѣтъ, борода сѣдая, брюхо толстое! Нѣтъ, братъ! молодъ еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывалъ и худо разбираю, а тутъ ужъ разберу, какъ дѣло до петли доходитъ. (*Читаетъ по складамъ.*) «А лѣтъ е-му отъ ро-ду... 20.» — Что братъ, гдѣ тутъ 50? видишь?—20.

ВТОРОЙ ПРИСТАВЪ.

Да, помнится, двадцать; такъ и намъ было сказано.

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ, *Григорію.*

Да ты, братъ, видно забавникъ.

(*Во время чтенія, Григорій стоитъ потупя голову, съ рукою за пазухой.*)

ВАРЛААМЪ, *продолжаетъ.*

«А ростомъ онъ малъ, грудь широкая, одна рука короче

«другой, глаза голубые, волосы рыжіе, на щекѣ бородавка, на «лбу другая.» Да это, другъ, ужъ не ты ли?

(*Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ; всѣ передъ нимъ разступаются; онъ бросается въ окно.*)

ПРИСТАВЫ.

Держи! держи!

(*Всѣ бѣгутъ въ безпорядкѣ.*)

МОСКВА. ДОМЪ ШУЙСКАГО.

ШУЙСКІЙ, множество гостей. Ужинъ.

ШУЙСКІЙ.

Вина еще. (*Встаетъ, за нимъ и всѣ.*) Ну, гости дорогіе,
Послѣдній ковшъ! Читай молитву, мальчикъ.

МАЛЬЧИКЪ.

Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,
Своихъ рабовъ моленію внемли:
Помолимся о нашемъ Государѣ,
Объ избранномъ Тобой благочестивомъ,
Всѣхъ Христіанъ Царѣ самодержавномъ.
Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
И на путяхъ и на одрѣ ночлега.
Подай ему побѣду на враги,

Да славится онъ отъ моря до моря.
Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,
Да осѣнятъ ея драгія вѣтви
Весь міръ земной; а къ намъ, своимъ рабамъ,
Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатенъ,
И милостивъ, и долготерпѣливъ,
Да мудрости его неистощимой
Проистекутъ источники на насъ;
И Царскую на то воздвигнувъ чашу,
Мы молимся Тебѣ, Царю небесъ.

ШУЙСКІЙ, *пьетъ.*

Да здравствуетъ Великій Государь!
Простите же вы, гости дорогіе;
Благодарю, что вы моей хлѣбъ - солью
Не презрѣли. Простите, добрый сонъ.
(*Гости уходятъ; онъ провожаетъ до дверей.*)

ПУШКИНЪ.

Насилу убрались; ну, Князь Василій Ивановичь, я ужъ думалъ, что намъ не удастся и переговорить.

ШУЙСКІЙ, *слугамъ.*

Вы что ротъ разинули? Все бы вамъ господъ подслушивать. Сбирайте со стола, да ступайте вонъ. Что такое, Аѳанасій Михайловичь?

ПУШКИНЪ.

Чудеса да и только!

Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ
Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

ШУЙСКІЙ.

Ну.

ПУШКИНЪ.

Странную племянникъ пишетъ новость.
Сынъ Грознаго.... постой. (*Идетъ къ дверямъ и осматриваетъ.*) Державный отрокъ,
По манію Бориса убіенный....

ШУЙСКІЙ.

Да это ужъ не ново.

ПУШКИНЪ.

Погоди:
Димитрій живъ.

ШУЙСКІЙ.

Вотъ-на! какая вѣсть!
Царевичъ живъ! Ну подлинно чудесно.
И только-то.

ПУШКИНЪ.

Послушай до конца:
Кто бъ ни былъ онъ, спасенный ли Царевичъ,
Иль нѣкій духъ во образѣ его,
Иль смѣлый плутъ, безстыдный самозванецъ,
Но только тамъ Димитрій появился.

ШУЙСКІЙ.

Не можетъ быть.

ПУШКИНЪ.

Его самъ Пушкинъ видѣлъ,
Какъ пріѣзжалъ впервой онъ во дворецъ
И сквозь ряды Литовскихъ Пановъ прямо
Шелъ въ тайную палату Короля.

ШУЙСКІЙ.

Кто жъ онъ такой? откуда онъ?

ПУШКИНЪ.

Не знаютъ,
Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго; что на одрѣ болѣзни
Открылся онъ духовному отцу;
Что гордый Панъ, сію провѣдавъ тайну,
Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра,
И съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

ШУЙСКІЙ.

Что жъ говорятъ объ этомъ удальцѣ?

ПУШКИНЪ.

Да слышно, онъ уменъ, привѣтливъ, ловокъ,
По нраву всѣмъ. Московскихъ бѣглецовъ
Обворожилъ. Латинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ,
И говорятъ, помогу обѣщалъ.

ШУЙСКІЙ.

Все это, братъ, такая кутерьма,
Что голова кругомъ пойдетъ невольно.
Сомнѣнья нѣтъ, что это самозванецъ,
Но признаюсь, опасность не мала.
Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой!

ПУШКИНЪ.

Такой грозѣ, что врядъ Царю Борису
Сдержать вѣнецъ на умной головѣ.
И подѣломъ ему: онъ правитъ нами,

Какъ Царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ)
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а Царь
Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей?
Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей!
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,
А тамъ въ глуши голодна смерть, иль петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
Гдѣ Сицкіе Князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены въ изгнаньѣ.
Дай срокъ: тебѣ такая жъ будетъ участь!
Легко ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
Осаждены невѣрными рабами:
Все языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры.
Зависимъ мы отъ перваго холопа,
Котораго захочемъ наказать.
Вотъ — Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
Невластны мы въ помѣстіяхъ своихъ,
Не смѣй согнать лѣнивца! Радъ не радъ,
Корми его! Не смѣй переманить
Работника! Не то—въ Приказъ Холопій.
Ну, слыхано ль хоть при Царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

ШУЙСКІЙ.

Правъ ты, Пушкинъ.
Но знаешь ли? Объ этомъ обо всемъ
Мы помолчимъ до времени.

ПУШКИНЪ.

Вѣстимо,
Знай про себя. Ты человѣкъ разумный;
Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ,
И если что меня подчасъ тревожитъ,
Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ;
Къ тому жъ твой медъ, да бархатное пиво
Сегодня такъ языкъ мнѣ развязали...
Прощай же, Князь.

ШУЙСКІЙ.

Прощай, братъ, до свиданья.
(*Провожаетъ Пушкина*).

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ЦАРЕВИЧЪ, *чертитъ географическую карту.*
ЦАРЕВНА, МАМКА ЦАРЕВНЫ.

КСЕНІЯ, *цѣлуетъ портретъ.*

Милый мой женихъ, прекрасный Королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ: никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

МАМКА.

И, Царевна! Дѣвица плачетъ, что роса падаетъ: взойдетъ солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ и прекрасный и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана Королевича.

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна.

(*Входитъ Борисъ*).

ЦАРЬ.

Что, Ксенія? что, милая моя?
Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! судьба мнѣ не судила
Виновникомъ быть вашего блаженства.
Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,
Я счастіе твое не могъ устроить;
Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?
А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

ѲЕОДОРЪ.

Чертежъ земли Московской, наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
Вотъ Пермскіе дремучіе лѣса,
А вотъ Сибирь.

ЦАРЬ.

А это что такое
Узоромъ здѣсь віется?

ѲЕОДОРЪ.

Это Волга.

ЦАРЬ.

Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ, и легче и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.

(*Входитъ Семенъ Годуновъ*).

Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ.
(*Ксеніи*) Душа моя, поди въ свою свѣтлицу;
Прости, мой другъ; утѣшь тебя Господь.

(*Ксенія съ мамкою уходитъ*).

Что скажешь мнѣ, Семенъ Никитичь?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нынче
Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій Князь - Василья
И Пушкина слуги пришли съ доносомъ.

ЦАРЬ.

Ну.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Пушкина слуга донесъ сперва,
Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхалъ
Изъ Кракова гонецъ и черезъ часъ
Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.

ЦАРЬ.

Гонца схватить.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Ужъ послано въ догоню.

ЦАРЬ.

О Шуйскомъ что?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Вечоръ онъ угощалъ
Своихъ друзей, обоихъ Милославскихъ,
Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина, да нѣсколько другихъ;
А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

ЦАРЬ.

Сейчасъ послать за Шуйскимъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Государь!
Онъ здѣсь уже.

ЦАРЬ.

Позвать его сюда.
(Годуновъ уходитъ).

ЦАРЬ.

Сношенія съ Литвою! это что?...
Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,
А Шуйскому не должно довѣрять:
Уклончивый, но смѣлый и лукавый....
(Входитъ Шуйскій).

Мнѣ нужно, Князь, съ тобою говорить.
Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:
И выслушать хочу тебя сперва.

ШУЙСКІЙ.

Такъ, Государь: мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную.

ЦАРЬ.

Я слушаю тебя.

ШУЙСКІЙ, (*тихо указывая на Ѳеодора*).

Но, Государь....

ЦАРЬ.

Царевичъ можетъ знать,
Что вѣдаетъ Князь Шуйскій. Говори.

ШУЙСКІЙ.

Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть....

ЦАРЬ.

Не та ли,
Что Пушкину привезъ вечоръ гонецъ.

ШУЙСКІЙ.

Все знаетъ онъ!... Я думалъ, Государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

ЦАРЬ.

Нѣтъ нужды, Князь: хочу сообразить
Извѣстія; иначе не узнаемъ
Мы истины.

ШУЙСКІЙ.

Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что Король и Паны за него.

ЦАРЬ.

Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

ШУЙСКІЙ.

Не вѣдаю.

ЦАРЬ.

Но.... чѣмъ опасенъ онъ?

ШУЙСКІЙ.

Конечно, Царь, сильна твоя держава!
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ.
Но знаешь самъ: безсмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага;
Такъ если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскреснувшее имя.

ЦАРЬ.

Димитрія!... какъ? этого младенца?
Димитрія!... Царевичъ, удались!

ШУЙСКІЙ.

Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!...

ѲЕОДОРЪ.

Государь,
Дозволишь ли?....

ЦАРЬ.

Нельзя, мой сынъ, поди.
(*Ѳеодоръ уходитъ*).
Димитрія!....

ШУЙСКІЙ.

Онъ ничего не зналъ.

ЦАРЬ.

Послушай, Князь: взять мѣры сей же часъ;
Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
Заставами; чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.

ШУЙСКІЙ.

Иду.

ЦАРЬ.

Постой. Не правда ль, эта вѣсть
Затѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,
Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
Допрашивать Царей, Царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ Патріархомъ?
Смѣшно? а? что? чтожъ не смѣешься ты?

ШУЙСКІЙ.

Я, Государь?...

ЦАРЬ.

Послушай, Князь Василій:
Какъ я узналъ, что отрока сего....
Что отрокъ сей лишился какъ - то жизни,
Ты посланъ былъ на слѣдствіе: теперь
Тебя Крестомъ и Богомъ заклинаю,
По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ ли ты убитаго младенца
И не было ль подмѣна? Отвѣчай.

ШУЙСКІЙ.

Клянусь тебѣ....

ЦАРЬ.

Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ Царевичъ!

ШУЙСКІЙ.

Онъ.

ЦАРЬ.

Подумай, Князь. Я милость обѣщаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь — тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что Царь Иванъ Васильичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.

ШУЙСКІЙ.

Не казнь страшна, страшна твоя немилость!
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,

Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я трупъ его въ Соборѣ посѣщалъ,
Всѣмъ Угличемъ туда сопровожденный.
Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
Ужъ тлѣніе примѣтно проступало,
Но дѣтскій ликъ Царевича былъ ясенъ
И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный:
Глубокая не запекалась язва,
Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
Нѣтъ, Государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
Во гробѣ спитъ.

ЦАРЬ.

Довольно, удались! (*Шуйскій уходитъ*).

Ухъ, тяжело!... дай духъ переведу!
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лице
Мнѣ кинулась и тяжко опускалась....
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да — вотъ что! теперь я понимаю.
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? Пустое имя, тѣнь —
Уже ли тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! Чего жъ я испугался?
На призракъ сей подуй — и нѣтъ его.
Такъ рѣшено: не окажу я страха;
Но презирать не должно ничего....
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

КРАКОВЪ. ДОМЪ ВИШНЕВЕЦКАГО.

САМОЗВАНЕЦЪ и Ратер ЧЕРНИКОВСКІЙ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ, мой отецъ, не будетъ затрудненья.
Я знаю духъ народа моего;
Въ немъ набожность не знаетъ изступленья:
Ему священъ примѣръ Царя его.
Всегда, къ тому жъ, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
Весь мой народъ и вся Восточна Церковь
Признаютъ власть Намѣстника Петра.

РАТЕR.

Вспомоществуй тебѣ святый Игнатій,
Когда придутъ иныя времена.
А между тѣмъ небесной благодати
Таи въ душѣ, Царевичъ, сѣмена;
Притворствовать предъ оглашеннымъ свѣтомъ
Намъ иногда духовный долгъ велитъ:
Твои слова, дѣянья — судятъ люди;
Намѣренья единый видитъ Богъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Amen. Кто тамъ! (*Входитъ слуга.*) Сказать: мы принимаемъ.
(*Отворяются двери, входитъ толпа Русскихъ и Поляковъ.*)

Товарищи! мы выступаемъ завтра
Изъ Кракова. Я, Мнишекъ, у тебя

Остановлюсь въ Самборѣ на три дня.
Я знаю: твой гостепріимный замокъ
И пышностью блистаетъ благородной
И славится хозяйкой молодой.
Прелестную Марину я надѣюсь
Увидѣть тамъ. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братскія знамена
Поднявшіе на общаго врага,
На моего коварнаго злодѣя,
Сыны Славянъ, я скоро поведу
Въ желанный бой дружины ваши грозны;
Но между васъ я вижу новы лица.

ГАВРИЛА ПУШКИНЪ.

Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Радъ вамъ, дѣти.
Ко мнѣ друзья. Но кто, скажи мнѣ, Пушкинъ,
Красавецъ сей?

ПУШКИНЪ.

Князь Курбскій.

САМОЗВАНЕЦЪ, *Курбскому.*

Имя громко!
Ты родственникъ Казанскому герою?

КУРБСКІЙ.

Я сынъ его.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Онъ живъ еще?

КУРБСКІЙ.

Нѣтъ, умеръ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Великій умъ! мужъ битвы и совѣта!
Но съ той поры, когда являлся онъ,
Своихъ обидъ ожесточенный мститель,
Съ Литовцами подъ ветхій городъ Ольгинъ,
Молва объ немъ умолкла.

КУРБСКІЙ.

Мой отецъ
Въ Волыніи провелъ остатокъ жизни,
Въ помѣстіяхъ, дарованныхъ ему
Баторіемъ. Уединенъ и тихъ,
Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады.
Но мирный трудъ его не утѣшалъ:
Онъ юности своей отчизну помнилъ
И до конца по ней онъ тосковалъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Несчастный вождь! какъ ярко просіялъ
Восходъ его шумящей, бурной жизни!
Я радуюсь, великородный витязь,
Что кровь его съ отечествомъ мирится;
Вины отцовъ не должно вспоминать:
Миръ гробу ихъ! Приближься, Курбскій... руку!
Не странно ли? сынъ Курбскаго ведетъ
На тронъ, кого? да — сына Іоанна!...
Все за меня: и люди и судьба.
Ты кто такой?

ПОЛЯКЪ.

Собаньскій, шляхтичъ вольный.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Хвала и честь тебѣ, свободы чадо!
Впередъ ему треть жалованья выдать.
Но эти кто? я узнаю на нихъ
Земли родной одежду. Это наши.

ХРУЩОВЪ, (*бьетъ челомъ*).

Такъ, Государь, отецъ нашъ. Мы твои
Усердные, гонимые холопья.
Мы изъ Москвы, опальные, бѣжали
Къ тебѣ, нашъ Царь, и за тебя готовы
Главами лечь; да будутъ наши трупы
На Царской тронъ ступенями тебѣ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Мужайтеся, безвинные страдальцы.
Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы,
А тамъ Борисъ расплатится во всемъ.
Ты кто?

КАРЕЛА.

Казакъ; къ тебѣ я съ Дона посланъ
Отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ Атамановъ,
Отъ казаковъ верховыхъ и низовыхъ,
Узрѣть твои Царевы ясны очи
И кланяться тебѣ ихъ головами.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Я зналъ Донцовъ: не сомнѣвался видѣть
Въ своихъ рядахъ казачьи бунчуки.
Благодаримъ Донское наше войско.
Мы вѣдаемъ, что нынѣ казаки
Неправедно притѣснены, гонимы;

Но если Богъ поможетъ намъ вступить
На тронъ отцовъ, то мы по старинѣ
Пожалуемъ нашъ вѣрный вольный Донъ.

ПОЭТЪ (*приближается, кланяясь низко и хватая Гришку за полу*).

Великій Принцъ, Свѣтлѣйшій Королевичъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что хочешь ты?

ПОЭТЪ, (*подаетъ ему бумагу*).

Примите благосклонно
Сей бѣдный плодъ усерднаго труда.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что вижу я? Латинскіе стихи!
Стократъ священъ союзъ меча и лиры:
Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ.
Родился я подъ небомъ полунощнымъ,
Но мнѣ знакомъ Латинской музы голосъ.
И я люблю Парнасскіе цвѣты.
Я вѣрую въ пророчества Піитовъ.
Нѣтъ; не вотще въ ихъ пламенной груди
Кипитъ восторгъ: благословится подвигъ,
Его жъ они прославили заранѣ!
Приближься, другъ. Въ мое воспоминанье
Прими сей даръ. (*Даетъ ему перстень*).
Когда со мной свершится
Судьбы завѣтъ, когда корону предковъ
Надѣну я, надѣюсь вновь услышать
Твой сладкій гласъ, твой вдохновенный гимнъ.
Musa gloriam coronat, gloriaque musam.
И такъ, друзья, до завтра, до свиданья.

ВСѢ.

Въ походъ, въ походъ! Да здравствуетъ Димитрій,
Да здравствуетъ Великій Князь Московскій!

ЗАМОКЪ ВОЕВОДЫ МНИШКА ВЪ САМБОРѢ.

УБОРНАЯ МАРИНЫ.

Марина, Рузя убираетъ ее; служанки.

МАРИНА (*передъ зеркаломъ*).

Ну, что жъ? готово ли? нельзя ли поспѣшить?

РУЗЯ.

Позвольте — напередъ рѣшите выборъ трудный:
Что́ вы надѣнете, жемчужную ли нить,
Иль полумѣсяцъ изумрудный?

МАРИНА.

Алмазной мой вѣнецъ.

РУЗЯ.

Прекрасно! Помните, его вы надѣвали,
Когда изволили вы ѣздить во дворецъ?
На балѣ, говорятъ, какъ солнце вы блистали:
Мужчины ахали, красавицы шептали....
Въ то время, кажется, васъ видѣлъ въ первый разъ
Хоткевичъ молодой, что послѣ застрѣлился.

А точно, говорятъ: на васъ
Кто ни взглянулъ, тотъ и влюбился.

МАРИНА.

Нельзя ли поскорѣй?

РУЗЯ.

Сейчасъ.
Сегодня вашъ отецъ надѣется на васъ.
Царевичъ видѣлъ васъ не даромъ;
Не могъ онъ утаить восторга своего;
Ужъ раненъ онъ; такъ надобно его
Сразить рѣшительнымъ ударомъ.
А точно, Панна, онъ влюбленъ:
Вотъ мѣсяцъ, какъ оставя Краковъ,
Забывъ войну, Московской тронъ,
Въ гостяхъ у васъ пируетъ онъ,
И бѣситъ Русскихъ и Поляковъ.
Ахъ, Боже мой! дождусь ли дня?...
Не правда ли, когда въ свою столицу
Димитрій повезетъ Московскую Царицу,
Вы не оставите меня?

МАРИНА.

Ты развѣ думаешь, Царицей буду я?

РУЗЯ.

А кто жъ, когда не вы? Кто смѣетъ красотою
Равняться здѣсь съ моею госпожею?
Родъ Мнишковъ ничьему еще не уступалъ;
Умомъ — превыше вы похвалъ....
Счастливъ, кого вашъ взоръ вниманья удостоитъ,

Кто сердца вашего любовь себѣ присвоитъ —
Кто бъ ни былъ онъ, хоть нашъ Король,
Или Французскій Королевичъ....
Не только нищій вашъ Царевичъ,
Богъ вѣсть — какой, Богъ вѣсть — отколь!

МАРИНА.

Онъ точно Царскій сынъ и признанъ цѣлымъ свѣтомъ.

РУЗЯ.

А все жъ онъ былъ прошедшею зимой
У Вишневецкаго слугой.

МАРИНА.

Скрывался онъ.

РУЗЯ.

Не спорю я объ этомъ.
А только знаете ли вы,
Чтó говорятъ о немъ въ народѣ?
Что будто онъ дьячекъ, бѣжавшій изъ Москвы,
Извѣстный плутъ въ своемъ приходѣ.

МАРИНА.

Какія глупости!

РУЗЯ.

О, я не вѣрю имъ!
Я только говорю, что долженъ онъ конечно
Благословлять еще судьбу, когда сердечно
Вы предпочли его другимъ.

СЛУЖАНКА (*вбѣгаетъ*).

Ужъ гости съѣхались.

МАРИНА.

Вотъ видишь: ты до свѣта
Готова пустяки болтать,
А между тѣмъ я не одѣта....

РУЗЯ.

Сейчасъ, готово все. (*Служанки суетятся*).

МАРИНА (*про себя*).

Мнѣ должно все узнать....

РЯДЪ ОСВѢЩЕННЫХЪ КОМНАТЪ. МУЗЫКА.

ВИШНЕВЕЦКІЙ, МНИШЕКЪ.

МНИШЕКЪ.

Онъ говоритъ съ одной моей Мариной,
Мариною одною занятъ онъ...
А дѣло-то на свадьбу страхъ похоже.
Ну, думалъ ты — признайся, Вишнѐвецкій —
Что дочь моя Царицей будетъ? а?

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Да, чудеса... и думалъ ли ты, Мнишекъ,
Что мой слуга взойдетъ на тронъ Московской?

МНИШЕКЪ.

А какова, скажи, моя Марина?
Я только ей промолвилъ: ну, смотри!

Не упускай Димитрія!... и вотъ
Все кончено: ужъ онъ въ ея сѣтяхъ!

(Музыка играетъ Польской. Самозванецъ идетъ съ Мариною въ первой парѣ).

МАРИНА (*тихо Димитрію*).

Да, ввечеру, въ одиннадцать часовъ,
Въ аллеѣ липъ, я завтра у фонтана.

(Расходятся. Другая пара).

КАВАЛЕРЪ.

Что въ ней нашелъ Димитрій?

ДАМА.

Какъ! Она
Красавица.

КАВАЛЕРЪ.

Да, мраморная нимфа:
Глаза, уста безъ жизни безъ улыбки...

(Новая пара).

ДАМА.

Онъ не красивъ, но видъ его пріятенъ;
И Царская порода въ немъ видна.

(Новая пара).

ДАМА.

Когда жъ походъ?

КАВАЛЕРЪ.

Когда велитъ Царевичъ.
Готовы мы; но видно, Панна Мнишекъ
Съ Димитріемъ задержитъ насъ въ плѣну.

ДАМА.

Пріятный плѣнъ.

КАВАЛЕРЪ.

Конечно, если вы...
(*Расходятся; комнаты пустѣютъ*).

МНИШЕКЪ.

Мы старики ужъ нынче не танцуемъ,
Музыки громъ не призываетъ насъ,
Прелестныхъ рукъ не жмемъ и не цѣлуемъ...
Охъ, не забылъ старинныхъ я проказъ!
Теперь не то, не то, что прежде было!
И молодежъ ей - ей не такъ смѣла;
И красота не такъ ужъ весела;
Признайся, другъ: все какъ - то пріуныло.
Оставимъ ихъ; пойдемъ, товарищъ мой,
Венгерскаго, обросшую травой,
Велимъ отрыть бутылку вѣковую,
Да въ уголку потянемъ - ка вдвоемъ
Душистый токъ, струю какъ жиръ густую,
А между тѣмъ посудимъ кой о чемъ.
Пойдемъ же, братъ.

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

И дѣло, другъ: пойдемъ.

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ, МАРИНА.

САМОЗВАНЕЦЪ (*входитъ*).

Вотъ и фонтанъ; она сюда придетъ.
Я, кажется, рожденъ не боязливымъ;
Передъ собой вблизи видалъ я смерть;
Предъ смертію душа не содрогалась.
Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
За мной гнались — я духомъ не смутился
И дерзостью неволи избѣжалъ.
Но что жъ теперь тѣснитъ мое дыханье?
Что значитъ сей неодолимый трепетъ?
Иль это дрожь желаній напряженныхъ?
Нѣтъ, это страхъ. День цѣлый ожидалъ
Я тайнаго свиданія съ Мариной,
Обдумывалъ все то, что ей скажу,
Какъ обольщу ея надменный умъ,
Какъ назову Московскою Царицей:
Но часъ насталъ, и ничего не помню,
Не нахожу затверженныхъ рѣчей;
Любовь мутитъ мое воображенье....
Но что-то вдругъ мелькнуло... шорохъ... тише...
Нѣтъ, это свѣтъ обманчивой луны,
И прошумѣлъ здѣсь вѣтерокъ.

МАРИНА (*входитъ*).

Царевичъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Она!... Вся кровь во мнѣ остановилась.

МАРИНА.

Димитрій! Вы?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Волшебный, сладкій голосъ!
(*Идетъ къ ней*) Ты ль наконецъ? Тебя ли вижу я.
Одну со мной, подъ сѣнью тихой ночи?
Какъ медленно катился скучный день!
Какъ медленно заря вечерня гасла!
Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномъ!

МАРИНА.

Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время.
Я здѣсь тебѣ назначила свиданье
Не для того, чтобъ слушать нѣжны рѣчи
Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
Съ твоей судьбой, и бурной, и невѣрной
Соединить судьбу мою;, — то вправѣ
Я требовать, Димитрій, одного:
Я требую, чтобъ ты души своей
Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
Намѣренья и даже опасенья;
Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
Пуститься въ жизнь, не съ дѣтской слѣпотой,
Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
Наложница безмолвная твоя:
Но какъ тебя достойная супруга,
Помощница Московскаго Царя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

О, дай забыть хоть на единый часъ
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь предъ собой
Царевича. Марина! зри во мнѣ
Любовника, избраннаго тобою,
Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
О, выслушай моленія любви!
Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

МАРИНА.

Не время, Князь. Ты медлишь, и межъ тѣмъ
Приверженность твоихъ клевретовъ стынетъ;
Часъ отъ часу опасность и труды
Становятся опаснѣй и труднѣе;
Ужъ носятся сомнительные слухи,
Ужъ новизна смѣняетъ новизну;
А Годуновъ свои пріемлетъ мѣры....

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ? во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нѣтъ, нѣтъ. Теперь гляжу я равнодушно
На тронъ его, на Царственную власть.
Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь,
И славы блескъ, и Русская держава?
Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной — ты,
Ты замѣнишь мнѣ Царскую корону;
Твоя любовь...

МАРИНА.

Стыдись! не забывай
Высокаго, святаго назначенья:

Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.
Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
Не юношѣ, кипящему безумно,
Плѣненному моею красотой, —
Знай, отдаю торжественно я руку
Наслѣднику Московскаго престола,
Царевичу, спасенному судьбой.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что санъ, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь.
Какъ! ежели... о страшное сомнѣнье!
Скажи: когда бъ не Царское рожденье
Назначила слѣпая мнѣ судьба,
Когда бъ я былъ не Іоанновъ сынъ,
Не сей, давно забытый міромъ отрокъ;
Тогда бъ... тогда бъ любила ль ты меня?

МАРИНА.

Димитрій, ты и быть инымъ не можешь!
Другаго мнѣ любить нельзя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ! полно:
Я не хочу дѣлиться съ мертвецомъ
Любовницей, ему принадлежащей:
Нѣтъ, полно мнѣ притворствовать! Скажу
Всю истину; такъ знай же: твой Димитрій
Давно погибъ, зарытъ — и не воскреснетъ:
А хочешь ли ты знать, кто я таковъ?

Изволь, скажу: я бѣдный черноризецъ!
Монашеской неволею скучая,
Подъ клобукомъ свой замыселъ отважный
Обдумалъ я; готовилъ міру чудо —
И наконецъ изъ келіи бѣжалъ
Къ Украинцамъ, въ ихъ буйные курени;
Владѣть конемъ и саблей научился;
Явился къ вамъ; Димитріемъ назвался, —
И Поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
Что жъ ты молчишь?

МАРИНА.

О стыдъ! о горе мнѣ!
(*Молчаніе*).

САМОЗВАНЕЦЪ (*тихо*).

Куда завлекъ меня порывъ досады!
Съ такимъ трудомъ устроенное счастье
Я, можетъ быть, навѣки погубилъ.
Что сдѣлалъ я, безумецъ? (*Въ слухъ*). Вижу, вижу:
Стыдишься ты не княжеской любви;
Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово;
Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба,
Рѣши: я жду (*бросается на колѣна*).

МАРИНА.

Встань, бѣдный самозванецъ!
Не мнишь ли ты колѣнопреклоненьемъ,
Какъ дѣвочки довѣрчивой и слабой
Тщеславное мнѣ сердце умилить?
Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала

Я Рыцарей и Графовъ благородныхъ;
Но ихъ мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтобъ бѣглаго монаха...

САМОЗВАНЕЦЪ (*встаетъ*).

Не презирай младаго самозванца;
Въ немъ доблести таятся, можетъ быть,
Достойныя Московскаго престола,
Достойныя руки твоей безцѣнной...

МАРИНА.

Достойныя позорной петли, дерзкій!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Виновенъ я; гордыней обуянный,
Обманывалъ я Бога и Царей —
Я міру лгалъ. Но не тебѣ Марина,
Меня казнить; я правъ передъ тобою.
Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя.
Ты мнѣ была единственной святыней,
Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ:
Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать.

МАРИНА.

Чѣмъ хвалится, безумецъ!
Кто требовалъ признанья твоего?
Ужъ если ты, бродяга безъимянный,
Могъ ослѣпить чудесно два народа;
Такъ долженъ ужъ, покрайней мѣрѣ, ты
Достоинъ быть успѣха своего
И свой обманъ отважный обезпечить
Упорною, глубокой, вѣчной тайной.

Могу ль, скажи, предаться я тебѣ,
Могу ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвичій,
Соединить судьбу мою съ твоею,
Когда ты самъ съ такою простотой,
Такъ вѣтрено позоръ свой обличаешь?
Онъ изъ любви со мною проболтался!
Дивлюся : какъ передъ моимъ отцемъ
Изъ дружбы ты доселѣ не открылся,
Отъ радости предъ нашимъ Королемъ,
Или еще предъ Паномъ Вишневецкимъ
Изъ вѣрнаго усердія слуги.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Клянусь тебѣ, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанье.
Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
Ни въ дружескомъ завѣтномъ разговорѣ,
Ни подъ ножемъ, ни въ мукахъ истязаній,
Сихъ тяжкихъ тайнъ не выдастъ мой языкъ.

МАРИНА.

Клянешься ты! и такъ должна я вѣрить.
О, вѣрю я! Но чѣмъ, нельзя ль узнать,
Клянешься ты? Не именемъ ли Бога,
Какъ набожный пріемышъ Іезуитовъ?
Иль честію, какъ витязь благородный,
Иль, можетъ быть, единымъ Царскимъ словомъ,
Какъ Царскій сынъ? не такъ ли? говори.

ДИМИТРІЙ, (*гордо*).

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,

Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я. Довольно. Стыдно мнѣ
Предъ гордою Полячкой унижаться.
Прощай навѣкъ: игра войны кровавой,
Судьбы моей обширныя заботы
Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
Когда пройдетъ постыдной страсти жаръ!
Теперь иду — погибель иль вѣнецъ
Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
Найду ли смерть, какъ воинъ въ битвѣ честной,
Иль какъ злодѣй на плахѣ площадной,
Не будешь ты подругою моей,
Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
Но, можетъ быть, ты будешь сожалѣть
Объ участи, отвергнутой тобою.

МАРИНА.

А если я твой дерзостный обманъ
Заранѣе предъ всѣми обнаружу?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что болѣе повѣрятъ Польской дѣвѣ,
Чѣмъ Русскому Царевичу? Но знай,
Что ни Король, ни Папа, ни вельможи
Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
Димитрій я, иль нѣтъ — что имъ за дѣло?
Но я предлогъ раздоровъ и войны
Имъ это лишь и нужно: и тебя,
Мятежница, повѣрь, молчать заставятъ.
Прощай.

МАРИНА.

Постой, Царевичъ. Наконецъ
Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа;
Съ тобою, Князь, она меня миритъ.
Безумный твой порывъ я забываю
И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
Пора, пора! Проснись, не медли болѣ,
Веди полки скорѣе на Москву;
Очисти Кремль, садись на тронъ Московскій —
Тогда за мной шли брачнаго посла!
Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога
Не оперлась на тронныя ступени,
Пока тобой не сверженъ Годуновъ,
Любви рѣчей не буду слышать я. (*Уходитъ*).

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ — легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,
Или хитрить съ придворнымъ Іезуитомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чортъ съ ними; мочи нѣтъ:
И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалитъ.
Змѣя! змѣя!... Не даромъ я дрожалъ.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но рѣшено: заутра двину рать.

———

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

(1604 г. 16-е октября.)

КНЯЗЬ КУРБСКІЙ и САМОЗВАНЕЦЪ, оба верхами; полки приближаются къ границѣ.

КУРБСКІЙ, *прискакавъ первый.*

Вотъ, вотъ она!... вотъ Русская граница!
Святая Русь! Отечество! я твой!
Чужбины прахъ съ презрѣньемъ отряхаю
Съ моихъ одеждъ; пью жадно воздухъ новый:
Онъ мнѣ родной! Теперь твоя душа,
О мой отецъ, утѣшилась, и въ гробѣ
Опальныя возрадуются кости!
Блеснулъ опять наслѣдственный нашъ мечъ,
Сей славный мечъ — гроза Казани темной,
Сей добрый мечъ — слуга Царей Московскихъ!
Въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ
За своего надёжу - Государя!...

САМОЗВАНЕЦЪ, *ѣдетъ тихо съ поникшей головой.*

Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа
Въ немъ радостью и славой разыгралась!
О витязь мой, завидую тебѣ!
Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньи,
Забывъ отцемъ снесенныя обиды,
Его вину за гробомъ искупивъ,
Ты кровь излить за сына Іоанна,
Готовишься законнаго Царя

Ты возвратить отечеству... Ты правъ,
Душа твоя должна пылать весельемъ.

КУРБСКІЙ.

Уже ль и ты не веселишься духомъ?
Вотъ наша Русь : она твоя, Царевичъ!
Тамъ ждутъ тебя сердца твоихъ людей,
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Кровь Русская, о Курбскій, потечетъ!
Вы за Царя подъяли мечъ, вы чисты.
Я жъ васъ веду на братьевъ; я Литву
Позвалъ на Русь; я въ красную Москву
Кажу врагамъ завѣтную дорогу!....
Но пусть мой грѣхъ падетъ не на меня,
А на тебя, Борисъ - Цареубійца!
Впередъ!

КУРБСКІЙ.

Впередъ! — и горе Годунову!
(*Скачутъ. Полки переходятъ черезъ границу*).

ЦАРСКАЯ ДУМА.

ЦАРЬ, ПАТРІАРХЪ и БОЯРЕ.

ЦАРЬ.

Возможноли ли? разстрига, бѣглый инокъ
На насъ ведетъ злодѣйскія дружины,
Дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно,

Пора смирить безумца! Поѣзжайте,
Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь
Нужна моимъ усерднымъ Воеводамъ.
Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ.
Спасайте градъ и гражданъ.

БАСМАНОВЪ.

Государь,
Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ,
И замолчитъ и слухъ о самозванцѣ;
Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря
Заморскаго, въ желѣзной клѣткѣ. Богомъ
Тебѣ клянусь. (*Уходитъ съ Трубецкимъ*).

ЦАРЬ.

Мнѣ Свейскій Государь
Чѐрезъ Пословъ союзъ свой предложилъ;
Но не нужна намъ чуждая помога:
Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ,
Чтобъ отразить измѣнниковъ и Ляха.
Я отказалъ.
Щелкаловъ! разослать
Во всѣ концы Указы къ Воеводамъ,
Чтобъ на коня садились, и людей
По старинѣ на службу высылали;
Въ монастыряхъ подобно отобрать
Служителей причетныхъ. Въ прежни годы,
Когда бѣдой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли;
Но не хотимъ тревожить нынѣ ихъ.
Пусть молятся за насъ они: таковъ
Указъ Царя и приговоръ Боярскій.

Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ:
Вы знаете, что наглый самозванецъ
Коварные промчалъ повсюду слухи;
Повсюду имъ разосланныя письма
Посѣяли тревогу и сомнѣнье;
На площадяхъ мятежный бродитъ шопотъ,
Умы кипятъ... ихъ нужно остудить;
Предупредить желалъ бы казни я,
Но чѣмъ и какъ? рѣшимъ теперь. Ты первый,
Святый Отецъ, свою повѣдай мысль.

ПАТРІАРХЪ.

Благословенъ Всевышній, поселившій
Духъ милости и кроткаго терпѣнья
Въ душѣ твоей, великій Государь!
Ты грѣшному погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденье:
Оно пройдетъ и солнце правды вѣчной
Всѣхъ озаритъ.
Твой вѣрный богомолецъ,
Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,
Дерзаетъ днесь подать тебѣ свой голосъ:
Бѣсовскій сынъ, разстрига окаянный,
Прослыть умѣлъ Димитріемъ въ народѣ;
Онъ именемъ Царевича, какъ ризой
Украденной, безстыдно облачился:
Но стоитъ лишь ее раздрать — и самъ
Онъ наготой своею посрамится.

Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ:
Знай, Государь, тому прошло шесть лѣтъ,
Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь

Благословилъ на Царскую державу —
Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
Простой пастухъ, уже маститый старецъ,
И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну:

«Въ младыхъ лѣтахъ, сказалъ онъ, я ослѣпъ,
«И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
«До старости: напрасно я лечился
«И зеліемъ и тайнымъ нашептаньемъ;
«Напрасно я ходилъ на поклоненье
«Въ обители къ великимъ Чудотворцамъ;
«Напрасно я изъ кладязей святыхъ
«Кропилъ водой цѣлебной темны очи —
«Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.
«Вотъ наконецъ утратилъ я надежду,
«И къ тьмѣ своей привыкъ, и даже сны
«Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
«А снилися мнѣ только звуки. Разъ
«Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ
«Мнѣ говоритъ: встань, дѣдушка, поди
«Ты въ Угличъ-градъ, въ Соборъ Преображенья:
«Тамъ помолись ты надъ моей могилой,
«Богъ милостивъ — и я тебя прощу.
«Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
«Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
«Пріялъ меня въ ликъ Ангеловъ своихъ,
«И я теперь великій Чудотворецъ.
«Иди, старикъ. — Проснулся я и думалъ:
«Что жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Богъ
«Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье.
«Пойду — и въ путь отправился далекій.
«Вотъ Углича достигъ я, прихожу

«Въ святой Соборъ, и слушаю обѣдню.
«И, разгорясь душой усердной, плачу,
«Такъ сладостно, какъ будто слѣпота
«Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
«Когда народъ сталъ выходить, я внуку
«Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
«Царевича Димитрія. И мальчикъ
«Повелъ меня — и только передъ гробомъ
«Я тихую молитву сотворилъ,
«Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
«И Божій свѣтъ, и внука, и могилку».
Вотъ, Государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.

(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ нѣсколько разъ отираетъ лице платкомъ).

Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ,
И свѣдано, что многіе страдальцы
Спасеніе подобно обрѣтали
У гробовой Царевича доски.

Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи
Перенести, поставить ихъ въ Соборѣ
Архангельскомъ; народъ увидитъ ясно
Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
И мощь бѣсовъ исчезнетъ яко прахъ.

(Молчаніе).

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ.

Святый отецъ, кто вѣдаетъ пути
Всевышняго? Не мнѣ его судить.
Нетлѣнный сонъ и силу чудотворства
Онъ можетъ дать младенческимъ останкамъ:
Но надлежитъ народную молву

Изслѣдовать прилежно и безстрастно;
А въ бурныя ль смятеніі времена
Намъ помышлять о столь великомъ дѣлѣ?
Не скажутъ ли, что мы святыню дерзко
Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ творимъ?
Народъ и такъ колеблется безумно,
И такъ ужъ есть довольно шумныхъ толковъ:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.

Самъ вижу я: необходимо слухъ,
Разсѣянный разстригой, уничтожить;
Но есть на то иныя средства — проще.
Такъ, Государь, когда изволишь ты,
Я самъ явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовѣщу безумство
И злой обманъ бродяги обнаружу.

ЦАРЬ.

Да будетъ такъ! Владыка Патріархъ,
Прошу тебя пожаловать въ палату:
Сегодня мнѣ нужна твоя бесѣда.
(Уходитъ; за нимъ и всѣ Бояре).

ОДИНЪ БОЯРИНЪ, *тихо другому.*

Замѣтилъ ты, какъ Государь блѣднѣлъ
И крупный потъ съ лица его закапалъ?

ВТОРОЙ.

Я, признаюсь, не смѣлъ поднять очей,
Не смѣлъ вздохнуть, не только шевелиться.

ПЕРВЫЙ.

А выручилъ Князь Шуйскій. Молодецъ!

РАВНИНА БЛИЗЪ НОВГОРОДА—СѢВЕРСКАГО.

(1604 года 21 декабря).

БИТВА.

ВОИНЫ, *бѣгутъ въ безпорядкѣ.*

Бѣда, бѣда! Царевичъ! Ляхи! Вотъ они! вотъ они!
(*Входятъ Капитаны: Маржеретъ и Вальтеръ Розенъ*).

МАРЖЕРЕТЪ.

Куда, куда? Allons... пошелъ назадъ!

ОДИНЪ ИЗЪ БѢГЛЕЦОВЪ.

Самъ *пошелъ*, коли есть охота, проклятый басурманъ.

МАРЖЕРЕТЪ.

Quoi? quoi?

ДРУГОЙ.

Ква! ква! тебѣ любо, лягушка заморская, квакать на Рускаго Царевича; а мы вѣдь православные.

МАРЖЕРЕТЪ.

Qu'est-ce à dire *pravoslavni?*... Sacrés gueux, maudite canaille! Mordieu, mein Herr, j'enrage: on dirait que ça na pas de bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour fuir.

В. РОЗЕНЪ.

Es ist Schande.

МАРЖЕРЕТЪ.

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas; puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites vous, mein Herr?

В. РОЗЕНЪ.

Sie haben Recht.

МАРЖЕРЕТЪ.

Diable, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme il s'appele, est un brave à trois poils.

В. РОЗЕНЪ.

Ja.

МАРЖЕРЕТЪ.

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

В. РОЗЕНЪ.

Ich glaube das.

(*Входятъ Нѣмцы*).

МАРЖЕРЕТЪ.

Ha, ha! voici nos Allemands. Messieurs! Mein Herr, ditesleur donc de se rallier et, sacrebleu, chargeons!

В. РОЗЕНЪ.

Sehr gut. Halt!

(*Нѣмцы строятся*).

Marsch!

НѢМЦЫ, *идутъ*.

Hilf Gott!

(*Сраженіе. Русскіе снова бѣгутъ*).

ЛЯХИ.

Побѣда! побѣда! Слава Царю Димитрію!

ДИМИТРІЙ, *верхомъ*.

Ударить отбой! Мы побѣдили. Довольно; щадите Русскую кровь. Отбой!

(*Трубятъ; бьютъ барабаны*).

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОБОРОМЪ ВЪ МОСКВѢ.

НАРОДЪ.

ОДИНЪ.

Скоро ли Царь выйдетъ изъ Собора?

ДРУГОЙ.

Обѣдня кончилась; теперь идетъ молебствіе.

ПЕРВЫЙ.

Что? ужъ проклинали того?

ДРУГОЙ.

Я стоялъ на паперти и слышалъ, какъ дьяконъ завопилъ: Гришка Отрепьевъ — анаѳема!

ПЕРВЫЙ.

Пускай себѣ проклинаютъ: Царевичу дѣла нѣтъ до Отрепьева.

ДРУГОЙ.

А Царевичу поютъ теперь вѣчную память.

ПЕРВЫЙ.

Вѣчную память живому! Вотъ ужо имъ будетъ безбожникамъ.

ТРЕТІЙ.

Чу! шумъ. Не Царь ли?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Нѣтъ, это юродивый.

(Входитъ юродивый въ желѣзной шапкѣ, обвѣшанный веригами и окруженный мальчишками).

МАЛЬЧИШКИ.

Желѣзный колпакъ! желѣзный колпакъ!.... тр р р р....

СТАРУХА.

Отвяжитесь отъ него, бѣсенята. Помолись, блаженный, за меня грѣшную.

ЮРОДИВЫЙ.

Дай, дай, дай копѣечку.

СТАРУХА.

Вотъ тебѣ копѣечка; помяни же меня.

ЮРОДИВЫЙ *садится на землю и поетъ:*

Мѣсяцъ ѣдетъ,
Котенокъ плачетъ,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

(Мальчишки окружаютъ его снова).

ОДИНЪ *изъ нихъ.*

Здравствуй, юродивый, что же ты шапки не снимаешь? (*Щелкаетъ его по желѣзной шапкѣ*). Экъ она звонитъ!

ЮРОДИВЫЙ.

А у меня копѣечка есть.

МАЛЬЧИШКА.

Неправда, — ну, покажи.
(*Вырываетъ копѣечку и убѣгаетъ*).

ЮРОДИВЫЙ, *плачетъ.*

Взяли мою копѣечку, обижаютъ юродиваго.

НАРОДЪ.

Царь, Царь идетъ.
(*Царь выходитъ изъ Собора; Бояринъ впереди раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре*).

ЮРОДИВЫЙ.

Борисъ, Борисъ! мальчишки обижаютъ юродиваго.

ЦАРЬ.

Подать ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

ЮРОДИВЫЙ.

Мальчишки меня обижаютъ... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго Царевича.

БОЯРЕ.

Поди прочь, дура́къ! Схватите дурака!

ЦАРЬ.

Оставьте его. Молись за меня, юродивый.
(*Уходитъ*).

ЮРОДИВЫЙ, *ему вслѣдъ.*

Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молиться за Царя—Ирода: Богородица не велитъ.

СѢВСКЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ, окруженный своими.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Гдѣ плѣнный?

ЛЯХЪ.

Здѣсь.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Позвать его ко мнѣ.
(*Входитъ Русскій плѣнникъ*).

Кто ты?

ПЛѢННИКЪ.

Рожновъ, Московскій дворянинъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Давно ли ты на службѣ?

ПЛѢННИКЪ.

Съ мѣсяцъ будетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не совѣстно, Рожновъ, что на меня
Ты поднялъ мечъ?

ПЛѢННИКЪ.

Какъ быть, не наша воля.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Сражался ты подъ Сѣверскимъ?

ПЛѢННИКЪ.

Я прибылъ
Недѣли двѣ по битвѣ изъ Москвы.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ?

ПЛѢННИКЪ.

Онъ очень былъ встревоженъ
Потерею сраженія и раной
Мстиславскаго, и Шуйскаго послалъ
Начальствовать надъ войскомъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А зачѣмъ
Онъ отозвалъ Басманова въ Москву?

ПЛѢННИКЪ.

Царь наградилъ его заслуги честью
И золотомъ. Басмановъ въ Царской Думѣ
Теперь сидитъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Онъ въ войскѣ былъ нужнѣе.
Ну, что въ Москвѣ?

ПЛѢННИКЪ.

Все, слава Богу, тихо.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что? ждутъ меня?

ПЛѢННИКЪ.

Богъ знаетъ; о тебѣ
Тамъ говорить не слишкомъ нынче смѣютъ.
Кому языкъ отрѣжутъ, а кому
И голову. Такая право притча —
Что день, то казнь. Тюрьмы биткомъ набиты.
На площади гдѣ человѣка три
Сойдутся — глядь — лазутчикъ ужъ и вьется,
А Государь досужною порою
Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.
Какъ разъ бѣда; такъ лучше ужъ молчать.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Завидна жизнь Борисовыхъ людей!
Ну, войско что?

ПЛѢННИКЪ.

Что съ нимъ? одѣто, сыто,
Довольно всѣмъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Да много ли его?

ПЛѢННИКЪ.

Богъ вѣдаетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А будетъ тысячъ тридцать?

ПЛѢННИКЪ.

Да неберешь и тысячъ пятьдесятъ.

(Самозванецъ задумывается; окружающіе смотрятъ другъ на друга.)

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?

ПЛѢННИКЪ.

А говорятъ о милости твоей,
Что ты-дескать (будь не во гнѣвъ) и воръ,
А молодецъ.

САМОЗВАНЕЦЪ, *смѣясь.*

Такъ это я на дѣлѣ
Имъ докажу: друзья, не станемъ ждать
Мы Шуйскаго; я поздравляю васъ:
На завтра бой. (*Уходитъ.*)

ВСѢ.

Да здравствуетъ Димитрій!

ЛЯХЪ.

На завтра бой! ихъ тысячъ пятьдесятъ,
А насъ всего едва ль пятнадцать тысячъ:
Съ ума сошелъ.

ДРУГОЙ.

Пустое, другъ: Полякъ
Одинъ пять сотъ Москалей вызвать можетъ.

ПЛѢННИКЪ.

Да, вызовешь! а какъ дойдетъ до драки,
Такъ убѣжишь отъ одного, хвастунъ.

ЛЯХЪ.

Когда бъ ты былъ при саблѣ, дерзкій плѣнникъ,
То я тебя (*указывая на свою саблю*)
вотъ этимъ бы смирилъ.

ПЛѢННИКЪ.

Нашъ братъ Русакъ безъ сабли обойдется:
Не хочешь ли вотъ этого? (*показывая кулакъ*).
Безмозглый!
(*Ляхъ гордо смотритъ на него и молча отходитъ. Всѣ смѣются.*)

ЛѢСЪ.

ЛЖЕДИМИТРІЙ, ПУШКИНЪ.

(*Въ отдаленіи лежитъ конь издыхающій.*)

ЛЖЕДИМИТРІЙ.

Мой бѣдный конь! какъ бодро поскакалъ
Сегодня онъ въ послѣднее сраженье,
И раненый какъ быстро несъ меня!
Мой бѣдный конь.

ПУШКИНЪ, *про себя*.

Ну, вотъ о чемъ жалѣетъ,
Объ лошади, когда все наше войско
Побито въ прахъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Послушай. Можетъ быть,
Отъ раны онъ лишь только заморился
И отдохнетъ.

ПУШКИНЪ.

Куда! онъ издыхаетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ, *идетъ къ коню.*

Мой бѣдный конь!... что дѣлать? снять узду,
Да отстегнуть подпругу. Пусть на волѣ
Издохнетъ онъ.

(*Разуздываетъ и разсѣдлываетъ коня. Входятъ нѣсколько Ляховъ.*)

Здорово, господа!
Что жъ Курбскаго не вижу между вами?
Я видѣлъ, какъ сегодня въ гущу боя
Онъ врѣзался; тьмы сабель молодца,
Что зыбкіе колосья, облѣпили;
Но мечъ его всѣхъ выше подымался,
А грозный кликъ всѣ клики заглушалъ!
Гдѣ жъ витязь мой?

ЛЯХЪ.

Онъ легъ на полѣ смерти.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Честь храброму и миръ его душѣ!
Какъ мало насъ отъ битвы уцѣлѣло!
Измѣнники, злодѣи Запорожцы,
Проклятые, вы, вы сгубили насъ!
Не выдержать и трехъ минутъ отпора!
Я ихъ ужо: десятаго повѣшу,
Разбойники!

ПУШКИНЪ.

Кто тамъ ни виноватъ,
Но все таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А дѣло было наше!
Я было снялъ передовую рать —
Да Нѣмцы насъ порядкомъ отразили!
А молодцы, ей Богу, молодцы!
Люблю за то; изъ нихъ ужъ непремѣнно
Составлю я почетную дружину.

ПУШКИНЪ.

А гдѣ-то намъ сегодня ночевать?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Да здѣсь, въ лѣсу. Чѣмъ это не ночлегъ?
Чѣмъ свѣтъ, мы въ путь; къ обѣду будемъ въ Рыльскѣ.
Спокойна ночь. (*Ложится, кладетъ сѣдло подъ голову и засыпаетъ.*)

ПУШКИНЪ.

Пріятный сонъ, Царевичъ!
Разбитый въ прахъ, спасаяся побѣгомъ,
Безпеченъ онъ, какъ глупое дитя:
Хранитъ его конечно Провидѣнье; —
И мы, друзья, не станемъ унывать.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, БАСМАНОВЪ.

ЦАРЬ.

Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ?
Мы тщетною побѣдой увѣнчались.

Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.
Что дѣлаютъ межъ тѣмъ герои наши?
Стоятъ у Кромъ, гдѣ кучка казаковъ
Смѣется имъ изъ-подъ гнилой ограды.
Вотъ слава! Нѣтъ, я ими не доволенъ;
Пошлю тебя начальствовать надъ ними;
Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;
Пускай ихъ спѣсь о мѣстничествѣ тужитъ!
Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

БАСМАНОВЪ.

Ахъ, Государь, стократъ благословенъ
Тотъ будетъ день, когда разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожретъ огонь!

ЦАРЬ.

День этотъ недалёкъ;
Лишь дай сперва смятенiе народа
Мнѣ усмирить.

БАСМАНОВЪ.

Что на него смотрѣть?
Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ:
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды;
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ:
Но что жъ? конемъ спокойно всадникъ правитъ,
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

ЦАРЬ.

Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:

Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
Смиритель бурь, разумный Самодержецъ.
Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро — не скажетъ онъ спасибо;
Грабь и казни — тебѣ не будетъ хуже.
(*Входитъ Бояринъ.*)

Что?

БОЯРИНЪ.

Привели гостей иноплеменныхъ.

ЦАРЬ.

Иду принять; Басмановъ, погоди,
Останься здѣсь: съ тобой еще мнѣ нужно
Поговорить. (*Уходитъ.*)

БАСМАНОВЪ.

Высокій духъ державный!
Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ
Управиться; и много, много онъ
Еще добра въ Россіи сотворитъ.
Мысль важная въ умѣ его родилась.
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мнѣ поприще откроется, когда
Онъ сломитъ рогъ боярству родовому!
Соперниковъ во брани я не знаю;
У Царскаго престола стану первый....
И можетъ быть.... Но что за чудный шумъ?

(*Тревога. Бояре, придворные служители въ безпорядкѣ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчутъ.*)

ОДИНЪ.

За лекаремъ!

ДРУГОЙ.

Скорѣе къ Патріарху.

ТРЕТІЙ.

Царевича, Царевича зоветъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Духовника!

БАСМАНОВЪ.

Что сдѣлалось такое?

ПЯТЫЙ И ШЕСТОЙ.

Царь занемогъ, Царь умираетъ.

БАСМАНОВЪ.

Боже!

ПЯТЫЙ.

На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.
(*Царя выносятъ на стулъ; все Царское семейство, всѣ Бояре*).

ЦАРЬ.

Подите всѣ — оставьте одного
Царевича со мною. (*Всѣ удаляются*). Умираю;
Обнимемся. Прощай, мой сынъ: сейчасъ
Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой — и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!

Но чувствую, мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во练кѣ бъ надлежало;
Но я достигъ верховной власти — чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты пріемлешь:
Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ!
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала:
Но ты младой, неопытной властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну!
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... Слушай:
Совѣтника во первыхъ избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ Боярахъ
Почтеннаго породой или славой —
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка—

Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни — можешь
Ихъ отмѣнить: тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
Современемъ и по немногу снова
Затягивай державныя бразды:
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни Уставъ церковный;
Будь молчаливъ! не долженъ Царскій голосъ
На воздухѣ теряться по пустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость!
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою:
Ты мужъ и Царь; люби свою сестру —
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

ѲЕОДОРЪ (*на колѣнахъ*).

Нѣтъ, нѣтъ — живи и царствуй долговѣчно:
Народъ и мы погибли безъ тебя.

ЦАРЬ.

Все кончено — глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный хладъ...

(Входятъ Патріархъ, Святители, за ними всѣ Бояре. Царицу ведутъ подъ руки; Царевна рыдаетъ).

Кто тамъ?
А! схима... такъ! святое постриженье...
Ударилъ часъ! въ монахи Царь идетъ —
И темный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, Владыка Патріархъ!
Я Царь еще. Внемлите вы, Бояре:
Се тотъ, кому приказываю Царство;
Цѣлуйте крестъ Ѳеодору... Басмановъ,
Друзья мои!.. при гробѣ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ и непороченъ.
Клянетесь ли?

БОЯРЕ.

Клянемся.

ЦАРЬ.

Я доволенъ.
Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи
И вольныя и тайныя обиды...
Святый отецъ, приближься, я готовъ.

(Начинается обрядъ постриженія. Женщинъ въ обморокъ выносятъ).

СТАВКА.

БАСМАНОВЪ вводитъ ПУШКИНА.

БАСМАНОВЪ.

Войди сюда и говори свободно.
И такъ тебя ко мнѣ онъ посылаетъ?

ПУШКИНЪ.

Тебѣ свою онъ дружбу предлагаетъ
И первый санъ по немъ въ Московскомъ Царствѣ.

БАСМАНОВЪ.

Но я и такъ Ѳеодоромъ высоко
Ужъ вознесенъ: начальствую надъ войскомъ:
Онъ для меня презрѣлъ и чинъ разрядный,
И гнѣвъ Бояръ. Я присягалъ ему.

ПУШКИНЪ.

Ты присягалъ наслѣднику престола
Законному; но если живъ другой,
Законнѣйшій?...

БАСМАНОВЪ.

Послушай, Пушкинъ, полно;
Пустаго мнѣ не говори; я знаю,
Кто онъ такой.

ПУШКИНЪ.

Россія и Литва
Димитріемъ давно его признали;

Но впрочемъ я за это не стою.
Быть можетъ, онъ Димитрій настоящій,
Быть можетъ, онъ и самозванецъ; только
Я вѣдаю, что рано или поздно
Ему Москву уступитъ сынъ Борисовъ.

БАСМАНОВЪ.

Пока стою за юнаго Царя,
Дотолѣ онъ престола не оставитъ;
Полковъ у насъ довольно, слава Богу!
Побѣдою я ихъ одушевлю,
А вы кого противъ меня пошлете:
Не казака ль Карелу, али Мнишка?
Да много ль васъ? всего-то восемь тысячъ.

ПУШКИНЪ.

Ошибся ты: и тѣхъ не наберешь.
Я самъ скажу, что войско наше дрянь,
Что казаки лишь только села грабятъ,
Что поляки лишь хвастаютъ, да пьютъ,
А Русскіе... да что и говорить!
Передъ тобой не стану я лукавить;
Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
Не войскомъ, нѣтъ, не Польскою помогой,
А мнѣніемъ — да, мнѣніемъ народнымъ.
Димитрія ты помнишь торжество
И мирныя его завоеванья,
Когда вездѣ безъ выстрѣла ему
Послушные сдавались города,
А Воеводъ упрямыхъ чернь вязала?
Ты видѣлъ самъ: охотно ль ваши рати
Сражались съ нимъ? Когда же? при Борисѣ!

А нынче ль?... нѣтъ, Басмановъ, поздно спорить
И раздувать холодный пепелъ брани:
Со всѣмъ твоимъ умомъ и твердой волей
Не устоишь; не лучше ли тебѣ
Дать первому примѣръ благоразумной,
Димитрія Царемъ провозгласить
И тѣмъ ему навѣки удружить?
Какъ думаешь?

БАСМАНОВЪ.

Узнаете вы завтра.

ПУШКИНЪ.

Рѣшись.

БАСМАНОВЪ.

Прощай.

ПУШКИНЪ.

Подумай же, Басмановъ
(*Уходитъ*).

БАСМАНОВЪ.

Онъ правъ, онъ правъ, вездѣ измѣна зрѣетъ:
Что дѣлать мнѣ? Уже ли буду ждать,
Чтобъ и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрывъ потока бурный,
И самому... Но измѣнить присягѣ!
Но заслужить безчестье въ родъ и родъ!
Довѣренность младаго Вѣнценосца
Предательствомъ ужаснымъ заплатить!...
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятежъ и заговоръ,

Но мнѣ ли, мнѣ ль, любимцу Государя...
Но смерть... но власть... но бѣдствія народны...
(*Задумывается*).
Сюда! кто тамъ? (*Свищетъ*) Коня! трубите сборъ!

ЛОБНОЕ МѢСТО.

ПУШКИНЪ идетъ окруженный народомъ.

НАРОДЪ.

Царевичъ намъ Боярина послалъ.
Послушаемъ, что скажетъ намъ Бояринъ.
Сюда! сюда!

ПУШКИНЪ (*на амвонъ*).

Московскіе граждане,
Вамъ кланяться Царевичъ приказалъ. (*Кланяется*).
Вы знаете, какъ Промыселъ небесный
Царевича отъ рукъ убійцы спасъ;
Онъ шелъ казнить злодѣя своего,
Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.
Димитрію Россія покорилась;
Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
Свои полки привелъ ему къ присягѣ.
Димитрій къ вамъ идетъ съ любовью, съ миромъ.
Въ угоду ли семейству Годуновыхъ

Подымете вы руку на Царя
Законнаго, на внука Мономаха?

НАРОДЪ.

Вѣстимо нѣтъ.

ПУШКИНЪ.

Московскіе граждане!
Міръ вѣдаетъ, сколь много вы терпѣли
Подъ властію жестокаго пришельца:
Опалу, казнь, безчестіе, налоги;
И трудъ, и гладъ, все испытали вы.
Димитрій же васъ жаловать намѣренъ,
Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, ратныхъ,
Гостей, купцовъ — и весь честной народъ.
Вы ль станете упрямиться безумно
И милостей кичливо убѣгать?
Но онъ идетъ на Царственный престолъ
Своихъ отцевъ въ сопровожденьи грозномъ.
Не гнѣвайте жъ Царя и бойтесь Бога,
Цѣлуйте крестъ законному владыкѣ;
Смиритеся; немедленно пошлите
Къ Димитрію во станъ Митрополита,
Бояръ, Дьяковъ и Выборныхъ людей,
Да бьютъ челомъ отцу и Государю.
(*Сходитъ. Шумъ народный*).

НАРОДЪ.

Что толковать? Бояринъ правду молвилъ.
Да здравствуетъ Димитрій нашъ отецъ!

МУЖИКЪ НА АМВОНѢ.

Народъ! народъ! въ Кремль! въ Царскія палаты!
Ступай вязать Борисова щенка!

НАРОДЪ (*несется толпою*).

Вязать! топить! Да здравствуетъ Димитрій!
Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА У КРЫЛЬЦА.

ѲЕОДОРЪ, подъ окномъ.

НИЩІЙ.

Дайте милостыню Христа ради?

СТРАЖА.

Поди прочь; не велѣно говорить съ заключенными.

ѲЕОДОРЪ.

Поди, старикъ, я беднѣе тебя: ты на волѣ.

(*Ксенія подъ покрываломъ подходитъ также къ окну*).

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Братъ да сестра—бѣдныя дѣти, что пташки въ клѣткѣ!

ДРУГОЙ.

Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!

ПЕРВЫЙ.

Отецъ былъ злодѣй, а дѣтки невинны.

ДРУГОЙ.

Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ.

КСЕНІЯ.

Братецъ! братецъ! кажется, къ намъ Бояре идутъ.

ѲЕОДОРЪ.

Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ незнакомы.

КСЕНІЯ.

Ахъ, братецъ, сердце замираетъ.

(*Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ и Шерефединовъ; за ними трое стрѣльцовъ*).

НАРОДЪ.

Разступитесь, разступитесь: Бояре идутъ.

(*Они входятъ въ домъ*).

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Зачѣмъ они пришли?

ДРУГОЙ.

А вѣрно приводить къ присягѣ Ѳеодора Годунова.

ТРЕТІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ? слышишь, какой въ домѣ шумъ! Тревога!... дерутся!

НАРОДЪ.

Слышишь? визгъ! Это женской голосъ.... Взойдемъ!.. Двери заперты; крики замолкли; шумъ продолжается.

(*Отворяются двери. Мосальскій является на крыльцѣ*).

МОСАЛЬСКІЙ.

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Өеодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. (*Народъ въ ужасѣ молчитъ*). Что жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ Царь Димитрій Ивановичъ!

НАРОДЪ БЕЗМОЛСТВУЕТЪ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ.

I.

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

(**1826**).

БЕРЕГЪ МОРЯ. ФАУСТЪ И МЕФИСТОФИЛЬ.

ФАУСТЪ.

Мнѣ скучно, бѣсъ.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Что дѣлать, Фаустъ?
Таковъ вамъ положенъ предѣлъ,
Его жъ никто не преступаетъ.
Вся тварь разумная скучаетъ:
Иной отъ лѣни, тотъ отъ дѣлъ;
Кто вѣритъ, кто утратилъ вѣру;
Тотъ насладиться не успѣлъ,
Тотъ насладился черезъ мѣру,
И всякъ зѣваетъ да живетъ —
И всѣхъ васъ гробъ, зѣвая, ждетъ.
Зѣвай и ты.

ФАУСТЪ.

Сухая шутка!
Найди мнѣ способъ какъ нибудь
Разсѣяться.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Доволенъ будь
Ты доказательствомъ разсудка.
Въ своемъ альбомѣ запиши:
Fastidium est quies — скука
Отдохновеніе души.
Я психологъ... о вотъ наука!...
Скажи, когда ты не скучалъ?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Какъ надъ Виргиліемъ дремалъ,
А розги умъ твой возбуждали?
Тогда ль, какъ розами вѣнчалъ
Ты благосклонныхъ дѣвъ веселья
И въ буйствѣ шумномъ посвящалъ
Имъ пылъ вечерняго похмѣлья?
Тогда ль, какъ погрузился ты
Въ великодушныя мечты,
Въ пучину темную науки?
Но, помнится, тогда со скуки,
Какъ арлекина, изъ огня
Ты вызвалъ наконецъ меня.
Я мелкимъ бѣсомъ извивался,
Развеселить тебя старался,
Возилъ и къ вѣдьмамъ и къ духамъ,
И что же?—все по пустякамъ.
Желалъ ты славы — и добился,

Хотѣлъ влюбиться — и влюбился.
Ты съ жизни взялъ возможну дань,
А былъ ли счастливъ?

ФАУСТЪ.

Перестань,
Не растравляй мнѣ язвы тайной.
Въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ;
Я проклялъ знаній ложный свѣтъ.
А слава... лучъ ея случайной
Неуловимъ. Мірская честь
Безсмысленна, какъ сонъ.... Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двухъ душъ...

МЕФИСТОФИЛЬ.

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя ль узнать,
Кого изволишь поминать?
Не Гретхенъ ли?

ФАУСТЪ.

О сонъ чудесной!
О пламя чистое любви!
Тамъ, тамъ—гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ древесной,
Гдѣ сладко-звонкія струи,
Тамъ, на груди ея прелестной
Покоя томную главу,
Я счастливъ былъ....

МЕФИСТОФИЛЬ.

Творецъ небесной!
Ты бредишь, Фаустъ, наяву!

Услужливымъ воспоминаньемъ
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебѣ своимъ стараньемъ
Доставилъ чудо красоты,
И въ часъ полуночи глубокой
Съ тобою свелъ ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокой,
Какъ вы вдвоемъ — все помню я!
Когда красавица твоя
Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,
Ты безпокойною душой
Ужъ погружался въ размышленье
(А доказали мы съ тобой,
Что размышленье — скуки сѣмя).
И знаешь ли, философъ мой,
Что думалъ ты въ такое время,
Когда не думаетъ никто?
Сказать ли?

ФАУСТЪ.

Говори. Ну, что?

МЕФИСТОФИЛЬ.

Ты думалъ: агнецъ мой послушной!
Какъ жадно я тебя желалъ!
Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
Я грезы сердца возмущалъ!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она...
Что жъ грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной?
На жертву прихоти моей

Гляжу, упившись наслажденьемъ,
Съ неодолимымъ отвращеньемъ:
Такъ безрасчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
Бранитъ ободранное тѣло;
Такъ на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Развратъ косится боязливо...
Потомъ изъ этого всего
Одно ты вывелъ заключенье...

ФАУСТЪ.

Сокройся, адское творенье!
Бѣги отъ взора моего!

МЕФИСТОФИЛЬ.

Изволь. Задай лишь мнѣ задачу:
Безъ дѣла, знаешь, отъ тебя
Не смѣю отлучаться я:
Я даромъ времени не трачу.

ФАУСТЪ.

Что тамъ бѣлѣетъ? говори.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Корабль Испанскій трехмачтовый,
Пристать въ Голландію готовый:
На немъ мерзавцевъ сотни три,

Двѣ обезьяны, бочки злата,
Да грузъ богатый шоколата...
. . . .

ФАУСТЪ.

Все утопить.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Сейчасъ. (*Исчезаетъ*)

II.

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

(**1830.**)

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(*Въ башнѣ*).

АЛЬБЕРЪ и ИВАНЪ.

АЛЬБЕРЪ.

Во что бы то ни стало, на турнирѣ
Явлюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Иванъ.
(*Иванъ подаетъ ему шлемъ*).
Пробитъ насквозь, испорченъ. Невозможно
Его надѣть. Достать мнѣ надо новый.
Какой ударъ! проклятый Графъ Делоржъ!

ИВАНЪ.

И вы ему порядкомъ отплатили:
Какъ изъ стремянъ вы вышибли его,

Онъ сутки замертво лежалъ — и врядъ ли
Оправился.

АЛЬБЕРЪ.

А все жъ онъ не въ убыткѣ;
Его нагрудникъ цѣлъ Венеціянскій—
А грудь своя гроша ему не стоитъ —
Другой себѣ не станетъ покупать.
Зачѣмъ съ него не снялъ я шлема тутъ же!
А снялъ бы я, когда бъ не было стыдно
Мнѣ дамъ и Герцога. Проклятый Графъ!
Онъ лучше бы мнѣ голову пробилъ.
И платье нужно мнѣ. Въ послѣдній разъ
Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атласѣ
Да бархатѣ: я въ латахъ былъ одинъ
За Герцогскимъ столомъ. Отговорился
Я тѣмъ, что на турниръ попалъ случайно.
А нынче что скажу? О, бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!
Когда Делоржъ копьемъ своимъ тяжелымъ
Пробилъ мнѣ шлемъ и мимо проскакалъ,
А я съ открытой головой пришпорилъ
Эмира моего, помчался вихремъ
И бросилъ Графа на двадцать шаговъ,
Какъ маленькаго пажа; какъ всѣ дамы
Привстали съ мѣстъ, когда сама Клотильда,
Закрывъ лице, невольно закричала
И славили Герольды мой ударъ:
Тогда никто не думалъ о причинѣ
И храбрости моей и силы дивной!
Взбѣсился я за поврежденный шлемъ;
Геройству что виною было? — Скупость.

Да! заразиться здѣсь не трудно ею
Подъ кровлею одной съ моимъ отцемъ.
Что бѣдный мой Эмиръ?

ИВАНЪ.

Онъ все хромаетъ.
Вамъ выѣхать на немъ еще нельзя.

АЛЬБЕРЪ.

Ну дѣлать нечего: куплю гнѣдова.
Недорого и просятъ за него.

ИВАНЪ.

Недорого, да денегъ нѣтъ у насъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что жъ говоритъ бездѣльникъ Соломонъ?

ИВАНЪ.

Онъ говоритъ, что болѣе не можетъ
Въ займы давать вамъ денегъ безъ заклада.

АЛЬБЕРЪ.

Закладъ! а гдѣ мнѣ взять заклада, дьяволъ?

ИВАНЪ.

Я сказывалъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что жъ онъ?

ИВАНЪ.

Кряхтитъ да жмется.

АЛЬБЕРЪ.

Да ты бъ ему сказалъ, что мой отецъ
Богатъ и самъ какъ жидъ, что рано ль, поздно ль
Всему наслѣдую.

ИВАНЪ.

Я говорилъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что жъ?

ИВАНЪ.

Жмется да кряхтитъ.

АЛЬБЕРЪ.

Какое горе!

ИВАНЪ.

Онъ самъ хотѣлъ придти.

АЛЬБЕРЪ.

Ну, слава Богу.
Безъ выкупа не выпущу его. (*Стучатъ въ дверь*).
Кто тамъ? (*Входитъ жидъ*).

ЖИДЪ.

Слуга вашъ низкій.

АЛЬБЕРЪ.

А, пріятель!
Проклятый жидъ, почтенный Соломонъ,

Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу,
Не вѣришь въ долгъ.

ЖИДЪ.

Ахъ, милостивый рыцарь,
Клянусь вамъ: радъ бы... право не могу.
Гдѣ денегъ взять? Весь разорился я,
Все рыцарямъ усердно помогая.
Никто не платитъ. Васъ хотѣлъ просить,
Не можете ль хоть часть отдать....

АЛЬБЕРЪ.

Разбойникъ!
Да если бъ у меня водились деньги,
Съ тобою сталъ ли бъ я возиться? Полно,
Не будь упрямъ, мой милый Соломонъ;
Давай червонцы. Высыпи мнѣ сотню,
Пока тебя не обыскали.

ЖИДЪ.

Сотню!
Когда бъ имѣлъ я сто червонцевъ!

АЛЬБЕРЪ.

Слушай:
Не стыдно ли тебѣ своихъ друзей
Не выручать?

ЖИДЪ.

Клянусь вамъ....

АЛЬБЕРЪ.

Полно, полно.
Ты требуешь заклада? что за вздоръ!

Что дамъ тебѣ въ закладъ? — свиную кожу?
Когда бъ я могъ что заложить, давно
Ужъ продалъ бы. Иль рыцарскаго слова
Тебѣ, собака, мало?

ЖИДЪ.

Ваше слово,
Пока вы живы, много, много значитъ:
Всѣ сундуки Фламандскихъ богачей
Какъ талисманъ оно вамъ отопретъ;
Но если вы его передадите
Мнѣ, бѣдному Еврею, а межъ тѣмъ
Умрете (Боже сохрани), тогда
Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
Ключу отъ брошенной шкатулки въ море.

АЛЬБЕРЪ.

Уже ль отецъ меня переживетъ?

ЖИДЪ.

Какъ знать? дни наши сочтены не нами:
Цвѣлъ юноша вечоръ, а нынче умеръ,
И вотъ его четыре старика
Несутъ на сгорбленныхъ плечахъ въ могилу.
Баронъ здоровъ. Богъ дастъ лѣтъ десять, двадцать
И двадцать пять и тридцать проживетъ онъ.

АЛЬБЕРЪ.

Ты врешь, Еврей! Да черезъ тридцать лѣтъ
Мнѣ стукнетъ пятьдесятъ, тогда и деньги
Начто мнѣ пригодятся?

ЖИДЪ.

Деньги? — Деньги
Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны;
Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ,
И не жалѣя шлетъ туда-сюда,
Старикъ же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ
И бережетъ ихъ какъ зѣницу ока.

АЛЬБЕРЪ.

О! Мой отецъ не слугъ и не друзей
Въ нихъ видитъ, а господъ; и самъ имъ служитъ,
И какъ же служитъ? какъ Алжирскій рабъ,
Какъ песъ цѣпной! Въ нетопленной канурѣ
Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лаетъ, —
А золото спокойно въ сундукахъ
Лежитъ себѣ. Молчи! когда нибудь
Оно послужитъ мнѣ, лежать забудетъ.

ЖИДЪ.

Да, на Бароновыхъ похоронахъ
Прольется больше денегъ, нежель слезъ.
Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство.

АЛЬБЕРЪ.

Amen!

ЖИДЪ.

А можно бъ....

АЛЬБЕРЪ.

Что?

ЖИДЪ.

Такъ, думалъ я, что средство
Такое есть....

АЛЬБЕРЪ.

Какое средство?

ЖИДЪ.

Такъ —
Есть у меня знакомый старичокъ,
Еврей, Аптекарь бѣдный....

АЛЬБЕРЪ.

Ростовщикъ
Такой же какъ и ты, иль почестнѣе?

ЖИДЪ.

Нѣтъ, рыцарь, Товій торгъ ведетъ иной:
Онъ составляетъ капли... право, чудно,
Какъ дѣйствуютъ онѣ.

АЛЬБЕРЪ.

А что мнѣ въ нихъ?

ЖИДЪ.

Въ стаканъ воды подлить.... трехъ капель будетъ,
Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта незамѣтно;
А человѣкъ безъ рѣзи въ животѣ,
Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

АЛЬБЕРЪ.

Твой старичокъ торгуетъ ядомъ.

ЖИДЪ.

Да —

И ядомъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что жъ? Въ займы на мѣсто денегъ
Ты мнѣ предложишь стклянокъ двѣсти яду —
За стклянку по червонцу. Такъ, что ли?

ЖИДЪ.

Смѣяться вамъ угодно надо мною.
Нѣтъ; я хотѣлъ... быть можетъ вы... я думалъ,
Что ужъ Барону время умереть.

АЛЬБЕРЪ.

Какъ! отравить отца! и смѣлъ ты сыну...
Иванъ! держи его. И смѣлъ ты мнѣ!...
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змѣй, что я тебя сейчасъ же
На воротахъ повѣшу!

ЖИДЪ.

Виноватъ!
Простите: я шутилъ.

АЛЬБЕРЪ.

Иванъ, веревку.

ЖИДЪ.

Я... я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ.

АЛЬБЕРЪ.

Вонъ, песъ! (*Жидъ уходитъ*).
Вотъ до чего меня доводитъ
Отца роднаго скупость! Жидъ мнѣ смѣлъ
Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина!
Я весь дрожу... Иванъ, однако жъ деньги
Мнѣ нужны.... Сбѣгай за жидомъ проклятымъ,
Возьми его червонцы. Да сюда
Мнѣ принеси чернильницу.... Я плуту
Росписку дамъ. Да не вводи сюда
Іуду этого... Иль нѣтъ, постой:
Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
Какъ сребреники пращура его....
Я спрашивалъ вина.

ИВАНЪ.

У насъ вина
Ни капли нѣтъ.

АЛЬБЕРЪ.

А то, что мнѣ прислалъ
Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонъ?

ИВАНЪ.

Вечоръ я снесъ послѣднюю бутылку
Больному кузнецу.

АЛЬБЕРЪ.

Да, помню, знаю....
Такъ дай воды. Проклятое житье!

Нѣтъ, рѣшено — пойду искать управы
У Герцога: пускай отца заставятъ
Меня держать какъ сына, не какъ мышь,
Рожденную въ подпольѣ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(*Подвалъ*).

БАРОНЪ.

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой нибудь развратницей лукавой,
Иль дурой имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный, къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливый день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный)
Горсть золота накопленнаго всыпать.
Не много кажется, но понемногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ - то,
Что Царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,
И гордый холмъ возвысился, и Царь
Могъ съ вышины, съ весельемъ, озирать
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ — и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.

Что не подвластно мнѣ?... Какъ нѣкій демонъ
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся Нимфы рѣзвою толпою:
И Музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный Геній мнѣ поработится,
И добродѣтель и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свисну, — и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я же — ничему:
Я выше всѣхъ желаній: я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья.... (*смотритъ на свое золото.*)
Кажется не много,
А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!
Тутъ есть дублонъ старинный... вотъ онъ. Нынче
Вдова мнѣ отдала его, но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ воя.
Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь пошелъ,
Притворщица не трогалась; я могъ бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла,
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? этотъ мнѣ принесъ Тибо.
Гдѣ было взять ему лѣнивцу, плуту?

Укралъ конечно, или, можетъ быть,
Тамъ на большой дорогѣ, ночью, въ рощѣ...
Да! Если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ — я захлебнулся бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.

(Хочетъ отперетъ сундукъ.)

Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отперетъ, впадаю въ жаръ и трепетъ.
Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ: за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснитъ
Какое-то невѣдомое чувство....
Насъ увѣряютъ медики: есть люди.
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, тоже
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ. *(Отпираетъ сундукъ.)*
Вотъ мое блаженство!

(Всыпаетъ деньги.)

Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ Боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!....
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груды.

(Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ.)

Я царствую!... Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастіе, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!... Но кто вослѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ! сойдетъ сюда
Подъ эти мирные, нѣмые своды
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ.
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ—
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ.
Онъ расточитъ.... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костьми, да груды загребаетъ?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла,—совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце,—совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!...

Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ, посмотримъ, станетъ ли несчастный
То расточать, что кровью пріобрѣлъ.
О, еслибъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ!... О, еслибъ изъ могилы
Придти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

(Во дворцѣ).

АЛЬБЕРЪ, ГЕРЦОГЪ.

АЛЬБЕРЪ.

Повѣрьте, Государь, терпѣлъ я долго
Стыдъ горькой бѣдности. Когда бъ не крайность,
Вы бъ жалобы моей не услыхали.

ГЕРЦОГЪ.

Я вѣрю: благородный рыцарь,
Таковъ какъ вы, отца не обвинитъ
Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало...
Спокойны будьте: вашего отца
Усовѣщу наединѣ, безъ шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
Меня сажалъ на своего коня

И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ,
Какъ будто колоколомъ. — (*Смотритъ въ окно.*)
Это кто?
Не онъ ли?

АЛЬБЕРЪ.

Такъ—онъ, Государь.

ГЕРЦОГЪ.

Подите жъ
Въ ту комнату. Я кликну васъ.
(*Альберъ уходитъ; входитъ Баронъ.*)
Баронъ!
Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.

БАРОНЪ.

Я счастливъ, Государь, что въ силахъ былъ
По приказанью вашему явиться.

ГЕРЦОГЪ.

Давно, Баронъ, давно разстались мы.
Вы помните меня?

БАРОНЪ.

Я, Государь?
Я какъ теперь васъ вижу. О, вы были
Ребенокъ рѣзвый. — Мнѣ покойный Герцогъ
Говаривалъ: Филиппъ (онъ звалъ меня
Всегда Филиппомъ), что ты скажешь? а?
Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я,
Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ....
Предъ вами, то есть....

ГЕРЦОГЪ.

Мы теперь знакомство
Возобновимъ. Вы Дворъ забыли мой.

БАРОНЪ.

Старъ, Государь, я нынче: при Дворѣ
Что дѣлать мнѣ? Вы молоды; вамъ любы
Турниры, праздники. А я на нихъ
Ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я
Готовъ, кряхтя, взлѣсть снова на коня;
Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукой дрожащей обнажить.

ГЕРЦОГЪ.

Баронъ, усердье ваше намъ извѣстно:
Вы дѣду были другомъ; мой отецъ
Васъ уважалъ. И я всегда считалъ
Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ; но сядемъ.
У васъ, Баронъ, есть дѣти?

БАРОНЪ.

Сынъ одинъ.

ГЕРЦОГЪ.

Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ Дворъ наскучилъ, но ему прилично
Въ его лѣтахъ и званьи быть при насъ.

БАРОНЪ.

Мой сынъ не любитъ шумной, свѣтской жизни;
Онъ дикаго и сумрачнаго нрава —
Вкругъ замка по лѣсамъ онъ вѣчно бродитъ,
Какъ молодой олень.

ГЕРЦОГЪ.

Не хорошо
Ему дичиться. Мы тотчасъ пріучимъ
Его къ весельямъ, къ баламъ и турнирамъ.
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье...
Вы хмуритесь—устали вы съ дороги,
Быть можетъ?

БАРОНЪ.

Государь, я не усталъ;
Но вы меня смутили. Передъ вами
Я бъ не хотѣлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что желалъ отъ васъ бы утаить.
Онъ, Государь, къ несчастью, недостоинъ
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Онъ молодость свою проводитъ въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ....

ГЕРЦОГЪ.

Это потому,
Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье
И праздность губятъ молодыхъ людей.
Пришлите къ намъ его; онъ позабудетъ
Привычки, зарожденныя въ глуши.

БАРОНЪ.

Простите мнѣ, но право, Государь,
Я согласиться не могу на это....

ГЕРЦОГЪ.

Но почему жъ?

БАРОНЪ.

Увольте старика...

ГЕРЦОГЪ.

Я требую: откройте мнѣ причину
Отказа вашего.

БАРОНЪ.

На сына я
Сердитъ.

ГЕРЦОГЪ.

За что?

БАРОНЪ.

За злое преступленье.

ГЕРЦОГЪ.

А въ чемъ оно, скажите, состоитъ?

БАРОНЪ.

Увольте, Герцогъ...

ГЕРЦОГЪ.

Это очень странно!
Или вамъ стыдно за него?

БАРОНЪ.

Да... стыдно....

ГЕРЦОГЪ.

Но что же сдѣлалъ онъ?

БАРОНЪ.

Онъ.... онъ меня
Хотѣлъ убить.

ГЕРЦОГЪ.

Убить! Такъ я суду
Его предамъ, какъ чернаго злодѣя.

БАРОНЪ.

Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждетъ онъ моей,
Хоть знаю то, что покушался онъ
Меня....

ГЕРЦОГЪ.

Что?

БАРОНЪ.

Обокрасть.
(Альберъ бросается въ комнату.)

АЛЬБЕРЪ.

Баронъ, вы лжете!

ГЕРЦОГЪ (*сыну*).

Какъ смѣли вы?...

БАРОНЪ.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!...
Ты могъ отцу такое слово молвить!....
Я лгу и передъ нашимъ Государемъ!...
Мнѣ, мнѣ.... иль ужъ не рыцарь я?...

АЛЬБЕРЪ.

Вы лжецъ!

БАРОНЪ.

И громъ еще не грянулъ, Боже правый!
Такъ подыми жъ, и мечъ насъ разсуди!
(Бросаетъ перчатку, сынъ поспѣшно ее подымаетъ.)

АЛЬБЕРЪ.

Благодарю. Вотъ первый даръ отца.

ГЕРЦОГЪ.

Что видѣлъ я? что было предо мною?
Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!
Въ какіе дни надѣлъ я на себя
Цѣпь Герцоговъ! Молчите: вы, безумецъ,
И ты, тигренокъ!—полно. (*Сыну*). Бросьте это;
Отдайте мнѣ перчатку эту (*отнимаетъ ее*).

АЛЬБЕРЪ, (a parte).

Жаль!

ГЕРЦОГЪ.

Такъ и впился въ нее когтями!... Извергъ!
Подите: на глаза мои не смѣйте
Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ
Не призову васъ. (*Альберъ выходитъ*).
Вы, старикъ несчастный,
Не стыдно ль вамъ?...

БАРОНЪ.

Простите, Государь....
Стоять я не могу.... мои колѣна
Слабѣютъ... душно!... душно!... Гдѣ ключи?
Ключи, ключи мои!

ГЕРЦОГЪ.

Онъ умеръ. Боже!
Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!

III.

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

(1830.)

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(*Комната.*)

САЛЬЕРИ.

Всѣ говорятъ: нѣтъ правды на землѣ.
Но правды нѣтъ — и выше. Для меня
Такъ это ясно, какъ простая гамма.
Родился я съ любовію къ искусству;
Ребенкомъ будучи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей,
Я слушалъ и заслушивался, слезы
Невольныя и сладкія текли.
Отвергъ я рано праздныя забавы;
Науки, чуждыя музыкѣ, были
Постылы мнѣ; упрямо и надменно
Отъ нихъ отрекся я и предался

Одной музыкѣ. Труденъ первый шагъ
И скученъ первый путь. Преодолѣлъ
Я раннія невзгоды. Ремесло
Поставилъ я подножіемъ искусству;
Я здѣлался ремесленникъ: перстамъ
Придалъ послушную, сухую бѣглость,
И вѣрность уху. Звуки умертвивъ,
Музыку я разъялъ, какъ трупъ. Повѣрилъ
Я алгеброй гармонію. Тогда
Уже дерзнулъ, въ наукѣ искушенный,
Предаться нѣгѣ творческой мечты.
Я сталъ творить, но въ тишинѣ, но втайнѣ,
Не смѣя помышлять еще о славѣ.
Нерѣдко, просидѣвъ въ безмолвной кельѣ
Два-три дня, позабывъ и сонъ и пищу,
Вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенья,
Я жегъ мой трудъ и холодно смотрѣлъ,
Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали!...
Что говорю? Когда великій Глюкъ
Явился и открылъ намъ новы тайны
(Глубокія, плѣнительныя тайны!) —
Не бросилъ ли я все, что прежде зналъ,
Что такъ любилъ, чему такъ жарко вѣрилъ,
И не пошелъ ли бодро вслѣдъ за нимъ
Безропотно, какъ тотъ, кто заблуждался,
И встрѣчнымъ посланъ въ сторону иную?
Усильнымъ, напряженнымъ постоянствомъ
Я наконецъ въ искусствѣ безграничномъ
Достигнулъ степени высокой. Слава
Мнѣ улыбнулась; я въ сердцахъ людей
Нашелъ созвучія своимъ созданьямъ.

Я счастливъ былъ: я наслаждался мирно
Своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой: также
Трудами и успѣхами друзей,
Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.
Нѣтъ! никогда я зависти не зналъ!
О, никогда — нижè, когда Пиччини
Плѣнить умѣлъ слухъ дикихъ Парижанъ,
Нижè, когда услышалъ въ первый разъ
Я Ифигеніи начальны звуки.
Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
Когда нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
Змѣей, людьми растоптанною, вживѣ
Песокъ и пыль грызущею безсильно?
Никто!... А нынѣ — самъ скажу — я нынѣ
Завистникъ! Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую. — О небо!
Гдѣ жъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній — не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго?... О Моцартъ, Моцартъ!
(*Входитъ Моцартъ.*)

МОЦАРТЪ.

Ага! увидѣлъ ты! А мнѣ хотѣлось
Тебя нежданой шуткой угостить.

САЛЬЕРИ.

Ты здѣсь! — Давно ль?

МОЦАРТЪ.

Сейчасъ. Я шелъ къ тебѣ.

Несъ кое-что тебѣ я показать;
Но, проходя передъ трактиромъ, вдругъ
Услышалъ скрипку... Нѣтъ, мой другъ, Сальери!
Смѣшнѣе отроду ты ничего
Не слыхивалъ!... Слѣпой скрыпачъ въ трактирѣ
Разыгрывалъ voi che sapete. Чудо!
Не вытерпѣлъ, привелъ я скрипача,
Чтобъ угостить тебя его искусствомъ.
Войди!

(*Входитъ слѣпой старикъ со скрипкой.*)

Изъ Моцарта намъ что нибудь!

(*Старикъ играетъ арію изъ Донъ-Жуана; Моцартъ хохочетъ.*)

САЛЬЕРИ.

И ты смѣяться можешь?

МОЦАРТЪ.

Ахъ, Сальери!
Уже ль и самъ ты не смѣешься?

САЛЬЕРИ.

Нѣтъ,
Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный
Мнѣ пачкаетъ Мадону Рафаэля,
Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный
Пародіей безчеститъ Алигьери.
Пошёлъ, старикъ.

МОЦАРТЪ.

Постой же: вотъ тебѣ;
Пей за мое здоровье.

(*Старикъ уходитъ.*)

Ты, Сальери,
Не вдухѣ нынче. Я приду къ тебѣ
Въ другое время.

САЛЬЕРИ.

Что ты мнѣ принесъ?

МОЦАРТЪ.

Нѣтъ — такъ, бездѣлицу. Намедни ночью
Безсонница моя меня томила,
И въ голову пришли мнѣ двѣ - три мысли.
Сегодня ихъ я набросалъ. Хотѣлось
Твое мнѣ слышать мнѣнье; но теперь
Тебѣ не до меня.

САЛЬЕРИ.

Ахъ, Моцартъ, Моцартъ!
Когда же мнѣ не до тебя? Садись;
Я слушаю.

МОЦАРТЪ (*за фортепіано*).

Представь себѣ... кого бы?
Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюбленнаго — не слишкомъ, а слегка;
Съ красоткой, или съ другомъ — хоть съ тобой;
Я веселъ... Вдругъ: видѣнье гробовое,
Незапный мракъ иль что нибудь такое...
Ну, слушай же.

(*Играетъ.*)

САЛЬЕРИ.

Ты съ этимъ шелъ ко мнѣ
И могъ остановиться у трактира

И слушать скрипача слѣпаго! — Боже!
Ты, Моцартъ, недостоинъ самъ себя.

МОЦАРТЪ.

Что жъ, хорошо?

САЛЬЕРИ.

Какая глубина!
Какая смѣлость и какая стройность!
Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь;
Я знаю, я.

МОЦАРТЪ.

Ба! право? можетъ быть...
Но божество мое проголодалось.

САЛЬЕРИ.

Послушай; отобѣдаемъ мы вмѣстѣ
Въ трактирѣ Золотаго Льва.

МОЦАРТЪ.

Пожалуй;
Я радъ. Но дай, схожу домой, сказать
Женѣ, чтобы меня она къ обѣду
Не дожидалась.

(*Уходитъ.*)

САЛЬЕРИ.

Жду тебя; смотри жъ.

Нѣтъ! не могу противиться я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чтобъ его
Остановить — не то, мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моей глухою славой...

Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ!
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетай же! Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!
Вотъ ядъ, послѣдній даръ моей Изоры.
Осьмнадцать лѣтъ ношу его съ собою —
И часто жизнь казалась мнѣ съ тѣхъ поръ
Несносной раной, и сидѣлъ я часто
Съ врагомъ безпечнымъ за одной трапезой,
И никогда на шепотъ искушенья
Не преклонился я, хоть я не трусъ,
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Все медлилъ я.
Какъ жажда смерти мучила меня,—
Что умирать? я мнилъ: быть можетъ, жизнь
Мнѣ принесетъ незапные дары;
Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая ночь и вдохновенье;
Быть можетъ, новый Гайденъ сотворитъ
Великое — и наслажуся имъ...
Какъ пировалъ я съ гостемъ ненавистнымъ:
Быть можетъ, мнилъ я, злѣйшаго врага
Найду; быть можетъ, злѣйшая обида
Въ меня съ надменной грянетъ высоты —
Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.
И я былъ правъ! и — наконецъ нашелъ

Я моего врага, и новый Гайденъ
Меня восторгомъ дивно упоилъ!
Теперь — пора! Завѣтный даръ любви
Переходи сегодня въ чашу дружбы.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(Особая комната въ трактирѣ; фортепіано.)

МОЦАРТЪ и САЛЬЕРИ (за столомъ.)

САЛЬЕРИ.

Что ты сегодня пасмуренъ?

МОЦАРТЪ.

Я? Нѣтъ!

САЛЬЕРИ.

Ты вѣрно, Моцартъ, чѣмъ нибудь разстроенъ?
Обѣдъ хорошій, славное вино,
А ты молчишь и хмуришься.

МОЦАРТЪ.

Признаться,
Мой Requiem меня тревожитъ.

САЛЬЕРИ.

А!
Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

МОЦАРТЪ.

Давно, недѣли три. Но странный случай...
Не сказывалъ тебѣ я?

САЛЬЕРИ.

Нѣтъ.

МОЦАРТЪ.

Такъ слушай:
Недѣли три тому, пришелъ я поздно
Домой. Сказали мнѣ, что заходилъ
За мною кто-то. Отъ чего — не знаю,
Всю ночь я думалъ: кто бы это былъ?
И что ему во мнѣ? На завтра тотъ же
Зашелъ, и не засталъ опять меня.
На третій день игралъ я на полу
Съ моимъ мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышелъ. Человѣкъ, одѣтый въ черномъ,
Учтиво поклонившись, заказалъ
Мнѣ Requiem и скрылся. Сѣлъ я тотчасъ
И сталъ писать — и съ той поры за мною
Не приходилъ мой черный человѣкъ;
А я и радъ: мнѣ было бъ жаль разстаться
Съ моей работой, хоть совсѣмъ готовъ
Ужъ Requiem. Но между тѣмъ я…

САЛЬЕРИ.

Что?

МОЦАРТЪ.

Мнѣ совѣстно признаться въ этомъ…

САЛЬЕРИ.

Въ чемъ же?

МОЦАРТЪ.

Мнѣ день и ночь покоя не даетъ
Мой черный человѣкъ. За мною всюду

Какъ тѣнь онъ гонится. Вотъ и теперь
Мнѣ кажется, онъ съ нами сам-третей
Сидитъ.

САЛЬЕРИ.

И, полно! Что за страхъ ребячій!
Разсѣй пустую думу. Бомарше
Говаривалъ мнѣ: «слушай, братъ Сальери,
Какъ мысли черныя къ тебѣ придутъ,
Откупори шампанскаго бутылку,
Иль перечти женитьбу Фигаро.»

МОЦАРТЪ.

Да! Бомарше вѣдь былъ тебѣ пріятель:
Ты для него Тарара сочинилъ,
Вещь славную. Тамъ есть одинъ мотивъ...
Я все твержу его, когда я счастливъ...
Ла ла ла ла... Ахъ, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравилъ?

САЛЬЕРИ.

Не думаю: онъ слишкомъ былъ смѣшонъ
Для ремесла такого.

МОЦАРТЪ.

Онъ же геній
Какъ ты, да я. А геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда ль?

САЛЬЕРИ.

Ты думаешь?
(*Бросаетъ ядъ въ стаканъ Моцарта.*)
Ну, пей же.

МОЦАРТЪ.

За твое
Здоровье, другъ, за искренній союзъ,
Связующій Моцарта и Сальери,
Двухъ сыновей гармоніи.
(*Пьетъ.*)

САЛЬЕРИ.

Постой,
Постой, постой!... Ты выпилъ!... безъ меня?

МОЦАРТЪ (*бросаетъ салфетку на столъ.*)

Довольно, сытъ я.
(*Идетъ къ фортепіано.*)
Слушай же, Сальери,
Мой Requiem. (*Играетъ.*)
Ты плачешь?

САЛЬЕРИ.

Эти слезы
Впервые лью: и больно и пріятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,
Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ
Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ, эти слезы...
Не замѣчай ихъ. Продолжай, спѣши
Еще наполнить звуками мнѣ душу...

МОЦАРТЪ.

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
Гармоніи! Но нѣтъ: тогда бъ не могъ
И міръ существовать; никто бъ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни —
Всѣ предались бы вольному искусству!

Насъ мало избранныхъ, счастливцевъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единаго прекраснаго жрецовъ.
Не правда ль? Но я нынче нездоровъ:
Мнѣ что-то тяжело; пойду, засну.
Прощай же.

САЛЬЕРИ.

До свиданья.

(*Одинъ*).

Ты заснешь
Надолго, Моцартъ! Но уже ль онъ правъ,
И я не геній? Геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда:
А Бонаротти? Или это сказка
Тупой, безсмысленной толпы — и не былъ
Убійцею создатель Ватикана!

IV.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

Leporello. O statua gentilissima
Del gran Commendatore!...
Ah, Padroni!..
Don Giovani.

(**1830.**)

СЦЕНА I.

(*Ночь. Кладбище близь Мадрита.*)

ДОНЪ-ЖУАНЪ и ЛЕПОРЕЛЛО.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Дождемся ночи здѣсь. Уфъ! наконецъ
Достигли мы воротъ Мадрита. Скоро
Я полечу по улицамъ знакомымъ,
Усы плащемъ закрывъ, а брови шляпой.
Какъ думаешь: узнать меня нельзя?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Да, Донъ-Жуана мудрено признать!
Такихъ, какъ онъ, такая бездна!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Шутишь?
Да кто жъ меня узнаетъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Первый сторожъ,
Гитана, или пьяный музыкантъ,
Иль свой же братъ нахальный кавалеръ,
Въ плащѣ, со шпагою подъ мышкой, въ маскѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что за бѣда, хоть и узнаютъ! Только бъ
Не встрѣтился мнѣ самъ Король, а впрочемъ
Я никого въ Мадритѣ не боюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А завтра же до Короля дойдетъ,
Что Донъ-Жуанъ изъ ссылки самовольно
Въ Мадритъ явился — что тогда, скажите,
Онъ съ вами сдѣлаетъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Пошлетъ назадъ.
Ужъ вѣрно головы мнѣ не отрубятъ:
Вѣдь я не государственный преступникъ!
Меня онъ удалилъ — меня жъ любя,
Чтобы меня оставила въ покоѣ
Семья убитаго.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну то-то же!
Сидѣли бъ вы себѣ спокойно тамъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Слуга покорный! Я едва-едва
Не умеръ тамъ со скуки. Что за люди,
Что за земля! А небо?... точный дымъ;
А женщины?.. да я не промѣняю,
Вотъ видишь ли, мой Лепорелло,
Послѣдней въ Андалузіи крестьянки
На первыхъ тамошнихъ красавицъ — право.
Онѣ сначала нравилися мнѣ
Глазами синими, да бѣлизною,
Да скромностью — а пуще новизною;
Да, слава Богу, скоро догадался:
Увидѣлъ я, что съ ними грѣхъ и знаться.
Въ нихъ жизни нѣтъ — все куклы восковыя...
А наши!... Но послушай, это мѣсто
Знакомо намъ; узналъ ли ты его?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ не узнать? Антоньевъ монастырь
Мнѣ памятенъ. Ѣзжали вы сюда,
А лошадей держалъ я въ этой рощѣ:
Проклятая, признаться, должность! Вы
Пріятнѣе здѣсь время проводили
Чѣмъ я, повѣрьте.

ДОНЪ-ЖУАНЪ (*задумчиво*).

Бѣдная Инеза!
Ее ужъ нѣтъ! Какъ я любилъ ее!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Инезу — черноглазую... о, помню!
Три мѣсяца ухаживали вы
За ней; насилу-то помогъ лукавый.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ Іюлѣ... ночью. Чудную пріятность
Я находилъ въ ея печальномъ взорѣ
И помертвѣлыхъ губкахъ. Это странно.
Ты, кажется, ее не находилъ
Красавицей. И точно — мало было
Въ ней истинно-прекраснаго. Глаза,
Одни глаза, да взглядъ... такого взгляда
Ужъ никогда я не встрѣчалъ! А голосъ
У ней былъ тихъ и слабъ, какъ у больной...
А мужъ ея былъ негодяй суровый —
Узналъ я поздно... Бѣдная Инеза!...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что жъ? Вслѣдъ за ней другія были.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Правда.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А живы будемъ, будутъ и другія.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

И то.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Теперь которую въ Мадритѣ
Отыскивать мы будемъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, Лауру!
Я прямо къ ней бѣгу явиться.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Дѣло.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Къ ней прямо въ дверь; а если кто-нибудь
Ужъ у нее — прошу въ окно прыгнуть.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Конечно. Ну, развеселились мы.
Недолго насъ покойницы тревожатъ.
Кто къ намъ идетъ? (*входитъ монахъ*).

МОНАХЪ.

Сейчасъ она прiѣдетъ
Сюда. Кто здѣсь? Не люди ль Доны-Анны?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, сами по себѣ мы господа.
Мы здѣсь гуляемъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А кого вы ждете?

МОНАХЪ.

Сейчасъ должна прiѣхать Дона-Анна
На мужнину гробницу.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Дона-Анна
Де Сольва? Какъ? Супруга Командора,
Убитаго... не помню кѣмъ?

МОНАХЪ.

Развратнымъ,
Безсовѣстнымъ, безбожнымъ Донъ-Жуаномъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ого! вотъ какъ! молва о Донъ-Жуанѣ
И въ мирный монастырь проникла даже:
Отшельники хвалы ему поютъ.

МОНАХЪ.

Онъ вамъ знакомъ, быть можетъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Намъ? Нимало.
А гдѣ-то онъ теперь?

МОНАХЪ.

Его здѣсь нѣтъ.
Онъ въ ссылкѣ, далеко.

ЛЕПОРЕЛЛО.

И слава Богу!
Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. Всѣхъ бы ихъ,
Развратниковъ, въ одинъ мѣшокъ да въ море.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что, что ты врешь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Молчите: я нарочно...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такъ здѣсь похоронили Командора?

МОНАХЪ.

Здѣсь. Памятникъ жена ему воздвигла
И пріѣзжаетъ каждый день сюда
За упокой души его молиться
И плакать.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что за странная вдова!
Не даромъ же покойникъ былъ ревнивъ;
Онъ Дону-Анну въ заперти держалъ:
Никто изъ насъ не видывалъ ея.
И не дурна?

МОНАХЪ.

Мы красотою женской,
Отшельники, прельщаться не должны;
Но лгать грѣшно: не можетъ и угодникъ
Въ ея красѣ чудесной не сознаться.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я съ нею бы хотѣлъ поговорить.

МОНАХЪ.

О, Дона-Анна никогда съ мужчиной
Не говоритъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А съ вами, мой отецъ?

МОНАХЪ.

Со мной иное дѣло — я монахъ.
Да вотъ она. (*Входитъ Дона-Анна.*)

ДОНА-АННА.

Отецъ мой, отоприте.

МОНАХЪ.

Сейчасъ, сеньора; я васъ ожидалъ. (*Дона-Анна идетъ за монахомъ.*)

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что, какова?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ея совсѣмъ не видно
Подъ этимъ вдовьимъ чернымъ покрываломъ;
Чуть узенькую пятку я замѣтилъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Довольно съ васъ. У васъ воображенье
Въ минуту дорисуетъ остальное;
Оно у васъ проворнѣй живописца.
Вамъ все равно, съ чего бы ни начать —
Съ бровей ли, съ ногъ ли.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Слушай, Лепорелло;
Я съ нею познакомлюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО (*про себя*).

Вотъ еще!
Куда какъ нужно! Мужа повалилъ,
Да хочетъ поглядѣть на вдовьи слезы.
Безсовѣстный!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Однако ужъ и смерклось.
Пока луна надъ нами не взошла
И въ свѣтлый сумракъ тьмы не обратила,
Войдемъ въ Мадритъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Испанскій грандъ, какъ воръ
Ждетъ ночи—и луны боится, Боже!
Проклятое житье! Да долго ль будетъ
Мнѣ съ нимъ возиться! Право силъ ужъ нѣтъ.

СЦЕНА II.

КОМНАТА. УЖИНЪ У ЛАУРЫ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Клянусь тебѣ, Лаура, никогда
Съ такимъ ты совершенствомъ не играла!
Какъ роль свою ты вѣрно поняла!

ВТОРОЙ.

Какъ развила ее! съ какою силой!

ТРЕТІЙ.

Съ какимъ искусствомъ!

ЛАУРА.

Да, мнѣ удавалось
Сегодня каждое движенье, слово.
Я вольно предавалась вдохновенью.
Слова лились, какъ будто ихъ раждала
Не память робкая, но сердце...

ПЕРВЫЙ.

Правда.
Да и теперь глаза твои блестятъ
И щеки разгорѣлись—не проходитъ

Въ тебѣ восторгъ. Лаура, не давай
Остыть ему безплодно: спой, Лаура,
Спой что-нибудь!

ЛАУРА.

Подайте мнѣ гитару. (*Поетъ*)

ВСѢ.

О, bravo! bravo! чудно! безподобно!

ПЕРВЫЙ.

Благодаримъ, волшебница! Ты сердце
Чаруешь намъ. Изъ наслажденій жизни
Одной любви музыка уступаетъ;
Но и любовь мелодія... Взгляни:
Самъ Карлосъ тронутъ, твой угрюмый гость!

ВТОРОЙ

Какіе звуки! сколько въ нихъ души!
А чьи слова, Лаура?

ЛАУРА.

Донъ-Жуана.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Что? Донъ-Жуанъ!

ЛАУРА.

Ихъ сочинилъ когда-то
Мой вѣрный другъ, мой вѣтреный любовникъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Твой Донъ-Жуанъ — безбожникъ и мерзавецъ;
А ты, ты дура.

ЛАУРА.

Ты съ ума сошелъ!

Да я сейчасъ велю тебя зарѣзать
Моимъ слугамъ, хоть ты Испанскій грандъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ (*встаетъ*).

Зови же ихъ.

ПЕРВЫЙ.

Лаура, перестань!
Донъ-Карлосъ, не сердись. Она забыла...

ЛАУРА.

Что?... Что Жуанъ на поединкѣ честно
Убилъ его роднаго брата? Правда, жаль,
Что не его.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я глупъ, что осердился.

ЛАУРА.

Ага! самъ сознаешься, что ты глупъ —
Такъ помиримся.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Виноватъ, Лаура!
Прости меня. Но знаешь: не могу
Я слышать это имя равнодушно...

ЛАУРА.

А виновата ль я, что поминутно
Мнѣ на языкъ приходитъ это имя?

ГОСТЬ.

Ну, въ знакъ, что ты совсѣмъ ужъ не сердита,
Лаура, спой еще!

ЛАУРА.

Да, на прощанье.
Пора — ужъ ночь. Но что же я спою?
А! слушайте. (*Поетъ*).

ВСѢ.

Прелестно, безподобно!

ЛАУРА.

Прощайте жъ, господа.

ГОСТИ.

Прощай, Лаура.
(*Выходятъ. Лаура останавливаетъ Донъ-Карлоса*).

ЛАУРА.

Ты, бѣшеный, останься у меня.
Ты мнѣ понравился; ты Донъ-Жуана
Напомнилъ мнѣ, какъ выбранилъ меня
И стиснулъ зубы съ скрежетомъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Счастливецъ!
Такъ ты его любила? (*Лаура дѣлаетъ утвердительный знакъ*). Очень?

ЛАУРА.

Очень.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

И любишь и теперь?

ЛАУРА.

Въ сію минуту?
Нѣтъ, не люблю. Мнѣ двухъ любить нельзя.
Теперь люблю тебя.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Скажи, Лаура,
Который годъ тебѣ?

ЛАУРА.

Осьмнадцать лѣтъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Ты молода... и будешь молода
Еще лѣтъ пять иль шесть. Вокругъ тебя
Еще лѣтъ шесть они толпиться будутъ,
Тебя ласкать, лелѣять и дарить,
И серенадами ночными тѣшить,
И за тебя другъ друга убивать
На перекресткахъ ночью. Но когда
Пора пройдетъ, когда твои глаза
Впадутъ, и вѣки, сморщась, почернѣютъ,
И сѣдина въ косѣ твоей мелькнетъ,
И будутъ называть тебя старухой,
Тогда — что скажешь ты?

ЛАУРА.

Тогда.... Зачѣмъ
Объ этомъ думать? Что за разговоръ?
Иль у тебя всегда такія мысли?
Приди — открой балконъ. Какъ небо тихо!
Недвижимъ теплый воздухъ; ночь лимономъ
И лавромъ пахнетъ; яркая луна
Блеститъ на синевѣ густой и темной,
И сторожа̀ кричатъ протяжно, ясно!...
А далеко, на сѣверѣ — въ Парижѣ —
Быть можетъ, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ.

А намъ какое дѣло? Слушай, Карлосъ:
Я требую, чтобъ улыбнулся ты.
Ну! то-то жъ!

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Милый демонъ! (*стучатъ*).

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Гей, Лаура!

ЛАУРА.

Кто тамъ? Чей это голосъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Отопри...

ЛАУРА.

Уже ли!... Боже!... (*Отпираетъ двери, входитъ Донъ-Жуанъ*).

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Здравствуй...

ЛАУРА.

Донъ-Жуанъ!...
(*Лаура кидается ему на шею*).

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Какъ! Донъ-Жуанъ!...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лаура, милый другъ!...
(*Цѣлуетъ ее*).
Кто у тебя, моя Лаура?

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я, —
Донъ-Карлосъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вотъ нечаянная встрѣча!
Я завтра весь къ твоимъ услугамъ...

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Нѣтъ!
Теперь — сейчасъ.

ЛАУРА.

Донъ-Карлосъ, перестаньте!
Вы не на улицѣ — вы у меня —
Извольте вытти вонъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ (*ее не слушая*).

Я жду. Ну, что жъ?
Вѣдь ты при шпагѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ежели тебѣ
Не терпится, изволь. (***Бьются***).

ЛАУРА.

Ай, ай! Жуанъ!...
(***Кидается*** *на постель, Донъ-*
Карлосъ *падаетъ*).

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вставай, Лаура, кончено.

ЛАУРА.

Что тамъ?
Убитъ? Прекрасно! въ комнатѣ моей!
Что дѣлать мнѣ теперь, повѣса, дьяволъ?
Куда я выброшу его?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Быть можетъ.
Онъ живъ еще (*Осматриваетъ тѣло*).

ЛАУРА.

Да! живъ! Гляди, проклятый!
Ты прямо въ сердце ткнулъ — небось, не мимо.
И кровь нейдетъ изъ треугольной ранки,
А ужъ не дышетъ — каково?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что дѣлать?
Онъ самъ того хотѣлъ.

ЛАУРА.

Эхъ, Донъ-Жуанъ,
Досадно, право. Вѣчныя проказы!..
А все не виноватъ... Откуда ты?
Давно ли здѣсь?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я только-что пріѣхалъ
И то тихонько — я вѣдь не прощенъ.

ЛАУРА.

И вспомнилъ тотчасъ о своей Лаурѣ?
Что хорошо, то хорошо. Да полно,
Не вѣрю я. Ты мимо шелъ случайно,
И домъ увидѣлъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, моя Лаура,
Спроси у Лепорелло. Я стою
За городомъ, въ проклятой вентѣ. Я Лауры
Пришелъ искать въ Мадритѣ. (*Цѣлуетъ ее*).

ЛАУРА.

Другъ ты мой!...
Постой... при мертвомъ!.. Что намъ дѣлать съ нимъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Оставь его — передъ разсвѣтомъ, рано,
Я вынесу его подъ епанчею
И положу на перекресткѣ.

ЛАУРА.

Только
Смотри, чтобъ не увидѣли тебя.
Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что явился
Одной минутой позже! У меня
Твои друзья здѣсь ужинали. Только
Что вышли вонъ. Когда бъ ты ихъ засталъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лаура, и давно его ты любишь?

ЛАУРА.

Кого? ты бредишь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ. А сколько разъ,
Скажи, ты мнѣ успѣла измѣнить
Въ моемъ отсутствіи?

ЛАУРА.

А ты, повѣса?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Скажи жъ... Нѣтъ, послѣ переговоримъ!...

СЦЕНА III.

ПАМЯТНИКЪ КОМАНДОРА.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Все къ лучшему: нечаянно убивъ
Донъ-Карлоса, отшельникомъ смиреннымъ
Я скрылся здѣсь — и вижу каждый день
Мою прелестную вдову, и ею,
Мнѣ кажется, замѣченъ. До сихъ поръ
Чинились мы другъ съ другомъ; но сегодня
Пущуся въ разговоры съ ней; пора!
Съ чего начну? «Осмѣлюсь»... или нѣтъ:
«Сеньора»... ба! что въ голову придетъ,
То и скажу, безъ предуготовленья,
Импровизаторомъ любовной пѣсни...
Пора бъ ужъ ей пріѣхать. Безъ нея,
Я думаю, скучаетъ Командоръ.
Какимъ онъ здѣсь представленъ исполиномъ!
Какія плечи! что за Геркулесъ!...
А самъ, покойникъ, малъ былъ и щедушенъ;
Здѣсь, ставъ на цыпочки, не могъ бы руку
До своего онъ носу дотянуть.
Когда за Эскурьяломъ мы сошлись,
Наткнулся мнѣ на шпагу онъ и замеръ,
Какъ на булавкѣ стрекоза: а былъ
Онъ гордъ и смѣлъ, и духъ имѣлъ суровый...
А! вотъ она. (*Входитъ Дона-Анна*).

ДОНА-АННА.

Опять онъ здѣсь. Отецъ мой,
Я развлекла васъ въ вашихъ помышленьяхъ —
Простите.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я просить прощенья долженъ
У васъ, сеньора. Можетъ, я мѣшаю
Печали вашей вольно изливаться.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, мой отецъ: печаль моя во мнѣ.
При васъ мое моленье можетъ къ небу
Смиренно возноситься. Я прошу
И васъ свой голосъ съ нимъ соединить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Мнѣ, мнѣ молиться съ вами, Дона-Анна!
Я не достоинъ участи такой.
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять;
Я только издали съ благоговѣньемъ
Смотрю на васъ, когда, склонившись тихо,
Вы кудри черные на мраморъ блѣдный
Разсыплете — и мнится мнѣ, что тайно
Гробницу эту ангелъ посѣтилъ.
Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю
Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно
И думаю: счастливъ, чей хладный мраморъ
Согрѣтъ ея дыханіемъ небеснымъ
И окропленъ любви ея слезами.

ДОНА-АННА.

Какія рѣчи странныя!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сеньора?

ДОНА-АННА.

Мнѣ.... вы забыли....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что? что недостойный
Отшельникъ я? что грѣшный голосъ мой
Не долженъ здѣсь такъ громко раздаваться?

ДОНА-АННА.

Мнѣ показалось... Я не поняла...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ахъ, вижу я: вы все, вы все узнали!

ДОНА-АННА.

Что узнала?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такъ, я не монахъ...
У вашихъ ногъ прощенья умоляю.

ДОНА-АННА.

О, Боже! встаньте, встаньте!... Кто же вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Несчастный, жертва страсти безнадежной!

ДОНА-АННА.

О, Боже мой! и здѣсь, при этомъ гробѣ!
Подите прочь!...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Минуту, Дона-Анна!
Одну минуту!

ДОНА-АННА.

Если кто взойдетъ!...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Рѣшетка заперта. Одну минуту!

ДОНА-АННА.

Ну? что? чего вы требуете?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Смерти!
О, пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ,
Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь же похоронятъ,
Не подлѣ праха, милаго для васъ,
Не тутъ — не близко — далѣ гдѣ-нибудь,
Тамъ — у дверей — у самаго порога,
Чтобъ камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этотъ гордый гробъ,
Пройдете кудри наклонять и плакать.

ДОНА-АННА.

Вы не въ своемъ умѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Или желать
Кончины, Дона-Анна, знакъ безумства?
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ хотѣлъ
Въ живыхъ остаться, я бъ имѣлъ надежду
Любовью нѣжной тронуть ваше сердце;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бы ночи
Сталъ провождать у вашего балкона,
Тревожа серенадами вашъ сонъ;
Не сталъ бы я скрываться — я, напротивъ,
Старался бъ быть вездѣ замѣченъ вами;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ не сталъ
Страдать въ безмолвіи....

ДОНА-АННА.

Такъ это вы
Молчите?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Случай, Дона-Анна, случай
Увлекъ меня! Не то, вы бъ никогда
Моей печальной тайны не узнали....

ДОНА-АННА.

И любите давно ужъ вы меня?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Давно или недавно, самъ не знаю,
Но съ той поры лишь только знаю цѣну
Мгновенной жизни, только съ той поры
И понялъ я, что значитъ слово счастье.

ДОНА-АННА.

Подите прочь — вы человѣкъ опасный.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Опасный! чѣмъ?

ДОНА-АННА.

Я слушать васъ боюсь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому вашъ видъ одна отрада.
Я не питаю дерзостныхъ надеждъ,
Я ничего не требую, но видѣть
Васъ долженъ я, когда уже на жизнь
Я осужденъ.

ДОНА-АННА.

Подите — здѣсь не мѣсто
Такимъ рѣчамъ, такимъ безумствамъ.... Завтра
Ко мнѣ придите; если вы клянетесь
Хранить ко мнѣ такое жъ уваженье,
Я васъ приму — но вечеромъ позднѣе...
Я никого не вижу съ той поры
Какъ овдовѣла....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ангелъ, Дона-Анна!
Утѣшь васъ Богъ, какъ сами вы сегодня
Утѣшили несчастнаго страдальца!

ДОНА-АННА.

Подите прочь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Еще одну минуту.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, видно мнѣ уйти.... Къ тому жъ моленье
Мнѣ въ умъ нейдетъ. Вы развлекли меня
Рѣчами свѣтскими; отъ нихъ ужъ ухо
Мое давно, давно отвыкло. — Завтра
Я васъ приму...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Еще не смѣю вѣрить,
Не смѣю счастью моему предаться!...
Я завтра васъ увижу!... И не здѣсь,
И не украдкою!

ДОНА-АННА.

Да, завтра, завтра.
Какъ васъ зовутъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Діего де Кальвидо.

ДОНА-АННА.

Прощайте, Донъ-Діего. (*Уходитъ*).

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лепорелло!

ЛЕПОРЕЛЛО. (*Лепорелло входитъ*).

Что вамъ угодно?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Милый Лепорелло!
Я счастливъ! — «Завтра — вечеромъ позднѣе»...
Мой Лепорелло, завтра!... приготовь...
Я счастливъ какъ ребенокъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Съ Доной-Анной
Вы говорили? можетъ быть, она
Сказала вамъ два ласковыя слова,
Или ее благословили вы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, Лепорелло, нѣтъ! Она свиданье,
Свиданье мнѣ назначила!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Неужто?
О, вдовы! всѣ вы таковы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я счастливъ!
Я пѣть готовъ, я радъ весь міръ обнять!

ЛЕПОРЕЛЛО.

А Командоръ? что скажетъ онъ объ этомъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты думаешь, онъ станетъ ревновать.
Ужъ вѣрно нѣтъ; онъ человѣкъ разумный
И вѣрно присмирѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ; посмотрите на его статую.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что жъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Кажется, на васъ она глядитъ
И сердится.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ступай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мнѣ —
Нѣтъ, не ко мнѣ — а къ Донѣ-Аннѣ, завтра.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Статую въ гости звать! Зачѣмъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ужъ вѣрно
Не для того, чтобъ съ нею говорить.
Проси статую завтра къ Донѣ-Аннѣ
Придти попозже вечеромъ и стать
У двери на часахъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Охота вамъ
Шутить, и съ кѣмъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ступай же!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Но....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ступай!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Преславная, прекрасная статуя!
Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, покорно проситъ
Пожаловать..... Ей-Богу, не могу:
Мнѣ страшно.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Трусъ! вотъ я тебя!...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Позвольте.
Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, васъ проситъ завтра
Придти попозже въ домъ супруги вашей
И стать у двери.... (*Статуя киваетъ головой въ знакъ согласія*). Ай!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что тамъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ай, ай!...
Ай, ай!... умру!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что сдѣлалось съ тобою?

ЛЕПОРЕЛЛО, (*кивая головой*).

Статуя.... ай!....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты кланяешься!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ,
Не я — она!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Какой ты вздоръ несешь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Подите сами.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ну, смотри жъ, бездѣльникъ!
(*Статуѣ*). Я, Командоръ, прошу тебя придти
Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,
И стать у двери на часахъ. Что? будешь?
(*Статуя киваетъ опять*). О Боже!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что? я говорилъ....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Уйдемъ.

СЦЕНА IV.

(*Комната Доны-Анны*)

ДОНЪ-ЖУАНЪ и ДОНА-АННА.

ДОНА-АННА.

Я приняла васъ, Донъ-Дiего—только
Боюсь, моя печальная бесѣда

Скучна вамъ будетъ. Бѣдная вдова,
Все помню я свою потерю: слезы
Съ улыбкою мѣшаю, какъ апрѣль.
Что жъ вы молчите?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Наслаждаюсь молча,
Глубоко — мыслью быть наединѣ
Съ прелестной Доной-Анной, здѣсь — не тамъ,
Не при гробницѣ мертваго счастливца —
И вижу васъ уже не на колѣнахъ
Предъ мраморнымъ супругомъ.

ДОНА-АННА.

Донъ-Діего,
Такъ вы ревнивы! Мужъ мой и во гробѣ
Васъ мучитъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я не долженъ ревновать:
Онъ вами выбранъ былъ.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ; мать моя
Велѣла мнѣ дать руку Донъ-Альвару.
Мы были бѣдны, Донъ-Альваръ богатъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Счастливецъ! Онъ сокровища пустыя
Принесъ къ ногамъ богини: вотъ за что
Вкусилъ онъ райское блаженство! Если бъ
Я прежде васъ узналъ — съ какимъ восторгомъ
Мой санъ, мои богатства, все бы отдалъ,
Все, за единый благосклонный взглядъ!

Я былъ бы рабъ священной вашей воли!
Всѣ ваши прихоти я бъ изучалъ,
Чтобъ ихъ предупреждать, чтобъ ваша жизнь
Была однимъ волшебствомъ безпрерывнымъ!
Увы, судьба судила мнѣ иное!

ДОНА-АННА.

Діего, перестаньте! Я грѣшу,
Васъ слушая — мнѣ васъ любить нельзя:
Вдова должна и гробу быть вѣрна.
Когда бы знали вы, какъ Донъ-Альваръ
Меня любилъ! О, Донъ-Альваръ ужъ вѣрно
Не принялъ бы къ себѣ влюбленной дамы,
Когда бъ онъ овдовѣлъ: онъ былъ бы вѣренъ
Супружеской любви.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не мучьте сердца
Мнѣ, Дона-Анна, вѣчнымъ поминаньемъ
Супруга. Полно вамъ меня казнить,
Хоть казнь я заслужилъ, быть можетъ.

ДОНА-АННА.

Чѣмъ же?
Вы узами не связаны святыми
Ни съ кѣмъ — не правда ль? Полюбивъ меня,
Вы предо мной и передъ небомъ правы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Предъ вами! Боже!

ДОНА-АННА.

Развѣ вы виновны
Передо мной? скажите, въ чемъ же?... ну!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, никогда —

ДОНА-АННА.

Діего, что такое?
Вы предо мной неправы? въ чемъ, скажите?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, ни за что!

ДОНА-АННА.

Діего, это странно:
Я васъ прошу, я требую...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!

ДОНА-АННА.

А! такъ-то вы моей послушны волѣ!
А что сейчасъ вы говорили мнѣ?
Что вы бъ рабомъ моимъ желали быть.
Я разсержусь, Діего: отвѣчайте,
Въ чемъ предо мной виновны вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не смѣю:
Вы ненавидѣть станете меня.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ заранѣе прощаю,
Но знать хочу.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не желайте знать
Ужасную, убійственную тайну.

ДОНА-АННА.

Ужасную!... Вы мучите меня:
Я страхъ, какъ любопытна — что такое?
И какъ меня могли вы оскорбить?
Я васъ не знала. У меня враговъ
И нѣтъ и не было. Убійца мужа
Одинъ и есть.

ДОНЪ-ЖУАНЪ (*про себя*).

Идетъ къ развязкѣ дѣло!
Скажите мнѣ: несчастный Донъ-Жуанъ
Вамъ незнакомъ?

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, отъ роду его
Я не видала.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вы въ душѣ къ нему
Питаете вражду?

ДОНА-АННА.

По долгу чести.
Но вы отвлечь стараетесь меня
Отъ моего вопроса, Донъ-Діего —
Я требую.....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что, если бъ Донъ-Жуана
Вы встрѣтили?

ДОНА-АННА.

Тогда бы я злодѣю
Кинжалъ вонзила въ сердце.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Дона-Анна,
Гдѣ твой кинжалъ? — вотъ грудь моя.

ДОНА-АННА.

Діего!
Что вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я не Діего — я Жуанъ.

ДОНА-АННА.

О Боже! нѣтъ, не можетъ быть, не вѣрю...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я Донъ-Жуанъ.

ДОНА-АННА.

Не правда.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я убилъ
Супруга твоего; и не жалѣю
О томъ — и нѣтъ раскаянья во мнѣ.

ДОНА-АННА.

Что слышу я? нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я Донъ-Жуанъ, и я тебя люблю.

ДОНА-АННА, (*падая*).

Гдѣ я?... гдѣ я?... мнѣ дурно, дурно!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Небо!
Что съ нею? что съ тобою, Дона-Анна?

Проснись, опомнись: твой Діего,
Твой рабъ у ногъ твоихъ!

ДОНА-АННА.

Оставь меня.
(*Слабо*). Ты, ты мнѣ врагъ — ты отнялъ у меня
Все, все что въ жизни....

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Милое созданье!
Я всѣмъ готовъ ударъ мой искупить;
У ногъ твоихъ жду только приказанья:
Вели — умру; вели дышать—я буду
Лишь для тебя....

ДОНА-АННА.

Такъ это Донъ-Жуанъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не правда ли: онъ былъ описанъ вамъ
Злодѣемъ, извергомъ?
О Дона-Анна!
Молва, быть можетъ, не совсѣмъ не права;
На совѣсти усталой много зла,
Быть можетъ, тяготѣетъ; но съ тѣхъ поръ
Какъ васъ увидѣлъ я, все измѣнилось:
Мнѣ кажется, я весь переродился!
Васъ полюбя, люблю я добродѣтель —
И въ первый разъ смиренно передъ ней
Дрожащія колѣна преклоняю.

ДОНА-АННА.

О, Донъ-Жуанъ краснорѣчивъ — я знаю!
Слыхала я: онъ хитрый человѣкъ....
Вы, говорятъ, безбожный развратитель,

Вы сущій демонъ. Сколько бѣдныхъ женщинъ
Вы погубили?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ни одной донынѣ
Изъ нихъ я не любилъ.

ДОНА-АННА.

И я повѣрю,
Чтобъ Донъ-Жуанъ влюбился въ первый разъ,
Чтобъ не искалъ во мнѣ онъ жертвы новой!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда бъ я васъ обманывалъ,
Признался ль я, сказалъ бы я то имя,
Котораго не можете вы слышать?
Гдѣ жъ видны тутъ обдуманность, коварство?

ДОНА-АННА.

Кто знаетъ васъ? Но какъ могли придти
Сюда вы; здѣсь узнать могли бы васъ —
И ваша смерть была бы неизбѣжна.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что значитъ смерть? За сладкій мигъ свиданья
Безропотно отдамъ я жизнь.

ДОНА-АННА.

Но какъ же
Отсюда выдти вамъ, неосторожный?

ДОНЪ-ЖУАНЪ (*цѣлуя ей руки*).

И вы о жизни бѣднаго Жуана
Заботитесь! Такъ ненависти нѣтъ
Въ душѣ твоей небесной, Дона-Анна?

ДОНА-АННА.

Ахъ, если бъ васъ могла я ненавидѣть!
Однако жъ надобно разстаться намъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда жъ опять увидимся?

ДОНА-АННА.

Не знаю,
Когда-нибудь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А завтра?

ДОНА-АННА

Гдѣ же?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Здѣсь.

ДОНА-АННА.

О, Донъ-Жуанъ, какъ сердцемъ я слаба!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ залогъ прощанья мирный поцѣлуй....

ДОНА-АННА.

Поди, пора.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Одинъ, холодный, мирный....

ДОНА-АННА.

Какой ты неотвязчивый! на, вотъ онъ....
(*Стучатъ*).
Что тамъ за стукъ?... О, скройся, Донъ-Жуанъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Прощай же, до свиданья, другъ мой милый.
(*Уходитъ и вбѣгаетъ опять*).
А!....

ДОНА-АННА.

Что съ тобой? А!... (*Входитъ статуя Командора, Дона-Анна падаетъ*).

СТАТУЯ.

Я на зовъ явился.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, Боже! Дона-Анна!

СТАТУЯ.

Брось ее,
Все кончено. Дрожишь ты, Донъ-Жуанъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я? нѣтъ!.. Я звалъ тебя и радъ, что вижу.

СТАТУЯ.

Дай руку.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вотъ она.... о, тяжело
Пожатье каменной его десницы!
Оставь меня, пусти, пусти мнѣ руку!...
Я гибну — кончено — о, Дона-Анна!...
(*Проваливаются*).

V.

ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

(1830.)

(Улица. Накрытый столъ, Нѣсколько пирующихъ мужчинъ и женщинъ).

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Почтенный предсѣдатель! Я напомню
О человѣкѣ, очень намъ знакомомъ,
О томъ, чьи шутки, повѣсти смѣшныя,
Отвѣты острые и замѣчанья,
Столь ѣдкія въ ихъ важности забавной,
Застольную бесѣду оживляли
И разгоняли мракъ, который нынѣ
Зараза, гостья наша, насылаетъ
На самые блестящіе умы.
Тому два дня, нашъ общій хохотъ славилъ
Его разсказы; не возможно быть,
Чтобъ мы въ своемъ веселомъ пированьи

Забыли Джаксона! Его здѣсь кресла
Стоятъ пустыя, будто ожидая
Весельчака; но онъ ушелъ уже
Въ холодныя, подземныя жилища....
Хотя краснорѣчивѣйшій языкъ
Не умолкалъ еще во прахѣ гроба;
Но много насъ еще живыхъ, и намъ
Причины нѣтъ печалиться. И такъ
Я предлагаю выпить въ его память
Съ веселымъ звономъ рюмокъ, съ восклицаньемъ,
Какъ будто бъ былъ онъ живъ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Онъ выбылъ первый
Изъ круга нашего. Пускай въ молчаньи
Мы выпьемъ въ честь его.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Да будетъ такъ!
(*Всѣ пьютъ молча*).

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Твой голосъ, милая, выводитъ звуки
Родимыхъ пѣсенъ съ дикимъ совершенствомъ:
Спой, Мери, намъ, уныло и протяжно,
Чтобъ мы потомъ къ веселью обратились
Безумнѣе, какъ тотъ, кто отъ земли
Былъ отлученъ какимъ нибудь видѣньемъ.

МЕРИ (*поетъ*)

Было время, процвѣтала
Въ мирѣ наша сторона:
Въ воскресеніе бывала
Церковь Божія полна;

Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,
И сверкали въ свѣтломъ полѣ
Серпъ и быстрая коса.

Нынѣ церковь опустѣла;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрѣла;
Роща темная пуста;
И селенье, какъ жилище
Погорѣлое, стоитъ;
Тихо все — одно кладбище
Не пустѣетъ, не молчитъ.

Поминутно мертвыхъ носятъ,
И стенанія живыхъ
Боязливо Бога просятъ
Упокоить души ихъ!
Поминутно мѣста надо,
И могилы межъ собой,
Какъ испуганное стадо,
Жмутся тѣсной чередой.

Если ранняя могила
Суждена моей веснѣ;
Ты, кого я такъ любила,
Чья любовь отрада мнѣ,—
Я молю: не приближайся
Къ тѣлу Дженни ты своей;
Устъ умершихъ не касайся:
Слѣдуй издали за ней.

И потомъ оставь селенье!
Уходи куда нибудь,

Гдѣ бъ ты могъ души мученье
Усладить и отдохнуть!
И когда зараза минетъ,
Посѣти мой бѣдный прахъ;
А Эдмонда не покинетъ
Дженни даже въ небесахъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Благодаримъ, задумчивая Мери,
Благодаримъ за жалобную пѣсню!
Въ дни прежніе чума такая жъ, видно,
Холмы и долы ваши посѣтила,
И раздавались жалкія стенанья
По берегамъ потоковъ и ручьевъ,
Бѣгущихъ нынѣ весело и мирно
Сквозь дикій рай твоей земли родной:
И мрачный годъ, въ который пало столько
Отважныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ жертвъ,
Едва оставилъ память о себѣ
Въ какой нибудь простой пастушьей пѣснѣ,
Унылой и пріятной... Нѣтъ, ничто
Такъ не печалитъ насъ среди веселій,
Какъ томный, сердцемъ повторенный звукъ!

МЕРИ.

О, если бъ никогда я не пѣвала
Внѣ хижины родителей своихъ!
Они свою любили слушать Мери:
Самой себѣ я, кажется, внимаю,
Поющей у родимаго порога.
Мой голосъ слаще былъ въ то время: онъ
Былъ голосомъ невинности...

ЛУИЗА.

Не въ модѣ
Теперь такія пѣсни! Но все жъ есть
Еще простыя души: рады таять
Отъ женскихъ слезъ, и слѣпо вѣрятъ имъ.
Она увѣрена, что взоръ слезливый
Ея неотразимъ; а если бъ тоже
О смѣхѣ думала своемъ, то вѣрно
Все бъ улыбалась. Вальсингамъ хвалилъ
Крикливыхъ сѣверныхъ красавицъ: вотъ
Она и разстоналась. Ненавижу
Волосъ Шотландскихъ этихъ желтизну.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Послушайте: я слышу стукъ колесъ!
(Ѣдетъ телега, наполненная мертвыми тѣлама. Негръ управляетъ ею).
Ага! Луизѣ дурно; въ ней, я думалъ,
По языку судя, мужское сердце.
Но такъ - то: нѣжнаго слабѣй жестокой,
И страхъ живетъ въ душѣ, страстьми томимой!
Брось, Мери, ей воды въ лице. Ей лучше.

МЕРИ.

Сестра моей печали и позора,
Прилягъ на грудь мою.

ЛУИЗА *(приходя въ чувство)*.

Ужасный демонъ
Приснился мнѣ: весь черный, бѣлоглазый...
Онъ звалъ меня въ свою тележку. Въ ней
Лежали мертвые — и лепетали

Ужасную, невѣдомую рѣчь...
Скажите мнѣ: во снѣ ли это было?
Проѣхала ль телега?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ну, Луиза,
Развеселись! Хоть улица вся наша —
Безмолвное убѣжище отъ смерти,
Пріютъ пировъ ничѣмъ невозмутимыхъ,
Но знаешь? эта черная телега
Имѣетъ право всюду разъѣзжать —
Мы пропускать ее должны! Послушай
Ты, Вальсингамъ: для пресѣченья споровъ
И слѣдствій женскихъ обмороковъ, спой
Намъ пѣсню — вольную, живую пѣсню,
Не грустію Шотландской вдохновенну,
А буйную, вакхическую пѣснь,
Рожденную за чашею кипящей!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Такой не знаю; но спою вамъ гимнъ
Я въ честь чумы: я написалъ его
Прошедшей ночью, какъ разстались мы.
Мнѣ странная нашла охота къ рифмамъ
Впервые въ жизни! Слушайте жъ меня:
Охриплый голосъ мой приличенъ пѣснѣ.

МНОГІЕ.

Гимнъ въ честь чумы! послушаемъ его!
Гимнъ въ честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ (*поетъ*).

Когда могущая зима,
Какъ бодрый вождь, ведетъ сама

На насъ косматыя дружины
Своихъ морозовъ и снѣговъ,
На встрѣчу ей трещатъ камины,
И веселъ зимній жаръ пировъ.

Царица грозная, Чума
Теперь идетъ на насъ сама,
И льстится жатвою богатой,
И къ намъ въ окошко день и ночь
Стучитъ могильною лопатой...
Что дѣлать намъ? и чѣмъ помочь?

Какъ отъ проказницы зимы,
Запремся также отъ Чумы!
Зажжемъ огни, нальемъ бокалы,
Утопимъ весело умы —
И, заваривъ пиры да балы,
Возславимъ царствіе Чумы!

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ,
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ Аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи Чумы!

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья —
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.

И такъ — хвала тебѣ, Чума!
Намъ не страшна могилы тьма,

Насъ не смутитъ твое призванье!
Бокалы пѣнимъ дружно мы,
И Дѣвы-Розы пьемъ дыханье —
Быть можетъ — полное Чумы!

(*Входитъ старый священникъ*).

СВЯЩЕННИКЪ.

Безбожный пиръ, безбожные безумцы!
Вы пиршествомъ и пѣснями разврата
Ругаетесь надъ мрачной тишиной,
Повсюду смертію распространенной!
Средь ужаса плачевныхъ похоронъ,
Средь блѣдныхъ лицъ, молюсь я на кладбищѣ,
А ваши ненавистные восторги
Смущаютъ тишину гробовъ — и землю
Надъ мертвыми тѣлами потрясаютъ!
Когда бы стариковъ и женъ моленья
Не освятили общей, смертной ямы,
Подумать могъ бы я, что нынче бѣсы
Погибшій духъ безбожника терзаютъ
И въ тьму кромѣшную тащатъ со смѣхомъ.

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Онъ мастерски объ адѣ говоритъ;
Ступай, старикъ! ступай своей дорогой!

СВЯЩЕННИКЪ.

Я заклинаю васъ святою кровью
Спасителя, распятаго за насъ:
Прервите пиръ чудовищный, когда
Желаете вы встрѣтить въ небесахъ
Утраченныхъ возлюбленныя души.
Ступайте по своимъ домамъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Домà
У насъ печальны: юность любитъ радость.

СВЯЩЕННИКЪ.

Ты ль это, Валъсингамъ? ты ль самый тотъ,
Кто три тому недѣли, на колѣняхъ,
Трупъ матери, рыдая, обнималъ
И съ воплемъ бился надъ ея могилой?
Иль думаешь: она теперь не плачетъ,
Не плачетъ горько въ самыхъ небесахъ,
Взирая на пирующаго сына
Въ пиру разврата; слыша голосъ твой,
Поющій бѣшеныя пѣсни между
Мольбы святой и тяжкихъ воздыханій?
Ступай за мной!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Зачѣмъ приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не долженъ
Я за тобой идти: я здѣсь удержанъ
Отчаяньемъ, воспоминаньемъ страшнымъ,
Сознаньемъ беззаконья моего,
И ужасомъ той мертвой пустоты,
Которую въ моемъ дому встрѣчаю,
И новостью сихъ бѣшеныхъ веселій,
И благодатнымъ ядомъ этой чаши,
И ласками (прости меня, Господь!)
Погибшаго, но милаго созданья...
Тѣнь матери не вызоветъ меня
Отселѣ; поздно слышу голосъ твой,
Меня зовущій; признаю усилья

Меня спасти... Старикъ! иди же съ миромъ;
Но проклятъ будь, кто за тобой пойдетъ!

МНОГІЕ.

Bravo, bravo, достойный председатель!
Вотъ проповѣдь тебѣ! пошелъ! пошелъ!

СВЯЩЕННИКЪ.

Матильды чистый духъ тебя зоветъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ (*встаетъ*).

Клянись же мнѣ, съ поднятой къ небесамъ,
Увядшей, блѣдною рукой, оставить
Въ гробу навѣкъ умолкнувшее имя!
О, если бъ отъ очей ея безсмертныхъ
Скрыть это зрѣлище! Меня когда - то
Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ —
И знала рай въ объятіяхъ моихъ...
Гдѣ я?... Святое чадо свѣта! вижу
Тебя я тамъ, куда мой падшій духъ
Не досягнетъ уже...

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Онъ сумасшедшій:
Онъ бредитъ о женѣ похороненной!

СВЯЩЕННИКЪ.

Пойдемъ, пойдемъ...

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Отецъ мой, ради Бога,
Оставь меня!

СВЯЩЕННИКЪ.

Спаси тебя Господь!
Прости, мой сынъ. (*Уходитъ. Пиръ продолжается. Предсѣдатель остается, погруженный въ глубокую задумчивость*).

VI.

РУСАЛКА.

(1832.)

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

БЕРЕГЪ ДНѢПРА. — МЕЛЬНИЦА.

МЕЛЬНИКЪ и ДОЧЬ ЕГО.

МЕЛЬНИКЪ.

Охъ, то-то всѣ вы, дѣвки молодыя,
Всѣ глупы вы! Ужъ если подвернулся
Къ вамъ человѣкъ завидный, непростой,
Такъ должно вамъ его себѣ упрочить,
А чѣмъ? Разумнымъ, честнымъ поведеньемъ,
Заманивать то строгостью, то лаской;
Порою исподволь, обинякомъ
О свадьбѣ заговаривать, а пуще

Беречь свою дѣвическую честь —
Безцѣнное сокровище; она —
Что слово : разъ упустишь, не воротишь.
А коли нѣтъ на свадьбу ужъ надежды,
То все-таки, по крайней мѣрѣ, можно
Какой-нибудь барышъ себѣ, иль пользу
Роднымъ, да выгадать; подумать надо:
«Не вѣчно жъ будетъ онъ меня любить
«И баловать меня.» Да нѣтъ! куда
Вамъ помышлять о добромъ дѣлѣ! Кстати ль?
Вы тотчасъ одурѣете: вы рады
Исполнить даромъ прихоти его,
Готовы цѣлый день висѣть на шеѣ
У милаго дружка; а милый другъ
Глядь — и пропалъ, и слѣдъ простылъ; а вы
Осталися ни съ чѣмъ... Охъ, всѣ вы глупы!
Не говорилъ ли я тебѣ сто разъ:
Эй, дочь, смотри, не будь такая дура,
Не прозѣвай ты счастья своего,
Не упускай ты Князя, да спроста
Не погуби самой себя. Что жъ вышло?
Сиди теперь, да вѣчно плачь о томъ,
Чего ужъ не воротишь.

ДОЧЬ.

Почему же
Ты думаешь, что бросилъ онъ меня?

МЕЛЬНИКЪ.

Какъ почему? Да сколько разъ, бывало,
Въ недѣлю онъ на мельницу ѣзжалъ?
А?... всякій Божій день, а иногда
И дважды въ день; а тамъ все рѣже, рѣже

Сталъ пріѣзжать — и вотъ девятый день,
Какъ не видали мы его. Что скажешь?

ДОЧЬ.

Онъ занятъ; мало ль у него заботы?
Вѣдь онъ не мельникъ: за него не станетъ
Вода работать! Часто онъ твердитъ,
Что всѣхъ трудовъ его труды тяжелѣ.

МЕЛЬНИКЪ.

Да, вѣрь ему! Когда Князья трудятся?
И что ихъ трудъ? Травить лисицъ и зайцевъ,
Да пировать, да обирать сосѣдей,
Да подговаривать васъ, бѣдныхъ дуръ.
Онъ самъ работаетъ — куда, какъ жалко!
А за меня вода!... А мнѣ покою
Ни днемъ, ни почью нѣтъ; а тамъ посмотришь:
То здѣсь, то тамъ нужна еще починка,
Гдѣ гниль, гдѣ течь. Вотъ если бъ ты у Князя
Умѣла выпросить на перестройку
Хоть нѣсколько деньжонокъ, было бъ лучше.

ДОЧЬ.

Ахъ!

МЕЛЬНИКЪ.

Что такое?

ДОЧЬ.

Чу? Я слышу топотъ
Его коня... Онъ! онъ!

МЕЛЬНИКЪ.

Смотри же, дочь,
Не забывай моихъ совѣтовъ, помни...

ДОЧЬ.

Вотъ онъ, вотъ онъ!

(Входитъ князь. Конюшій уводитъ его коня.)

КНЯЗЬ.

Здорово, милый другъ!
Здорово, мельникъ.

МЕЛЬНИКЪ.

Милостивый Князь.
Добро пожаловать! Давно, давно
Твоихъ очей мы свѣтлыхъ не видали.
Пойду тебѣ готовить угощенье. (*Уходитъ* .

ДОЧЬ.

Ахъ, наконецъ ты вспомнилъ обо мнѣ!
Не стыдно ли тебѣ такъ долго мучить
Меня пустымъ, жестокимъ ожиданьемъ?
Чего мнѣ въ голову не приходило?
Какимъ себя я страхомъ не пугала?
То думала, что конь тебя занесъ
Въ болото или пропасть; что медвѣдь
Тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ;
Что боленъ ты; что разлюбилъ меня...
Но, слава Богу, живъ ты, невредимъ
И любишь все попрежнему меня,
Не правда ли?

КНЯЗЬ.

Попрежнему, мой ангелъ;
Нѣтъ, больше прежняго.

ОНА.

Однако ты
Печаленъ; что съ тобою?

КНЯЗЬ.

Я печаленъ?
Тебѣ такъ показалось. Нѣтъ, я веселъ
Всегда, когда тебя лишь вижу.

ОНА.

Нѣтъ,
Когда ты веселъ, издали ко мнѣ
Спѣшишь и кличешь: гдѣ моя голубка?
Что дѣлаетъ она? А тамъ цѣлуешь
И вопрошаешь: рада ль я тебѣ
И ожидала ли тебя такъ рано?...
А нынче — слушаешь меня ты молча,
Не обнимаешь, не цѣлуешь въ очи.
Ты чѣмъ-нибудь встревоженъ вѣрно? Чѣмъ же?
Ужъ не сердитъ ли на меня?

КНЯЗЬ.

Я не хочу притворствовать напрасно.
Ты права: въ сердцѣ я ношу печаль
Тяжелую; и ты ее не можешь
Ни ласками любовными разсѣять,
Ни облегчить, ни даже раздѣлить.

ОНА.

Но больно мнѣ съ тобою не грустить
Одною грустью. Тайну мнѣ повѣдай.
Позволишь — буду плакать, не позволишь —
Ни слезкой я тебѣ не досажу.

КНЯЗЬ.

Зачѣмъ мнѣ медлить? Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
Мой милый другъ, ты знаешь, нѣтъ на свѣтѣ
Блаженства прочнаго: ни знатный родъ,
Ни красота, ни сила, ни богатство,
Ничто бѣды не можетъ миновать.
И мы — не правда ли, моя голубка? —
Мы были счастливы! По крайней мѣрѣ
Я счастливъ былъ тобою, твоей любовью:
И что впередъ со мною ни случится,
Гдѣ бъ ни былъ я, всегда я буду помнить
Тебя, мой другъ: того, что я теряю,
Ничто на свѣтѣ мнѣ не замѣнитъ!

ОНА.

Я словъ твоихъ еще не понимаю,
Но ужъ мнѣ страшно. Намъ судьба грозитъ,
Готовитъ намъ невѣдомое горе —
Разлуку, можетъ быть...

КНЯЗЬ.

Ты угадала:
Разлука намъ судьбою суждена.

ОНА.

Кто насъ разлучитъ? Развѣ за тобою
Идти во слѣдъ я всюду невластна?
Я мальчикомъ одѣнусь; вѣрно буду
Тебѣ служить дорогою, въ походѣ
Иль на войнѣ; войны я не боюсь,
Лишь видѣла бъ тебя. Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрю:
Иль вывѣдать мои ты мысли хочешь,
Или со мной пустую шутку шутишь...

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, шутки мнѣ на умъ нейдутъ сегодня,
Вывѣдывать тебя не нужно мнѣ;
Не снаряжаюсь я ни въ дальній путь,
Ни на войну; я дома остаюсь,
Но долженъ я съ тобой навѣкъ проститься.

ОНА.

Постой, теперь я понимаю все:
Ты женишься? (*Князь молчитъ*). Ты женишься?

КНЯЗЬ.

Что дѣлать?
Сама ты разсуди. Князья не вольны
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Себѣ подругъ берутъ, а по разсчетамъ
Иныхъ людей, для выгоды чужой...
Твою печаль утѣшитъ Богъ и время!
Не забывай меня! Возьми напамять
Повязку — дай тебѣ я самъ надѣну.
Еще привезъ съ собою ожерелье —
Возьми его. Да вотъ еще: отцу
Я это посулилъ — отдай ему. (*Даетъ ей въ руки мѣшокъ съ золотомъ*).
Прощай!

ОНА.

Постой, тебѣ сказать должна я —
Не помню что.

КНЯЗЬ.

Припомни.

ОНА.

Для тебя
Я все готова... Нѣтъ не то... Постой...

Нельзя, чтобы навѣки, въ самомъ дѣлѣ,
Меня ты могъ покинуть... Все не то...
Да, вспомнила: сегодня у меня
Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся.

КНЯЗЬ.

Несчастная! Какъ быть? Хоть для него
Побереги себя! Я не оставлю
Ни твоего ребенка, ни тебя.
Современемъ, быть можетъ, самъ пріѣду
Васъ навѣстить. Утѣшься, не крушися.
Дай обниму тебя въ послѣдній разъ.
(*Уходя*). Ухъ, кончено! Душѣ какъ будто легче.
Я бури ждалъ, но дѣло обошлось
Довольно тихо. (*Уходитъ. Она остается неподвижною*).

МЕЛЬНИКЪ (*входитъ*).

Не угодно ль будетъ
Пожаловать на мель.... Да гдѣ же онъ?
Скажи, гдѣ Князь нашъ? Ба, ба, ба! Какая
Повязка! Вся въ каменьяхъ дорогихъ!
Такъ и горитъ! И бусы!... Ну, скажу,
Подарокъ царскій. Ахъ, онъ благодѣтель!...
А это что? мѣшечекъ! Ужъ не деньги ль?...
Да что же ты стоишь, не отвѣчаешь,
Не вымолвишь словечка? Али ты
Отъ радости нежданой одурѣла,
Иль на тебя столбнякъ нашелъ?

ДОЧЬ.

Не вѣрю.
Не можетъ быть. Я такъ его любила...

Или онъ звѣрь? Иль сердце у него
Косматое?

МЕЛЬНИКЪ.

О комъ ты говоришь?

ДОЧЬ.

Скажи, родимый: какъ могла его
Я прогнѣвить? Въ одну недѣлю развѣ
Моя краса пропала? Иль его
Отравой опоили?

МЕЛЬНИКЪ.

Что съ тобою?

ДОЧЬ.

Родимый, онъ уѣхалъ! Вонъ онъ скачетъ!
И я, безумная, его пустила!
Я за полы его не уцѣпилась!
Я не повисла на уздѣ коня!
Пускай же бъ онъ съ досады отрубилъ
Мнѣ руки по локоть; пускай бы тутъ же
Онъ растопталъ меня своимъ конемъ!

МЕЛЬНИКЪ.

Что съ нею?

ДОЧЬ.

Видишь ли — Князья не вольны
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Берутъ жену себѣ.... А вольно имъ,
Небось, подманивать, божиться, плакать
И говорить: «тебя я повезу
«Въ мой свѣтлый теремъ, въ тайную свѣтлицу,
«И наряжу въ парчу и въ бархатъ алый!»

Имъ вольно бѣдныхъ дѣвушекъ учить
Съ полуночи на свистъ ихъ подыматься,
И до зари за мельницей сидѣть!
Имъ любо сердце Княжеское тѣшить
Бѣдами нашими! А тамъ прощай:
Ступай, голубушка, куда захочешь;
Люби, кого замыслишь!...

МЕЛЬНИКЪ.

Вотъ въ чемъ дѣло!...

ДОЧЬ.

Да кто же, кто невѣста? На кого
Онъ промѣнялъ меня? О, я узнаю!
Я доберусь; я ей скажу, злодѣйкѣ:
Отстань отъ насъ! ты видишь: двѣ волчихи
Не водятся въ одномъ оврагѣ...

МЕЛЬНИКЪ.

Дура!
Ужъ если Князь беретъ себѣ невѣсту,
Кто можетъ помѣшать ему? Вотъ то-то!
Не говорилъ ли я тебѣ...

ДОЧЬ.

И могъ онъ,
Какъ добрый человѣкъ, со мной прощаться,
И мнѣ давать подарки! Каково?
И деньги! Выкупить себя онъ думалъ!
Онъ мнѣ хотѣлъ языкъ засеребрить,
Чтобъ не прошла о немъ худая слава
И не дошла до молодой жены!...
Да, бишь, забыла я; тебѣ отдать

Велѣлъ онъ это серебро за то,
Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
За нимъ пускалъ таскаться, что ее
Держалъ не строго.... Въ прокъ тебѣ пойдетъ
Моя погибель! (*Отдастъ ему мѣшокъ*).

МЕЛЬНИКЪ (*въ слезахъ*).

До чего я дожилъ!
Что Богъ привелъ услышать! Грѣхъ тебѣ
Такъ горько упрекать отца роднаго.
Одно дитя ты у меня на свѣтѣ,
Одна отрада въ старости моей:
Какъ было мнѣ тебя не баловать?
Богъ наказалъ меня за то, что слабо
Я выполнилъ отцовскій долгъ.

ДОЧЬ.

Охъ, душно!
Холодная змѣя мнѣ шею давитъ...
Змѣею подколодной онъ меня —
Не жемчугомъ опуталъ... (*рветъ съ себя жемчугъ*).
Такъ бы я
Разорвала тебя змѣю - злодѣйку,
Проклятую разлучницу мою!

МЕЛЬНИКЪ.

Ты бредишь, право бредишь.

ДОЧЬ (*снимаетъ съ себя повязку*).

Вотъ вѣнецъ мой,
Вѣнецъ позорный! Вотъ чѣмъ насъ вѣнчалъ
Лукавый врагъ, когда я отреклася
Ото всего, чѣмъ прежде дорожила!

Мы развѣнчались. Сгинь ты, мой вѣнецъ! (*бросаетъ повязку въ Днѣпръ*).
Теперь все кончено!... (*бросается въ рѣку*).

СТАРИКЪ (*падая*).

Охъ, горе, горе!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

КНЯЖЕСКІЙ ТЕРЕМЪ.

СВАДЬБА. МОЛОДЫЕ СИДЯТЪ ЗА СТОЛОМЪ. ГОСТИ. ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ

СВАТЪ.

Веселую мы свадебку сыграли.
Ну, здравствуй, Князь съ Княгиней молодой!
Дай Богъ вамъ жить въ любови да совѣтѣ,
А намъ у васъ почаще пировать.
Что жъ, красныя дѣвицы, вы примолкли?
Что жъ, бѣлыя лебедушки, притихли?
Али всѣ пѣсенки вы перепѣли?
Аль горлышки отъ пѣнья пересохли?

ХОРЪ.

Сватушка, сватушка,
Безтолковый сватушка!
По невѣсту ѣхали —
Въ огородъ заѣхали,

Пива бочку пролили,
Всю капусту полили,
Тыну поклонилися,
Вереѣ молилися:
Верея ль, вереюшка,
Укажи дороженьку
По невѣсту ѣхати.
Сватушка, догадайся,
За мошоночку принимайся:
Въ мошнѣ денежка шевелится,
Краснымъ дѣвушкамъ норовится.

СВАТЪ.

Насмѣшницы, ужъ выбрали вы пѣсню!
На, на, возьмите, не корите свата.
(Даритъ дѣвушекъ).

ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

По камушкамъ, по желтому песочку
Пробѣгала быстрая рѣчка;
Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки,
Двѣ рыбки, двѣ малыя платицы.
А слыхала ль ты, рыбка - сестрица,
Про вѣсти - то наши, про рѣчныя?
Какъ вечоръ у насъ красна дѣвица утопилась,
Утопая, милова друга проклинала?

СВАТЪ.

Красавицы! да это что за пѣсня?
Она, кажись, не свадебная, нѣтъ.
Кто выбралъ эту пѣсню? а?

ДѢВУШКИ.

Не я,
Не я, не мы....

СВАТЪ.

Да кто же пропѣлъ ее?
(*Шопотъ и смятеніе между дѣвушками*).

КНЯЗЬ.

Я знаю кто. (*Встаетъ изъ-за стола и говоритъ тихо конюшему*).
Вѣдь мельничиха здѣсь:
Скорѣе выведи ее. Да свѣдай,
Кто смѣлъ ее впустить? (*Конюшій подходитъ къ дѣвушкамъ*).

КНЯЗЬ (*про себя*).

Она, пожалуй,
Готова здѣсь надѣлать столько шуму,
Что со стыда не буду знать, куда
И спрятаться!

КОНЮШІЙ.

Я не нашелъ ее.

КНЯЗЬ.

Ищи. Она, я знаю, здѣсь. Она
Пропѣла эту пѣсню.

ГОСТЬ.

Ай-да медъ!
И въ голову и въ ноги такъ и бьетъ.
Жаль, горекъ: подсластить его бъ не худо...
(*Молодые цѣлуются. Слышенъ слабый крикъ*).

КНЯЗЬ.

Она! Вотъ крикъ ея ревнивый! Что?

КОНЮШІЙ.

Я не нашелъ ее нигдѣ.

КНЯЗЬ.

Дуракъ.

ДРУЖКО (*вставая*).

Не время ль намъ Княгиню выдать мужу,
Да молодыхъ въ дверяхъ осыпать хмѣлемъ?
(*Всѣ встаютъ*).

СВАХА.

Вѣстимо, время. Дайте жъ пѣтуха.
(*Молодыхъ кормятъ жаренымъ пѣтухомъ, осыпаютъ хмѣлемъ, и ведутъ въ спальню*).

СВАХА.

Княгиня-душенька, не плачь, не бойся,
Послушна будь.
(*Молодые уходятъ въ спальню. Всѣ расходятся, кромѣ свахи и дружка*).

ДРУЖКО.

Гдѣ чарочка? Всю ночь
Подъ окнами я буду разъѣзжать,
Такъ укрѣпиться мнѣ виномъ не худо.

СВАХА (*наливаетъ ему чарку*).

На, кушай, на-здоровье.

ДРУЖКО.

Ухъ, спасибо!
Все хорошо, не правда ль, обошлось?
И свадьба хоть куда?

СВАХА.

Да, слава Богу,
Все хорошо: одно нехорошо...

ДРУЖКО.

А что?

СВАХА.

Да не къ добру пропѣли пѣсню
Не свадебную, а Богъ вѣсть какую.

ДРУЖКО.

Ужъ эти дѣвушки! никакъ нельзя имъ
Не попроказить. Статочно ли дѣло
Мутить нарочно Княжескую свадьбу!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

СВѢТЛИЦА.

КНЯГИНЯ и МАМКА.

КНЯГИНЯ.

Чу! кажется, трубятъ. Нѣтъ, онъ не ѣдетъ.
Ахъ, мамушка! какъ былъ онъ женихомъ,
Онъ отъ меня на шагъ не отлучался,
Съ меня очей, бывало, не сводилъ:

Женился онъ — и все пошло не такъ!
Теперь меня ранехонько разбудитъ,
И ужъ велитъ себѣ коня сѣдлать,
Да до ночи Богъ вѣдаетъ, гдѣ ѣздитъ.
Воротится — чуть ласковое слово
Промолвитъ мнѣ, чуть ласковой рукой
По бѣлому лицу меня потреплетъ.

МАМКА.

Княгинюшка! мужчина, что пѣтухъ:
Кури-куку! махъ, махъ крыломъ — и прочь!
А женщина — что бѣдная насѣдка:
Сиди себѣ да выводи цыплятъ.
Пока женихъ — ужъ онъ не насидится,
Ни пьетъ, ни ѣстъ, глядитъ, не наглядится;
Женился — и заботы настаютъ:
То надобно сосѣдей навѣстить,
То на охоту ѣхать съ соколами,
То на войну нелегкая несетъ,
Туда, сюда — а дома не сидится.

КНЯГИНЯ.

Какъ думаешь? Ужъ нѣтъ ли у него
Зазнобы тайной?

МАМКА.

Полно, не грѣши.
Да на кого тебя онъ промѣняетъ?
Ты всѣмъ взяла: умомъ, красою ненаглядной,
Обычаемъ и разумомъ. Подумай,
Родимая: ну въ комъ ему найти,
Какъ не въ тебѣ, сокровище такое?

КНЯГИНЯ.

Когда бъ услышалъ Богъ мои молитвы
И мнѣ послалъ дѣтей, къ себѣ тогда бъ
Умѣла вновь я мужа привязать...
А! полонъ дворъ охотниками. Мужъ
Домой пріѣхалъ. Что жъ его не видно?

(*Входитъ Ловчій*).

Что Князь, гдѣ онъ?

ЛОВЧІЙ.

Князь приказалъ домой
Отъѣхать намъ.

КНЯГИНЯ.

А гдѣ жъ онъ самъ?

ЛОВЧІЙ.

Остался
Одинъ въ лѣсу на берегу Днѣпра.

КНЯГИНЯ.

И Князя вы осмѣлились оставить
Тамъ одного? Усердные вы слуги!
Сейчасъ назадъ, сейчасъ къ нему скачите
Сказать ему, что я прислала васъ!

(*Ловчій уходитъ*).

Ахъ, Боже мой! въ лѣсу ночной порою
И дикій звѣрь, и лютый человѣкъ,
И лѣшій бродитъ — долго ль до бѣды!
Скорѣй зажги свѣчу передъ иконой.

МАМКА.

Бѣгу, мой свѣтъ, бѣгу.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДНѢПРЪ. НОЧЬ.

РУСАЛКИ.

Веселой толпою,
Съ глубокаго дна,
Мы ночью всплываемъ;
Насъ грѣетъ луна!...

Любо намъ порой ночною
Дно рѣчное покидать,
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать,
Подавать другъ дружкѣ голосъ.
Воздухъ звонкій раздражать,
И зеленый влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхать.

ОДНА.

Тише! птичка подъ кустами
Встрепенулася во мглѣ.

ДРУГАЯ.

Между мѣсяцемъ и нами
Кто-то ходитъ по землѣ.

(*Прячутся*).

КНЯЗЬ.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила...

Знакомыя, печальныя мѣста!
Я узнаю окрестные предметы:
Вотъ мельница... Она ужъ развалилась;
Веселый шумъ ея колесъ умолкнулъ;
Сталъ жорновъ: видно, умеръ и старикъ!
Дочь бѣдную оплакивалъ онъ долго!
Тропинка тутъ вилась — она заглохла...
Давно, давно сюда никто не ходитъ.
Тутъ садикъ былъ съ заборомъ — неуже ли
Разросся онъ кудрявой этой рощей?
Ахъ, вотъ и дубъ завѣтный! Здѣсь она,
Обнявъ меня, поникла и умолкла...
Возможно ли?... (*Идетъ къ дверямъ; листья сыплются*).
Что это значитъ? листья,
Поблекнувъ, вдругъ свернулися, и съ шумомъ,
Какъ дождь, посыпалися на меня!
Передо мной стоитъ онъ голъ и черенъ,
Какъ дерево проклятое. (*Входитъ старикъ въ лохмотьяхъ и полунагой*).

СТАРИКЪ.

Здорово,
Здорово, зять!

КНЯЗЬ.

Кто ты?

СТАРИКЪ.

Я здѣшній воронъ.

КНЯЗЬ.

Возможно ль? это мельникъ!

СТАРИКЪ.

Что за мельникъ!
Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ,

А денежки отдалъ на сохраненье
Русалкѣ, вѣщей дочери моей:
Онѣ въ песку Днѣпра-рѣки зарыты,
Ихъ рыбка одноглазка сторожитъ.

КНЯЗЬ.

Несчастный, онъ помѣшанъ! Мысли въ немъ
Разсѣяны, какъ тучи послѣ бури.

СТАРИКЪ.

Зачѣмъ вечоръ ты не пріѣхалъ къ намъ?
У насъ былъ пиръ, тебя мы долго ждали.

КНЯЗЬ.

Кто ждалъ меня?

СТАРИКЪ.

Кто ждалъ? Вѣстимо, дочь.
Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы
И волю вамъ даю: сиди она
Съ тобою хоть всю ночь, до пѣтуховъ —
Ни слова не скажу я.

КНЯЗЬ.

Бѣдный мельникъ!

СТАРИКЪ.

Какой я мельникъ! Говорятъ тебѣ,
Я воронъ, а не мельникъ. Чудный случай:
Когда (ты помнишь?) бросилась она
Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ,
И съ той скалы прыгнуть хотѣлъ, да вдругъ
Почувствовалъ: два сильныя крыла
Мнѣ выросли внезапно изъ-подъ мышекъ

И въ воздухѣ сдержали. Съ той поры
То здѣсь, то тамъ летаю, то клюю
Корову мертвую, то на могилѣ
Сижу да каркаю.

КНЯЗЬ.

Какая жалость!
Кто жъ за тобою смотритъ?

СТАРИКЪ.

Да, за мною
Присматривать нехудо: старъ я сталъ
И шаловливъ. За мной, спасибо, смотритъ
Русалочка.

КНЯЗЬ.

Кто?

СТАРИКЪ.

Внучка.

КНЯЗЬ.

Невозможно
Понять его! Старикъ, ты здѣсь въ лѣсу
Иль съ голоду умрешь, иль звѣрь тебя
Заѣстъ. Не хочешь ли пойти въ мой теремъ,
Со мною жить?

СТАРИКЪ.

Въ твой теремъ? Нѣтъ, спасибо!
Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,
Удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ,
И сытъ, и воленъ. Не хочу въ твой теремъ.
(Уходитъ).

КНЯЗЬ.

И этому все я виною! Страшно
Ума лишиться! Легче умереть:
На мертвеца глядимъ мы съ уваженьемъ,
Творимъ о немъ молитвы: смерть равняетъ
Съ нимъ каждаго. Но человѣкъ, лишенный
Ума, становится не человѣкомъ:
Напрасно рѣчь ему дана — не правитъ
Словами онъ; въ немъ брата своего
Звѣрь узнаетъ; онъ людямъ въ посмѣянье;
Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судитъ...
Старикъ несчастный! Видъ его во мнѣ
Раскаянья всѣ муки растравилъ.

ЛОВЧІЙ.

Вотъ онъ. На силу-то его сыскали.

КНЯЗЬ.

Зачѣмъ вы здѣсь?

ЛОВЧІЙ.

Княгиня насъ послала.
Она боялась за тебя.

КНЯЗЬ.

Несносна
Ея заботливость! Иль я ребенокъ,
Что шагу мнѣ ступить нельзя безъ нянки?

(Уходитъ. Русалки показываются надъ водой).

РУСАЛКИ.

Что, сестрицы: въ полѣ чистомъ
Не догнать ли ихъ скорѣй?
Плескомъ, хохотомъ и свистомъ

Не пугнуть ли ихъ коней?
Поздно. Волны охладѣли,
Пѣтухи въ дали пропѣли,
Высь небесная темна,
Закатилася луна.

ОДНА.

Подождемъ еще, сестрица.

ДРУГАЯ.

Нѣтъ, пора, пора, пора!
Ожидаетъ насъ царица,
Наша строгая сестра.
(*Скрываются*).

СЦЕНА ПЯТАЯ.

ДНѢПРОВСКОЕ ДНО.

ТЕРЕМЪ РУСАЛОКЪ. РУСАЛКИ ПРЯДУТЪ ОКОЛО СВОЕЙ ЦАРИЦЫ.

СТАРШАЯ РУСАЛКА.

Оставьте пряжу, сестры. Солнце сѣло,
Столбомъ луна блеститъ надъ нами. Полно!
Плывите вверхъ подъ небомъ поиграть,
Да никого не трогайте сегодня:
Ни пѣшехода щекотать не смѣйте,
Ни рыбакамъ ихъ неводъ отягчать

Травой и тиной, ни ребенка въ воду
Заманивать разсказами о рыбкахъ.
(*Входитъ Русалочка*).
Гдѣ ты была?

ДОЧЬ.

На землю выходила
Я къ дѣду. Онъ вечоръ меня просилъ
Со дна рѣки собрать ему тѣ деньги,
Которыя когда-то въ воду къ намъ
Онъ побросалъ. Я долго ихъ искала;
А что такое деньги, я не знаю.
Однако же я вынесла ему
Пригоршню раковинокъ самоцвѣтныхъ:
Онъ очень былъ имъ радъ.

РУСАЛКА.

Безумный скряга!
Послушай, дочка: нынче на тебя
Надѣюсь я. Къ намъ на берегъ сегодня
Придетъ мужчина. Стереги его
И выдь ему на встрѣчу. Онъ намъ близокъ —
Онъ твой отецъ.

ДОЧЬ.

Тотъ самый, что тебя
Покинулъ и на женщинѣ женился?

РУСАЛКА.

Онъ самъ. Къ нему нѣжнѣе приласкайся
И разскажи все то, что отъ меня
Ты знаешь про свое рожденье, также
И про меня. И если спроситъ онъ:
Забыла ль я его иль нѣтъ — скажи,

Что все его я помню и люблю,
И жду къ себѣ. Ты поняла меня?

ДОЧЬ.

О! поняла.

РУСАЛКА.

Ступай же. (*Одна*). Съ той поры.
Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой,
И въ глубинѣ Днѣпра - рѣки очнулась
Русалкою холодной и могучей,
Я каждый день о мщеньи помышляю —
И нынѣ, кажется, мой часъ насталъ.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

БЕРЕГЪ.

КНЯЗЬ.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила!...
Все здѣсь напоминаетъ мнѣ былое
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повѣсть.
Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала
Свободнаго свободная любовь.
Я счастливъ былъ. Безумецъ!... И я могъ

Такъ вѣтрено отъ счастья отказаться!...
Печальныя, печальныя мечты
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
Отецъ несчастный! Какъ ужасенъ онъ!
Авось опять его сегодня встрѣчу,
И согласится онъ оставить лѣсъ
И къ намъ переселиться.... (*Русалочка выходитъ на берегъ*).
Что я вижу!
Откуда ты, прелестное дитя?
. . . .

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТРЕТЬЕМУ ОТДѢЛУ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Борисъ Годуновъ напечатанъ въ Петербургѣ въ 1831 году съ оглавленіемъ: «Борисъ Годуновъ», безъ всякой прибавки и безъ имени автора, которое является только вполнѣ: «Александръ Пушкинъ», въ посвященіи Н. М. Карамзину. (Борисъ Годуновъ. Спб. типографія Департамента Народнаго Просвѣщенія. 1831, in-8. стр 142. Вмѣсто цензурнаго одобренія напечатано: «съ дозволенія Правительства») Одинъ отрывокъ изъ Бориса (сцена Лѣтописца въ Чудовомъ монастырѣ) напечатанъ былъ прежде въ журналѣ: Московскій Вѣстникъ 1827 года № 1; другой (князь Курбскій и Самозванецъ у Литовской границы) въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 годъ; третій (первыя двѣ сцены хроники) въ альманахѣ Денница на 1830 годъ, изданія М. Максимовича.

Извѣстно, что въ посмертномъ изданіи приложены были отдѣльно двѣ новыя сцены къ Борису, которыя теперь включены нами въ самый текстъ — въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ слѣдуетъ быть по указаніямъ рукописи. Мы имѣемъ рукопись, весьма чисто перебѣленную писцемъ, съ заглавіемъ: *Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ.* На ней сохраняется нѣсколько поправокъ, сдѣланныхъ рукою самаго Пушкина, о которыхъ будемъ говорить скоро, и на ней же авторъ обозначилъ всѣ мѣста, выпущенныя въ хроникѣ, при печатаніи ея: къ числу такихъ выпусковъ, опредѣленныхъ авторомъ, принадлежали и двѣ сцены, упомянутыя нами. Сверхъ сего онъ назначилъ къ выпуску еще одну полную сцену и нѣсколько мѣстъ въ разныхъ частяхъ хроники. Приступаемъ къ изложенію исторіи этихъ послѣднихъ измѣненій.

Въ отношеніи полной пропущенной сцены всего болѣе замѣчательно то, что она была цѣликомъ напечатана еще при жизни

Пушкина въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» на 1834 годъ, № 3, изд. Воейкова и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ.

Баронъ Е. Ѳ. Розенъ помѣстилъ въ Деритскомъ журналѣ: «Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst.» (1833, № 1), разборъ трагедіи Пушкина по-Нѣмецки. Русскій переводъ разбора этого приложенъ былъ въ Литтературныхъ Прибавленіяхъ 1834 г. и тамъ въ концѣ читаемъ мы эти любопытныя строки, принадлежащія барону Розену: «Въ заключеніе упомянемъ объ одномъ явленіи, ненапечатанномъ издателемъ (т. е. Пушкинымъ), по совѣтамъ Польскаго поэта М--ва и покойнаго барона Дельвига: будто бы сцена сія ослабляетъ впечатлѣніе, произведенное разсказомъ Пимена.... Авторъ (т. е. Пушкинъ), намѣреваясь помѣстить эту сцену при второмъ изданіи Бориса Годунова, позволилъ намъ предварительно съ нею ознакомить Нѣмецкую публику.» При этихъ словахъ издатель Литтературныхъ Прибавленііі сдѣлалъ лаконическую выноску: «И Русскую». За тѣмъ журналъ цѣликомъ приложилъ самую сцену, имѣвшую заглавіе: *«Ограда монастырская»* и проч. Къ журналу Воейкова мы и отсылаемъ читателя, напоминая ему, что явленіе это должно слѣдовать тотчасъ за сценой Лѣтописца Пимена съ Григорьемъ, въ монастырѣ.

За тѣмъ, въ отношеніи пропущенныхъ мѣстъ, слѣдуетъ по порядку начать съ прибаутки бѣглеца Варлаама (Сцена корчмы на Литовской границѣ). Послѣ словъ Гришки: «Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день», Варлаамъ говоритъ еще въ рукописи.

ВАРЛААМЪ.

«Эй товарищъ! да ты къ хозяйкѣ присусѣлился. Знать не нужна тебѣ водка, а нужна молодка: дѣло, братъ, дѣло! У всякаго свой обычай, а у насъ съ отцемъ Мисаиломъ одна заботушка, пьемъ до донушка, выпьемъ поворотимъ и въ донышко поколотимъ.

МИСАИЛЪ.

Складно сказано, отецъ Варлаамъ...

ГРИГОРІЙ.

Да кого же имъ надобно»? и проч.

Довольно любопытно, что, пѣсенка, которую поетъ Варлаамъ сначала, три раза была измѣнена Пушкинымъ. Сперва онъ пѣлъ у него: *Ты проходишь дорогая»*, и проч., потомъ:

Ахъ, люба ты, люба моя,
Посмотритка ты, люба, на меня»,

и наконецъ уже: «*Какъ во городѣ было во Казани*».

Второй пропускъ относится до сцены въ Царскихъ палатахъ съ Царевичемъ, Царевной Ксеніей и съ ея мамкой. Въ рукописи она начинается такъ:

КСЕНІЯ (*держитъ портретъ*).

«Чтожъ уста твои
Не промолвили,
Очи ясныя
Не проглянули?
Аль уста твои
Затворилися,
Очи ясныя
Закатилися?

Братецъ, а братецъ! скажи: Королевичъ похожъ былъ на мой образокъ?

ѲЕОДОРЪ.

Я говорю тебѣ, что похожъ.

КСЕНІЯ (*цѣлуетъ портретъ*).

Милый мой женихъ»; — далѣе какъ въ печатномъ текстѣ

Третій пропускъ, и уже весьма значительный, находится въ сценѣ пріема Лже-Димитріемъ въ Краковѣ, въ домѣ Вишневецкаго, Польскихъ людей и Русскихъ выходцевъ. Самозванецъ въ рукописи ведетъ еще долгую рѣчь съ Хрущовымъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

. . . .

«Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы,
А тамъ уже Борисъ со мной и съ вами
Разплатится. Чтожъ новаго въ Москвѣ?

ХРУЩОВЪ.

Все тихо тамъ еще. Но ужъ народъ
Спасеніе Царевича провѣдалъ,
Ужъ грамоту твою вездѣ читаютъ.
Всѣ ждутъ тебя. Недавно двухъ Бояръ
Борисъ казнилъ за то, что за столомъ
Они твое здоровье тайно пили.

САМОЗВАНЕЦЪ.

О добрые, несчастные Бояре!
Но кровь за кровь! и горе Годунову!
Что говорятъ о немъ?

ХРУЩОВЪ.

Онъ удалился
Въ печальныя свои палаты. Грозенъ
И мраченъ онъ. Ждутъ казней. Но недугъ
Его грызетъ. Борисъ едва влачится
И думаютъ, его послѣдній часъ
Ужъ не далекъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Какъ врагъ великодушный
Борису я желаю смерти скорой;
Не то бѣда злодѣю! А кого
Наслѣдникомъ нарѣчь намѣренъ онъ?

ХРУЩОВЪ.

Онъ замысловъ своихъ не объявляетъ.
Но кажется, что молодова сына,
Ѳеодора прочитъ намъ въ цари.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Въ разсчетахъ онъ, быть можетъ, ошибется.
Ты кто?

КАРЕЛА.

Казакъ: къ тебѣ....»; — далѣе какъ въ печатномъ текстѣ.

Въ той же сценѣ при представленіи поэта и послѣ стиха Самозванца: «И я люблю Парнасскія цвѣты» въ рукописи есть еще добавленіе:

САМОЗВАНЕЦЪ (*читаетъ про себя*)

ХРУЩОВЪ (*тихо Пушкину*).

Кто сей?

ПУШКИНЪ.

Піитъ.

ХРУЩОВЪ

Какое жъ это званье?

ПУШКИНЪ.

Какъ бы сказать, по-Русски? Виршеписецъ,
Иль скоморохъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Прекрасные стихи!»

Далѣе остальная половина рѣчи Самозванца, какъ въ печати.

Вотъ все что было выброшено самимъ Пушкинымъ. Указавъ эти пропуски, мы уже имѣемъ право думать, что знаемъ всего Бориса Годунова вполнѣ, такъ какъ онъ вышелъ изъ подъ пера своего автора.

Для окончательной полноты замѣтокъ, упомянуть слѣдуетъ еще о слѣдующихъ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ Пушкинымъ, при печатаніи своего произведенія: 1) Сцена Юродиваго на площади, передъ соборомъ, въ рукописи предшествуетъ сценѣ битвы у Новгорода-Сѣверскаго, а въ печати это на оборотъ. 2) Въ разговорѣ Самозванца съ Патеромъ Черниковскимъ, Латинской *Amen* Лже-Димитрія въ рукописи зачеркнутъ и замѣненъ нашимъ: *аминь*; а возстановленъ снова уже при печатаніи; 3) Такъ же точно въ рукописи, при самомъ окончаніи хроники, послѣ извѣщенія Мосальскаго, что дѣти Годунова отравились, народъ еще кричитъ: «*Да здравствуетъ Царь Димитрій Ивановичъ!*» а уже при печатаніи это замѣнено словами: «*народъ безмолствуетъ*», что такъ удивительно заключаетъ хронику, предрѣкая близкій судъ и заслуженную кару преступленію.

Вотъ поправки Пушкина въ отдѣльныхъ стихахъ:

Въ рукописи (сцена Лѣтописца):

«А грозный Царь Игуменомъ *смиреннымъ*»;

въ печати:

«А грозный Царь Игумномъ *богомольнымъ*.»

Въ рукописи (таже сцена Лѣтописца):

«Онъ говорилъ Игумену и братьи»:

въ печати:

«Онъ говорилъ Игумну и всей братьѣ.»

Надо сказать, что при появленіи сцены Лѣтописца въ журналѣ Московскій Вѣстникъ» 1827 года стихи эти являются еще въ первой, неисправленной редакціи. Кстати упомянуть, что одна поправка

Пушкина на рукописи, именно: вмѣсто стиха: «Покайтеся—народъ имъ *загремѣлъ*». — «Покайтеся — народъ имъ *завопилъ*»—въ печать не попала и осуществлена уже нашимъ изданіемъ, какъ и нѣсколько другихъ, менѣе важныхъ, его поправокъ.

Нельзя покинуть разбора этой хроники безъ замѣчанія, что, кромѣ всѣхъ другихъ достоинствъ, Борисъ Годуновъ составляетъ еще замѣчательный филологическій памятникъ девятнадцатаго столѣтія, въ нашемъ отечествѣ. Онъ написанъ самымъ правильнымъ, самымъ простымъ и самымъ изящнымъ Русскимъ словомъ: тутъ вошло множество оттѣнковъ стараго нашего языка, въ поэтической гармоніи съ современнымъ его развитіемъ. Съ этой стороны онъ заслуживаетъ особеннаго изученія писателей и вообще филологовъ. Втораго отдѣльнаго изданія Бориса Годунова не было. Онъ прямо перешелъ изъ перваго въ посмертное собраніе сочиненій Пушкина 1838—41 г.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ.

I. СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

Сцена напечатана въ Московскомъ Вѣстникѣ 1828 г. журналъ М. П. Погодина, № IX, гдѣ имѣла заглавіе: «Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ.» Нынѣшнее оглавленіе ея появляется въ собраніи стихотвореній Пушкина 1829 года. Тамъ же сдѣланы и точки въ концѣ стихотворенія, не бывшія въ журналѣ, слова Науки, Арлекина начинаются малыми буквами, написано *черезмѣру* вмѣсто прежняго *черезъ-мѣру*, которое было ближе къ правописанію Пушкина и проч. Изъ сборника 1829, сцена перешла безъ измѣненій въ посмертное изданіе.

II. СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

Напечатанъ былъ въ журналѣ: «Современникъ», изд. А. Пушкина, 1836 г. томъ первый, съ подписью одной буквы: *Р.* (Первая буква фамиліи по-Французски: Pouchkine).

Въ рукописи произведеніе это названо просто *Скупой* и къ нему приложенъ эпиграфъ изъ Державина, замаранный, кажется, почти тотчасъ же какъ былъ написанъ:

«Престань и ты жить въ погребахъ
Какъ кротъ въ ущеліяхъ подземныхъ.»
Державинъ.

О слѣдовавшей за тѣмъ англійской фразѣ было пространно говорено въ матеріалахъ для біографіи поэта.

Въ концѣ рукописи находится отмѣтка: «23 Октября 1830. Болдино.» Печатный текстъ Современника совершенно сходенъ съ

рукописью. Уже въ корректурѣ, можетъ быть, исправилъ Пушкинъ нѣкоторые стихи, какъ напримѣръ этотъ:

«А грудь своя: гроша ему не стоитъ,»

который въ рукописи читается еще:

«А грудь ему не стоила двухъ ливровъ».

Или:

. . . . «Терпѣлъ я долго
Стыдъ горькой бѣдности....»,

вмѣсто рукописнаго: «стыдъ бѣдности, нужду.»

Рукопись и за ней Современникъ сохраняютъ особенности Пушкинскаго правописанія: прописныя буквы въ словахъ: Нимфы, Музы, Геній, прописныя же въ прилагательныхъ, происходящихъ отъ собственныхъ именъ: «Да, на *Б*ароновыхъ похоронахъ»; окончанія прилагательныхъ на *ова:* «Ну дѣлать нечего: куплю гнѣд*ова*» и т. п.

Посмертное изданіе 1838 г., куда драма поступила прямо изъ Современника, исправило одинъ Пушкинскій стихъ такъ:

*В*займы давать вамъ денегъ безъ закл*аду*, —

у автора было:

Въ займы давать вамъ денегъ безъ закл*ада*.

Въ нашемъ изданіи мы откинули поясненіе, приложенное въ скобкахъ къ заглавію драмы, какъ въ Современникѣ, такъ и въ посмертномъ изданіи: *«Сцены изъ Ченстоновой траги-комедіи: The caveteous Knigth»*, по причинамъ, изложеннымъ въ матеріалахъ для біографіи поэта.

III. МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

Драматическій отрывокъ этотъ напечатанъ былъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1832 г. За подписью «А. Пушкинъ» слѣдуетъ тамъ помѣтка: «26 Октября 1830 г.» Отрывокъ былъ перепечатанъ послѣ въ особой брошюрѣ, въ которой находились всѣ стихотворенія Пушкина, помѣщенныя въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1832 г., которыхъ онъ былъ редакторомъ на этотъ разъ. Брошюра принадлежитъ къ, такъ называемымъ, авторскимъ экземплярамъ и въ каталогахъ не упоминается. За тѣмъ во второй разъ отрывокъ напечатанъ въ

Собраніи Стихотвореній Пушкина 1832 (часть третія) и потомъ вошелъ въ посмертное изданіе 1838—41 г., — въ обоихъ случаяхъ только съ обыкновенными измѣненіями въ правописаніи: «растоптанною» вмѣсто прежняго «разтоптанною», *вживь* вмѣсто *въ живь* и т. п.

IV. КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

Драма напечатана была въ альманахѣ Г. Смирдина: «Сто Русскихъ Литераторовъ» (1839 года), послѣ смерти автора и безъ подписи его имени, но съ обозначеніемъ числа: «4 Ноября 1836». Въ посмертномъ изданіи, къ этому числу присоединено и указаніе мѣста: С. Болдино, но цифра въ году невѣрна, какъ мы сказали уже въ матеріалахъ для біографіи поэта. Ее слѣдуетъ замѣнить другой: именно 1830 годомъ. Ошибка произошла отъ неправильнаго чтенія помѣтки въ рукописи, гдѣ послѣдняя цифра 0 не совсѣмъ ясно обозначена и могла быть принята за 6.

Переходя къ редакціи этого произведенія, сдѣланной уже безъ Пушкина, мы только изъ рукописи можемъ узнать его собственныя намѣренія относительно ея.

1) Пушкинъ хотѣлъ вездѣ замѣнить имя Донъ-Жуана, — Донъ-Гуаномъ, какъ это ясно усматривается изъ поправокъ, какія вездѣ сдѣланы надъ прозваніемъ героя.

2) Оба романса Лауры не были написаны Пушкинымъ, который, вѣроятно, оставилъ это до окончанія драмы, а пропуски замѣнилъ однимъ словомъ въ скобкахъ: «поетъ». Но мы имѣемъ положительное убѣжденіе, что романсъ: «*Я здѣсь Инезилья*», написанный вскорѣ послѣ драмы, назначенъ былъ для первой пѣсни Лауры. Извѣстно, что этотъ романсъ былъ пропущенъ посмертнымъ изданіемъ. Мы приложили его въ матеріалахъ для біографіи поэта. Вторую пѣсню Лауры Пушкинъ совсѣмъ ненаписалъ, но для пополненія этого пробѣла, если уже допустить какое либо пополненіе, чего мы не признаемъ съ своей стороны нужнымъ, можно было бы указать на Испанскій романсъ Пушкина 1824 года:

Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ.

3) Какъ и всегда Пушкинъ часто употреблялъ прописную букву. Съ нея вездѣ напр. начинается слово Командоръ и мы находимъ ее

даже въ стихѣ, которымъ одинъ изъ гостей Лауры описываетъ ея поэтическое состояніе:

Да и теперь глаза твои блестятъ
И щеки разгорѣлись. Не проходитъ
Въ тебѣ *В*осторгъ...

4) Любопытны три разныя редакціи однаго глагола. У Пушкина въ сценѣ призыва Командора, — Лепорелло говоритъ:

«*Придти* попозже вечеромъ и стать
У дверц на часахъ.

Въ альманахѣ: Сто Русскихъ Литераторовъ:

Прійти попозже вечеромъ и стать....

Въ посмертномъ изданіи:

Притти попозже вечеромъ и стать...

Кстати уже о грамматическихъ подробностяхъ: «счастье» по обыкновенію начинается у Пушкина вездѣ съ *щ*, предлоги *из*, *раз*, *воз* въ соединеніи съ глаголами, по большей части, сохраняютъ свою первую форму. Пушкинъ пишетъ также Дона, а не Донна.

5) Въ отношеніи несходствъ печатныхъ текстовъ альманаха и посмертнаго изданія съ рукописью упомянемъ о слѣдующихъ, особенно важныхъ:

а) Въ первой сценѣ Донъ-Жуанъ говоритъ:

Сто Русс. Литт.

Вѣдь я не государственный преступникъ.
Меня онъ удалилъ въ мою же пользу,
Чтобы меня оставила въ покоѣ
Семья убитаго.

Посмертное изд.

Вѣдь я не государственный преступникъ.
Изъ милости ко мнѣ жъ, меня отсюда
Онъ выслалъ. Онъ хотѣлъ меня отъ мщенья
Семьи убитаго спасти.

Все это, особенно ужъ послѣднее, есть только ненужная поправка однаго стиха Пушкина, правда не совсѣмъ гладкаго. Въ рукописи читается такъ.

Вѣдь я не Государственный преступникъ!
Меня онъ удалилъ, меня жъ любя,
Чтобы меня оставила въ покоѣ
Семья убитаго.

Мы предпочли оставить неприкосновенными пару стиховъ Пушкина, хотя бы и съ частыми повтореніями одного слова.

b) Одинъ недосмотръ Пушкина исправленъ довольно различно въ двухъ редакціяхъ и поэтому заслуживаетъ упоминовенія. Въ III сценѣ Дона-Анна говоритъ:

Сто Русс. Литт.

При васъ *мое моленье* можетъ къ небу
Смиренно возноситься. Я прошу
И васъ свой голосъ съ нимъ соединить.

Посмертное изд.

При васъ *мои молитвы* могутъ къ небу
Смиренно возноситься — я прошу
И васъ соединить свой голосъ съ ними.

У Пушкина:

При васъ *мои моленья* могутъ къ небу
Смиренно возноситься. — Я прошу
И васъ свой голосъ *къ нимъ* соединить.

Ошибка Пушкина лучше исправлена въ первой редакціи, которая поэтому и принята въ нашъ текстъ.

c) Въ IV сценѣ драмы посмертное изданіе отступаетъ отъ текста Пушкина и «Ста Русскихъ Литераторовъ» въ слѣдующемъ мѣстѣ:

У Пушкина:

«Когда бъ я васъ обманыв*ать* хотѣлъ
Признался ль я, сказалъ *бы* я то имя
Котораго не можете вы слышать».

Въ посмертномъ изданіи:

Когда бы я *тебя* обманывалъ
Признался ль бы, сказалъ ли бы то имя,
Котораго не можешь *ты* и слышать?

Должно полагать, что двѣ незначительныя ошибки въ рукописи, именно: вмѣсто обманыв*ать*, обманыв*алъ* и пропускъ условной

частицы *бы* послѣ глагола *сказалъ*, понудили къ этому измѣненію, въ которомъ появилось мѣстоимѣніе *ты*, вездѣ уничтоженное Пушкинымъ въ этомъ мѣстѣ, и весьма четко замѣненное другимъ: *Васъ, вы*.

6) Къ довершенію въ посмертномъ изданіи выпущена совсѣмъ цѣлая строфа Донъ-Жуана изъ той же IV сцены, вѣроятно потому, что она написана была Пушкинымъ на отдѣльномъ листкѣ, который не попалъ на глаза редакціи, но былъ однакожъ хорошо извѣстенъ издателямъ «Ста Русскихъ Литтераторовъ», включившихъ отрывокъ въ драму. Вообще редакція «Ста Русскихъ Литтераторовъ» исправнѣе посмертнаго изданія. Строфа, эта слѣдуетъ тотчасъ за словами Доны-Анны:

«Такъ это Донъ-Жуанъ»

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

«Неправда ли: онъ былъ описанъ вамъ
Злодѣемъ, извергомъ —» и проч.

На этомъ мѣстѣ помѣщена она и у насъ въ текстѣ

Въ заключеніе скажемъ, что эпиграфъ къ своему произведенію Пушкинъ написалъ на память изъ либретто Моцартовой оперы, слѣдующимъ образомъ:

Leporello: O Statua gentilissima
Del gran' Comandator!...
. . . . Ah, Padrone!
Don Giovani. —

«Сто Русскихъ Литтераторовъ напечатало»: Ah, Padroni, а посмертное изданіе: Ah, pardoni.

V. ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

Отрывокъ напечатанъ впервые въ альманахѣ 1832 г. «Альціона», изд. барономъ Розеномъ

Произведеніе это есть близкій переводъ 4 сцены 1 акта Уильсоновой трагедіи: «Городъ чумы», имѣющей три акта, какъ это объяснено было и въ альманахѣ, гдѣ тотчасъ послѣ заглавія, стояло въ скобкахъ: «Изъ Вильсоновой трагедіи: The city of the Plague». Въ Собраніи Стихотвореній Пушкина 1832 г., (часть третья), ука-

заніе это еще сохранилось въ листкѣ оглавленія книги, но посмертнымъ изданіемъ выпущено совсѣмъ. Редакція обоихъ послѣднихъ изданій не имѣетъ существенныхъ разницъ съ первой.

VI. РУСАЛКА.

Драматическое произведеніе это напечатано было уже послѣ смерти автора, въ Современникѣ 1837 г., томъ шестой, и это обстоятельство дѣлаетъ повѣрку съ рукописью весьма важнымъ и необходимымъ условіемъ, для опредѣленія достоинства редакціи

Въ рукописи произведеніе Пушкина не имѣетъ заглавія. Послѣ первой сцены его сдѣлана помѣтка рукой автора: «27 Апрѣля 1832 года», почему оно и отнесено нами къ этому году. По причинѣ неяснаго письма и помарокъ ея, въ текстъ Современника, а за тѣмъ и посмертнаго изданія, во всемъ слѣдовавшаго первому, вкрались нѣкоторыя измѣненія и пропуски. Такъ дочь мельника въ первой сценѣ говоритъ (Современникъ и посмертное изданіе):

«Змѣей, змѣею онъ меня —
Не жемчугомъ опуталъ.»

а у Пушкина стихъ написанъ:

«Змѣею *подколодной* онъ меня.
Не жемчугомъ опуталъ».

Правда самъ поэтъ карандашемъ замаралъ «подколодной» и надписалъ «змѣей», но эту неконченную поправку редакція Современника приняла въ текстъ, не замѣтивъ при этомъ, что вводитъ не совсѣмъ полный стихъ. Такъ еще въ предпослѣдней сценѣ, на днѣ Днѣпра, въ рѣчахъ дочери Русалки пропущенъ былъ Современникомъ цѣлый стихъ:

«На землю выходила
Я къ дѣду. *Онъ вечоръ меня просилъ...»*

У Пушкина послѣднія слова были зачеркнуты, сверху нихъ написана фраза, неподдающаяся разбору и Современникъ, по этой причинѣ, выпустилъ первоначальный, весьма ясный стихъ, предпочитая лучше имѣть пустое мѣсто, чѣмъ неисправленную форму стиха.

Осторожность редакціи Современника могла бы еще заслужить одобреніе, если бы это было дѣломъ принятаго плана, но, къ уди-

вленію, мы видимъ, что она помѣстила въ текстъ цѣлый стихъ, не принадлежащій Пушкину, именно слѣдующій:

«Прошло уже двѣнадцать полныхъ лѣтъ»

У Пушкина карандашемъ, сбоку въ видѣ замѣтки, написано было только: «прошло 8 лѣтъ», да сверху еще прибавлено «долгихъ» Все это стиха не составляло и по правилу Современника слѣдовало бы выпустить замѣтку, но на этотъ разъ Современникъ не только что не выпускаетъ, но добавляетъ еще текстъ своимъ собственнымъ стихомъ. Посмертное изданіе, перепечатывая изъ Современника, наконецъ искажаетъ еще чужую добавку, передавая ее такъ:

«Прошло двѣнадцать полныхъ лѣтъ»,

Тутъ уже нѣтъ одной стопы. Все это понудило насъ совсѣмъ откинуть стихъ Современника.

Читатель замѣтитъ, что Князь, отецъ Русалочки начинаетъ рѣчь два раза одними и тѣми же словами, когда приближается къ Днѣпру, въ 4-й и послѣдней сценахъ:

«Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила».

Такъ и въ рукописи, но въ первый разъ Пушкинъ карандашемъ пишетъ одинъ стихъ этого двустишія и, словно забывъ о немъ, повторяетъ во второй разъ, но уже съ добавленіемъ и слѣдующаго за тѣмъ стиха

Другія замѣтки о Русалкѣ находятся въ матеріалахъ для біографіи поэта.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ ВТОРАГО ОТДѢЛА.)

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ.

Мы уже исправили главнѣйшія опечатки, вкравшіяся въ отдѣлъ «стихотвореній» настоящаго изданія — вводомъ новыхъ перепечатанныхъ листовъ во всѣ экземпляры его. Остаются еще нѣкоторыя погрѣшности въ текстѣ Пушкина, которыя здѣсь пересчитываемъ, прося читателей самимъ исправить небольшое число грамматическихъ опечатокъ и нѣсколько неисправностей и типографскихъ пропусковъ въ знакахъ препинанія.

ОПЕЧАТКИ ВО II-мъ ТОМѢ.

Напечатано:	*Слѣдуетъ исправить.*
Въ стихотвореніи: «Къ сестрѣ», стран. 3, строка 4: «Пачини иль Рамо?»	«Пичини иль Рамо?
Въ стихотвореніи: «Кольна», стран. 9, строка 4: «Въ чер*тахъ* Сельмы Царь могучихъ»	«Въ чертог*ахъ* Сельмы, Царь могучихъ».
Въ стихотвореніи «Блаженство», стран. 13, строка 13: «Плющ*а* на черныхъ волосахъ»	«Плющ*ъ* на черныхъ волосахъ»
Въ стихотвореніи: «Слеза», стран. 69, строка 18: «Чтобъ отрави*лъ* бокалъ»	«Чтобъ отрави*ть* бокалъ».
Въ стихотвореніи: «Къ Дельвигу», стран. 161, строка 20: «Ми*лой* другъ, и я пѣвецъ!..»	«Мо*й* другъ, и я пѣвецъ!..».
Въ стихотвореніи: «Демонъ», стран. 343, строка 13: «Неистощим*ый* клеветою»	«Неистощим*ой* клеветою».
Въ стихотвореніи: «Къ Языкову», стран. 358, строка 13: «Услышь, поэтъ, мое приз*н*анье»	«Услышь, поэтъ, мое приз*в*анье».
Въ стихотвореніи: «Пріятелямъ», стран. 407, строка 8: «Какъ налечу н*аж*данный..»	«Какъ налечу н*еж*данный..»

NB. Въ библіографическомъ примѣчаніи къ неизданному стихотворенію: «Въ альбомъ А. И. Зубову» — (страница 185, Примѣчаніе XII), выпущенъ, по недосмотру, исправленный текстъ его, какъ онъ былъ помѣщенъ въ журналѣ: Москвитянинъ 1842, № 6.

Когда погаснутъ дни мечтанья,
И позоветъ насъ шумный свѣтъ —
Кто вспомнитъ братскія свиданья
И дружество минувшихъ лѣтъ?...
Позволь въ листахъ восноминанья
Оставить имъ минутный слѣдъ.

ОПЕЧАТКИ ВЪ III-мъ ТОМѢ.

Напечатано:	*Слѣдуетъ исправить:*
Въ стихотвореніи: «Романсъ», стран. 18, строка 11: «*А. М. Д.* своею кровью»	«*A. M. D.* своею кровью».
Въ поэмѣ: «Бахчисарайскій фонтанъ», стран. 211, строка 13: «И вдохновенн*ый* сладострастныхъ»	«И вдохновен*ій* сладострастныхъ».
Въ повѣсти: «Домикъ въ Коломнѣ», стран. 336, строка 7: «Дня три тому, *тогда* ходилъ я вмѣстѣ»,	«Дня три тому, *туда* ходилъ я вмѣстѣ»,
Въ сказкѣ: «Женихъ», стран. 411, строка 3: «Вотъ и женихъ — всѣ за столъ»	«Вотъ и женихъ — *и* всѣ за столъ».

NB. Въ стихотвореніи: «Пиръ Петра Перваго» на страницѣ 51 — двѣ строфы его напечатаны сплошь, вмѣсто того, чтобъ быть напечатанными *раздѣльно*, какъ слѣдуетъ.

ОПЕЧАТКИ ВЪ IV-мъ ТОМѢ.

Напечатано:	*Слѣдуетъ исправить:*
Въ романѣ: «Евгеній Онѣгинъ», стран. 39, строка послѣдняя: «Взойдетъ ли онъ — тотчасъ бѣсѣда»	«Войдетъ ли онъ — тотчасъ бесѣда».
Тамъ же, стран. 157, строка 17: «Ей страненъ. Чтенію предалась»	«Ей страненъ. Чтенію предалася».
Тамъ же, стран. 166, строка 21: «Остановился. Къ старой тектѣ»	«Остановился. Къ старой теткѣ»
Въ хроникѣ: «Борисъ Годуновъ», стран. 240, строка 10: «Благословитъ Бориса на державу»	«Благословить Бориса на державу».
Въ хроникѣ: «Борисъ Годуновъ», стран. 242, строка 9: «Вчерашій рабъ, Татаринъ...»	«Вчерашній рабъ, Татаринъ».
«Въ драмѣ: Моцартъ и Сальери», стран. 366, строка 5: «Я здѣлался ремесленникъ...»	«Я сдѣлался ремесленникъ».

NB. Въ хроникѣ: Борисъ Годуновъ, стран. 324 напечатано въ скобкахъ: «служители въ безпорядкѣ дѣгутъ...», вмѣсто бѣгутъ.

41-66

43 13/40.

16р86к =

4р-66к

4313/40